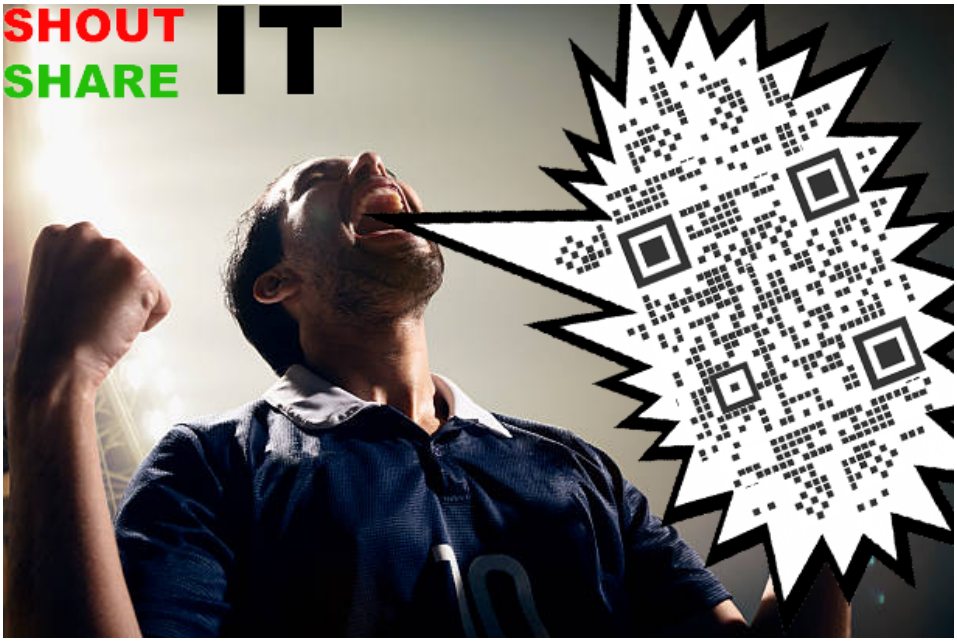
Экскурсия в прошлое

Алан Феликсович Аюпов


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Каждый человек хоть раз в жизни вспоминает о своём детстве. Вот и я попытаюсь рассказать о тех далёких днях. Какими они были глазами ребёнка. Детсткие воспоминания, сравнение с нынешним временем.

- Алан Аюпов
  - От автора
  - Часть первая
    - Поговорим за жизнь
    - Письма
    - Я не художник
    - Я не скульптор
    - Память Человеческая
    - Старый альбом
    - Отправная точка
    - Ночные арии
    - Семечки
    - Сараи
    - Мой дом
    - Бараки
    - Первый и последний побег
    - Шефы
    - Школа
    - Дежурный
  - Часть вторая
    - Поруганная память
    - Машины и дороги
    - Сладкая память
    - Пиво и закуски
    - Снежные игры
    - Благородство и пирожки
    - Часы и несправедливость
    - Цветы и цветники
    - НЛО и прочие чудеса
    - «Злачные места»
    - Детская комната
    - Волчонок
    - Костёр из Деда Мороза
    - Детские сады
    - Внимание, лошади!
    - Бытовые блага

- Домашние любимцы
- Чрезвычайные события
- Ностальгия
- Юг и север
- Аттракционы да игры
- Ломать — не строить
- Местные достопримечательности
- Как нас учили
- Непреднамеренное воровство
- Уродливые двойки
- Самоотверженный сообразитель
- Физра
- Берегись, танк!
- Первые одноклассники
- Ямы, канавы
- Родные места
- Жители севера
- Актированные дни
- Летняя тундра
- Дворец пионеров
- Футбол и мореплаватели
- Воспоминания
- Парады
- Впервые в театр
- Неприятные достопримечательности
- Музеи
- Увы, но никто не вернётся
- Не произносите высокопарных слов

○ Часть третья

- История одной жизни
- Спустя много лет
- Шахтёрские байки
- Разруха
- Кто я, и откуда?

○ Примечание

Алан Аюпов
ЭКСКУРСИЯ В ПРОШЛОЕ

Выражаю огромную благодарность за оказанную помощь в написании этой книги Ольге Нику, Тамаре Скиба, Валерию Кузёме, Ольге Дёминой (Якушевой)!

От автора

Написать всё можно. Вопрос в другом: нужно ли? И если нужно, то кому?

Пожаловаться на жизнь? Всем тем, кто будет читать? А им это надо? У них свои такие же жалобы. Тогда кому? Просто в пространство? В этом случае количество жалоб в эфире может перейти в непредсказуемое качество. И что произойдёт? Вселенский взрыв?! Или взрыв местного масштаба, как уже случилось много миллионов лет назад?..

Но ведь все жалуются. Кому от этого легче? По-моему никому. Кстати, самому жалующемуся от этого ничуть не легче. В таком случае, зачем всё это?

Приключения? Да, немного щекочет нервы. Но все знают, что это сплошное враньё. А бывает ли подобное в жизни? Разумеется, бывает. Проблема в том, что этого-то, как раз, никто описывать не будет. Связано сие с очень большим контингентом окружающих. Не дай бог кого зацепишь?! Придётся подстраиваться, и писать так, чтоб обидно никому не было. Вот и получается, что даже на бумаге не выскажешь всего того, что думаешь.

Так зачем же всё-таки писать тогда надо? Жалобы читать не будут. Приключениями надолго не привлечёшь, а начнёшь делиться своим сокровенным — побьют!.. И это в лучшем случае. Умного, скорее всего, ничего не скажешь, зато гадостей наговоришь!!! С точки зрения тех о ком писать будешь.

Выходит, что писать не стоит? Возможно. Но ведь всё равно хочется. Что же делать? Конечно, писать. Другое дело надо ли это кому-либо демонстрировать?.. Скорее всего, что нет. А зачем тогда писать, чтоб никто не знал? Чтоб читателя не было? Это бессмысленно!.. Да. Бессмысленно. Но отвечает всем требованиям пишущего.

Умные люди пишут умные книжки не для всего описанного выше. Они пишут, чтоб найти своих единомышленников, своих однодумцев, родственные души. Тех, кто поймёт тебя, и прочтёт между строк гораздо больше, чем ты туда вложил. Книги пишут, чтоб ПОДЕЛИТЬСЯ СОБСТВЕННЫМ ОПЫТОМ, дабы никто не наступал на одни и те же грабли дважды. И что? Не наступают? Наступают, конечно. Своя шишка дороже, хоть и не всегда с первого раза соображают, что к чему и для чего!.. Не зря же говорят: «Как бы грабли нас не учили, а сердцу хочется верить в чудеса!».

(Фото № 1 — «Тундра»)

А зачем в таком случае пишу я?

А кто его знает?..

С одной стороны вроде бы и не жалуюсь, хотя кое-где всё же проскакивает. С другой, делюсь опытом. Хотя какой там опыт?! Смех один. Скорее просто рассказываю, вспоминаю, смеюсь и плачу, грущу и веселюсь, в надежде на то, что кто-нибудь, читающий эти строки, будет переживать вместе со мной.

Кому не смешно от такой шутки: «у вас лето было? да, но я в этот день работал».

— собирать грибы в берёзах, а берёзы меньше грибов…

— найти снег в июле это нормально… А видеть месяц и солнце висящие рядышком, не вызывают ровно ни каких эмоций?!

— Каждый из нас хоть раз травил байки о том, что живёт в чуме, по улицам бродят белые медведи, а вместо такси — олени. И нам верили!!!!

— если рассказы Петербуржцев про белые ночи вызывают у тебя только усмешку, то ты из Коми.

— Если, вызвав такси, ты его сначала помогаешь откопать, вытолкать, а потом только едешь, и не требуешь за это скидки от водителя — это значит, что ты давно в Коми!

А вот Анне Владимировне Курбовой (в девичестве Никитиной) не до шуток было. С 1946-го года по 1952-ой год мотала срок по навету председателя колхоза, отказавши ему в домогательстве. Не любила она вспоминать Воркуту. И город этот ненавидела всеми фибрами своей души.

Краткая справка:

Река Воркута известна со второй половины 18-го века., но населённые пункты появились на её берегах только в 1930-е годы.

На карте 1945 года отмечены Воркута, Предшахтный, второй район, третий район, четвёртый район, Шахтный, Копи и пятый район. В 1949 году территория города включала: центр города Воркута, посёлки Рудник, Плотина, третьего района, Западного района, ВЖД (железнодорожников), ВМЗ, Кирпичного завода № 1, а так же посёлки шахт № 8, № 17, № 18, № 25, № 26, № 27, № 40, Центробазу, аэродром, шахтоуправление № 1, станцию Пернашор, Городским властям подчинялись так же Хановей, Чум и деревня Ярвань.

Реки печорского бассейна: Подчерем, Косью, Кожим, Адзьва, Большая Инта.

(историко-демографический справочник И.Л. Жеребцов).

Вот про этот край я и хочу рассказать!..

Автор

23 января 2013 г. среда

Часть первая
Черно-белый альбом

Поговорим за жизнь (Вместо пролога)

О чём, о чём?! Да ты что?! Оно тебе надо? Да ладно, ладно… Проходи… Ты хоть знаешь, как это? Ну, у Высоцкого там не так было. Вроде бы: «Толковищу вели до кровянки». В общем-то, одно и то же, но не то. Не люблю я так. Это больше на разборки походит. А говорить за жизнь, всё равно, что банку давить. Что? Не знаешь, что это такое? Ты с какого дуба свалился? Сейчас всякая шантрапа мелкая и та знает эти выражения, современные крылатые фразы, так сказать. Да ладно тебе. Какая там феня?! Я с ней не знаком. У меня вообще женщин с таким именем не было. Ну, шучу я, шучу. Будет тебе. Проходи, присаживайся. А!.. Вот это ты верно сделал. Что за разговор про жизнь без неё, беленькой?! Сейчас стаканчики принесу. Погодь, немножко… Я вчера на базаре у бабульки такую капусточку отхватил, закачаешься. Сейчас капусту делать не умеют. Найти хорошую — редкость великая. Ага. Огурчики ещё ничего, пытаются делать, а вот капусту не умеют. Забыли рецепты предков. Да, хлеб у меня только чёрный. Не ем я белого. Нет сейчас нормального хлеба. Всё из концентратов западных делают. А из деревни редко кто привозит своего. Там ведь тоже прогресс. Никто не хочет сам печь. Зачем? Пошёл в магазин да купил. Да знаю я, знаю, что чёрствый. Они сюда приезжают, чтоб свеженького набрать. Пока довезут, он тоже в камень превращается. Они его свиньям скармливают. Размочат в воде, перемешают с помоями и в корыто. Сам видел. Чтоб крестьянин при царе-батюшке своими руками хлеб свиньям давал?! Один мужик здесь приезжает раз в неделю, закупается по полной программе. Пару мешков хлеба, бочку артезианка набирает. Я его спрашиваю «зачем?», а он говорит: «Скотину-то кормить надо чем? И поить хорошей водичкой». Обнаглели. Хотя, чего там… Корм дорого стоит, хлеб в городе дешевле. А колодец копать лень-матушка. Заказывать бурильщиков, деньги нужны. Проще приехать и здесь набрать. А бабушки с дедушками пусть в очереди постоят, пока он водички-то для скотинки своей наберёт. Вот и выходит, что жизнь домашних животных по цене выше человечьей, потому как продать можно. На базаре, конечно, на базаре.

Ты открывай пока, открывай. Я вот сейчас огурчиков достану, картошечку поставлю в духовочку, запечём слегка. Как? Да в соль её. Такая будет, за уши не оттянешь. Какая, к чёртовой матери, микроволновка?! Только этой фигни мне и не хватает для

полного счастья. Печку бы, настоящую?! Да только где её здесь разместить? Ага, и дров нынче не достать. Разве что в парке деревьев наломать. Сальца, говоришь?! Можно, конечно и с салом, но нет у меня сала. Да и долго это. Если про жизнь гуторить, то лучше чего попроще. Нож вон там, в столе, нарежь хлебушка. Как пустая солонка? Соль вон там, на окне, в банке. А ты её, родимую, пока в морозилочку полож, пущай остынет. Тёплая она противная, а холодненькая то, что надо! А, поставил раньше! Молодец, хвалю. Так, вот мисочка сюда маслица накапаем, картошечку макать. Не пробовал? Ну да, вы сейчас фри какое-то жрёте, задницу Буша с чипсами какими-то… Гадость всякую. Натуральной пищи вы и в глаза не видели. А что это? Слышь, выкинь ты эту дрянь, или с собой забери. Ну, какой нормальный человек водку пиццей закусывает? А это что? Кока-кола? Ты б ещё бензином водку запивал. Совсем разучились пить по-людски. Если не можешь так пить, вот тебе родниковая. Сам ездил, набирал. Небось, за городом. Родник чистый. Про него мало кто знает, хоть почти под боком городским пристроился. Хотя нет, это город к нему подкрался. Ну что, наливай?! У меня рука тяжёлая. Так что лей ты. Аккуратнее, не спеши. Да не лей по полной. Мы ж не напиваться будем, мы ж про жизнь говорить будем…

Аххх! Хорошо пошла, назад не обещала вернуться… Таак, огурчик, давай быстренько. Да не хлещи ты воду, придурок! Башка болеть будет. Глоток сделал и будя! Огурчиком её, огурчиком. Теперь вот капусточки щепоть. А, совсем забыл. Вот склеротик старый. Ладно, вторую у меня рассольчиком капустным запьёшь, или огуречным. Всё лучше, чем водой заливать продукт. Ну, дорогой, водка сейчас везде плохая. Найти хорошую почти невозможно. Хотя иногда и можно. Да ты закусывай, закусывай. Сейчас картошечка подойдёт, слышь, уже пахнет?..

Ага, наливай. Ну, будь… Ну не спеши ты её глотать, подавишься!.. ВО, теперь рассольчиком, вот так. Ну? То-то! Наши предки знали толк в питие. Учись, салага. Это же и есть жизнь, про которую ты хотел говорить. А блокнотик-то на кой достал? Писать? Я те чо? Будда какой-нибудь?! Ты это дело брось. Спрячь, а то забудешь. Диктофон? Да чёрт с ним, с твоим диктофоном. Пусть крутится, пока батарейки не сядут. А! он у тебя цифровой!.. Да не надо объяснять, я всё равно ни черта в современной технике не понимаю. Старенькие магнитофоны так то понятно. Крутится там лента с железом и волны на эту ленту намагничиваются. А эти цифры ваши, компьютеры… Не понимаю я этого. Давай, по третьей пора. Я?! Я не тороплюсь, но градус

надо добрать, а то разговора не получится. Это дело твоё, но у нас третья за тех, кто в море, усёк? Правильно. За это надо. Потом уж как хошь. Упала! Хорошо… М-мм! Бабка не обманула. Хорошая капусточка. Вообще-то, как появились огурчики, народ на них перешёл, а зря. Лучшей закуски, чем капуста не найти. В ней же все витамины имеются. А главное ведь то, что наша она, родимая, а значит, и организму пользительнее будет её кушать, чем какие-то гребешочки, перцы сладкие, гагашары турецкие. Своя еда роднее. Вон, соседка, пошла в супермаркет накупила там здоровенных, красных яблок, а жрать их не стала. Я говорю: «Зачем тогда покупала?», а она: «Ну, ведь красивые же? На столе хорошо смотрятся.». Она яблоки не есть покупает, а смотреть на них. У меня парнишка по работе в штаты мотался. Говорит, еда там красивая, но жрать её нельзя. Вкуса совсем нет. А разве в еде вид важен? Еду кушать надо, а не глядеть на неё. Вон, французы, лягушек жрут и не морщатся. Вкусно, говорят. Ну, так то их еда. Мы всякую болотную живность в пищу не употребляем. Ага. Мой корефан на днях припёр бутылку водки со змеёй внутри. Китайская, говорит. Я ему: «Да пошёл ты со своей китайской… Принеси нашу… А эту дрянь сам пей». Обиделся. А потом через день приходит и говорит: «Прав ты был, Владимирыч, гадость всё это. Чача там всякая, виски грёбаные, саке горячее. Лучше нашей нет. Не зря её во всём мире уважают». Вино? ну, это совсем другой напиток. Мы ж про жизнь говорим, а не про её радости!.. Глянь там, картошечка не подошла? Вилкой, дурень, вилкой!.. Значит, ещё не дошла. Пусть постоит чуток. Я вот смотрю на стол и думаю, чего тут не хватает? Не знаешь? Молодой, зелёный… Лука нет, и грибочков. Сейчас лук принесу, а вот грибков, увы, нет. Куда? Ты что, сдурел? Нашёл мне грибы?! Шампиньоны!.. Ты хоть раз видел, как они растут и на чём? Вот именно. Видел бы никогда не жрал. Грибы должны быть настоящие. Какие, какие… Лисички, подберёзовики, подосиновики, белые, маслята, грузди, опята… Да в бочке квашенные. А в банках, что это за грибы? Развесные?! Ой, не смеши мои уши. Ну, как хошь, можешь сбегать. Только в магазинах наших ничего хорошего не продают. Отраву всякую, пожалуйста, а нормальной пищи там нет. Покупаю, конечно, а куда деваться. Была б возможность в деревню смотаться, давно бы слинял. Да только видать не судьба. Корней у меня там не осталось, а начинать жизнь на новом месте годы не те. Деревня, она работящих любит. Лодырям там делать нечего.

Ого! Быстро! А картошечка уже готова. Только горячая, осторожнее. Грибки? Ааа! Давай сюда, вот тарелочка, масла капни, лучка подкроши, перчика чёрненького кинь, вилки в

ящичке возьми. Не, мне вон с той, костяной ручкой. Не люблю я современные ложки и вилки. Железные они какие-то, и привкус от них у еды металлический. Предки наши всё деревом баловались. Дома из дерева строили. Ты что думаешь, они не знали, что можно из камня? Не такие уж и глупые были у нас предки. Камень холодный, не живой, а дерево тёплое, живое. Причём, каждый выбирал себе соответствующую породу для внутренней отделки горниц. Не прихоть то была, необходимость. А что у нас? Четыре бетонных стены? Соседи сверху, соседи снизу, соседи слева, соседи справа… Сплошные соседи. А раньше? Не, я не то, чтобы верю во все эти штуки, но сам подумай? Есть какая-то зависимость, есть. Что не говори, а близкое соседство всё же влияет на нашу жизнь. Да хоть просто чхнуть нельзя, сразу четыре семьи слышат. Хорошо если хоть одна пожелает здоровья… Один сосед завидует, другой люто ненавидит, третьему ты по барабану, четвёртый рад с тобой на дурыщю водочки хлебнуть, но никак не наоборот!.. И никому нет дела до того, сколько стоит твоя жизнь. В тридцать седьмом продавали всех подряд, лишь бы свою шкуру спасти. Вот тебе и жизнь. Как про неё по частям говорить можно?

Э, про запад не надо мне заливать. Знаю я, знаю!.. Мой знакомый с семьёй в гости ездил. Поехали они с товарищем ещё к одному сокурснику. А у того гости, местные. Напились, еле на ногах держатся. Давай домой собираться. Тут эти американцы и говорят, мол, пьяны вы, не доедете, в аварию попадёте. А наши, мол, закалённые, и не в таком состоянии ездили. Добрались до машины, сели да поехали. А те, сволочи, в полицию позвонили, предупредили, что пьяные русские по дорогам катаются. Номер машины сообщили и адрес, куда должны были приехать. Вот тебе и демократия их хвалёная. Дерьмо это, а не демократия.

Не, ты мне сказок-то не бай!.. Я и про другие страны могу рассказать тебе. Вона, в Австралии, знакомая недавно приехала. Так у них точно так же. Двое незрячих гуляли по тротуарам, изучали дорогу. К ним абориген местный подошёл, поинтересовался, что они ищут. Ну, те английский с пятого на десятый знают, а вот австралийскому наречию их никто не учил. Не поняли ни хрена, кое-как сказали, что гуляем, дескать, отдыхаем. А абориген возьми да в полицию позвони, мол, шатаются тут какие-то… Приехала полиция, в машину их усадили, да домой отвезли. На дорожку сообщили, чтоб не шастали без сопровождающих.

А не дай бог, чтоб у тебя на участке, если, конечно, у тебя имеется таковой, какая животинка сдохнет!.. Горя не оберёшься!.. Штрафы там за это громадные. Потому и мух не бьют. А их там

тьма-тьмущая!!! Мы к таким полчищам этой дряни не привыкшие. А крупные-то какие!.. Как слоны летающие!.. И не убий сию заразу, штраф, десять тысяч!.. Да не шучу я, не шучу. На западе этом хвалёном доносительство в крови. А ты тут мне про тридцать седьмой, да про культ Сталина… Это я про тридцать седьмой?! Ты мне зубы-то не заговаривай… Я к слову сказал, а ты мне про репрессии и концлагеря.

А, ты про это!.. Ну, знаешь ли… Здесь тоже, как сказать. Вот шёл я однажды вечером. Совсем недавно. Лет десять назад, может больше. Иду себе с работы, по сторонам не гляжу, всё больше под ноги. Мысли всякие дурацкие одолевают. Времени не так уж и много. Скорее совсем не много. Может шесть часов, а может и семь было. Осенью дело было. Вдруг вижу, весь тротуар перегородила толпа, человек семь, восемь молодых оболтусов. Гогочут, матерятся, никого не стесняются. Явно навеселе. Ну, я от греха подальше решил перейти на другую сторону улицы. До середины дороги дойти не успел, а они кричат, мол, стой, папаша, закурить не найдётся? Я промолчал, иду себе дальше, а народу вокруг ну, как на грех, никогошеньки. Тогда эти молодцы рысцой за мной погнались. Чего им от меня надо было? Поразвлечься ребятки решили. А мне вдруг так жить захотелось!.. Если не убьют, так искалечат же… А что за жизнь калекой?! Всю пенсию на лекарства… Разве это можно назвать жизнью? И дал я дёру. Ох, как я драпал!.. Они, видать, этот район не знали, а я-то в нём почитай всю свою жизнь провёл. Удрал я. Потом ещё месяц поджилки тряслись. Дорогу эту обходил десятой стороной. Вот тебе и цена.

Ты погодь, не перебивай. Капни грамм тридцать… Так вот, я и говорю. А как-то в молодости, ну, не совсем, конечно, в молодости, шёл я с девушкой. С танцев шли. Ни в одном глазу, разумеется. Провожал я её. Время было позднее, час ночи, или около того. Фонари на улице горят кое-где, а потому я не сразу увидел троих амбалов. Вынырнули откуда-то из подворотни. Подошли, окружили, и ну издеваться, типа, давай девку, а сам иди себе. Очень мне это не понравилось. Заметь, ведь и в голову мою дурную тогда не пришло, что три здоровенных парня из меня котлету сделают в пять минут, кинулся на них в драку. Ох, и надавали они мне тогда!.. Играли, как футболисты мячом. По чистой случайности угодил я на газон, где в кустах кто-то спрятал доски. Ну, недолго думая, схватил первую попавшуюся под руки и шарахнул по башке одного, аж хрустнуло что-то, толи доска треснула, толи черепушка амбала. Тот свалился, как подкошенный. Оставшиеся двое замерли, подумали секунду и приступили к более решительным действиям. Меня спасло лишь

то, что девчонка, которую я провожал, всё же умудрилась добраться до ближайшего магазина и оттуда вызвала милицию. Не струсила, не сбежала… Я после такой встряски два месяца по больницам валялся. Только вот о жизни своей драгоценной в тот момент даже не вспомнил.

Или вот. Летел я как-то на самолёте. Вдруг он падать начал. Бог ты мой! Как я перепугался! Всем богам за несколько минут помолился, всем поклялся, что жить начну иначе. А как на земле оказался, тут же все свои обещания и клятвы забыл. Зато с тех пор не летаю на самолётах. Боюсь… Во как работает инстинкт самосохранения!.. И в пику ему, инстинкту проклятому… Работал я в депо. Иду со смены, через пути, так быстрее к остановке автобусной было. Смотрю, а на рельсах пацан одного нашего машиниста играется. Ну, я к нему иду не спеша, думаю, надо убрать мальчишку, не ровен час состав будет идти. И как будто чёрт услыхал, тепловоз вдруг как заорёт, почти над ухом. Не помню, как оказался подле пацана, как выбил его с рельс. Ничего не помню. А вот три ребра сломал, руку левую и ногу тоже левую. Как жив остался, до сих пор не понимаю. Опять же, этот самый инстинкт почему-то не сработал. Не скажешь почему?

Ага, давай, наливай. Капусточка там ещё есть? Угу. Да… После того случая, как я поцеловался с тепловозом, начались у меня странности в животе. Растёт пузо, как у беременной. Пошёл я к врачам. Смотрели они, смотрели, ничего не сказали, а в больницу направили. Прошёл я обследование. Лечащий и говорит, мол, оперировать надо, и желательно срочно. Отправил в кабинет, где готовили к операции. Ну, там, вопросы всякие, что можно, а чего нельзя, и кто ответственный будет ежели чего. Сидит там эдакая тётенька, кил под триста, болтает по телефону и ответы мои записывает. Чего она там написала, я так и не узнал. А когда уходил, спросил, мол, врач мне сказал, чтоб я обязательно указал лекарства, которые мой организм не переносит, а вы почему-то про это не спросили. А она мне прям в лоб: «Да вам это не понадобится. Дай бог, чтоб вы до конца операции дожили».

Я от такой откровенности чуть на тот свет прямо у неё в кабинете не отправился. Добрался до своей палаты, сел на кровать и думаю, как бы сбежать? Но опоздал. Пришёл какой-то врач, напихал мне кучу уколов, накормил таблетками. Я одурел совсем. Мыслить могу, а двигаться нет. Ни рук, ни ног не чую. Лежу, как чушка, а самому выть хочется. Ведь жить-то осталось всего ничего. Только и смог, что дотянуться до подоконника одной рукой, да так и уснул.

Долго я потом помнил эту медицинскую сестричку, добрую

душу… Особенно, когда после, вернее, во время операции выяснилось, что диагноз был ошибочным. А как жить хотелось?! После операции вышел на улицу, радуюсь, как ребёнок солнышку, воздуху, людям…

Как-то однажды учила меня сестрёнка, не, не родная, троюродная, что ли?.. Учила плавать. Пошли мы на озеро, доплыли до середины. А там что-то наподобие отмели. Я на этот островок попал, стал на ноги и жду её, а она промахнулась, да об край камня этого или что там было… Может стекло какое торчало, не знаю, но распорола ногу от щиколотки до коленки. Конечно, испугалась, закричала, и хвать меня за горло. А я же плавать не умею?! Только учусь!.. Меня вода не держит. Вот и пошёл с ней ко дну. Страшно стало. Не потому, что утону, а потому, что не сумею спасти сестру. Как выкарабкался, не знаю. На моё счастье парнишка там недалеко оказался, увидал, как мы барахтаемся, да воду красную, догадался, помог, обоих вытащил.

Так что не знаю, как тебе ответить, что такое цена жизни? Представления не имею. У каждого она своя. На чьей стороне правда, не знаю. Да и не хочу знать. Я живу — и это хорошо. А не станет меня, тоже хорошо. Не для меня, конечно, для других, для государства, скажем. А если не зря проживу, так и помирать не обидно будет. Что значит «не зря»? А бог его знает. Вот хотя бы взять тот случай. Повезло мне, уберёг я девку от бесчестия, ей хорошо, а мне ещё лучше. Не знаю почему, но на душе светлее, не дал восторжествовать подлости. Я понимаю, что высокопарно, но скажи иначе?

Да вот, к примеру, вчера. Зашёл в магазин, купил сигарет, а сдачу мне в три раза больше дали. Другой бы промолчал, а я не могу. Понимаю, что продавцы сто раз надуют других покупателей и в накладе не останутся. Но не могу я так. Если я обманываю, почему другие не имеют права делать со мной тоже самое? Причём здесь жизнь? Притом, мой молодой друг, что эта жизнь из вот таких мелочей и складывается. Потому и человек нам кажется хорошим лишь после смерти. До этого мы о нём, о человеке, не думаем. Нам не до него. Своих проблем выше крыши. А что обидели ненароком?! Ну, так не мы первые, и не мы последние. Как говорится, бог простит.

Да ты наливай, наливай. Греется же!.. Угу, картошечка поостыла. Ты сольки немного туда, вкуснее будет. Ага, помешай чуток, а то вся на картошку прицепится. Вкусно? То-то.

Ты говоришь «цена жизни». А какой критерий этой цены? Смотри, вот Сталин… Не пожалел двадцати миллионов, чтоб спасти жизнь миллиарду. Это цена или нет? А страховой агент? Он твою жизнь в несколько тысяч рублей оценивает. Если так

считать, то Сталин вообще благодетелем покажется. Что там каких-нибудь два, три миллиарда рублей потерять, чтоб триллионы сохранить или заработать? Не нравиться жизнь денежными знаками оценивать? А как прикажешь? Где он эталон цены жизни? может водкой её оценивать? Поступками? Ой, не смеши меня. Вот ты на днях купил по дешёвке стройматериалы. А хороший ли это поступок? Для тебя он выгодный, но сказать, что он хороший язык не повернётся. Ты ж прекрасно знаешь, что эти самые материалы украдены у хозяина, потому-то они тебе по дешёвке достались. Хорошо это, или плохо? Для хозяина плохо, для тебя вроде бы как хорошо. А красть — хорошо? А способствовать краже? Вот и попробуй, оцени свой поступок.

А грибы не те. Не, не говори, не те. Вываренные они какие-то. Никакого вкуса. А где это я лучок дел? А! Подай-ка его сюда… Да ты мне мозги не пудри своим Маяковским. Помню, конечно, помню… Только и он не смог дать ответа: «Что такое хорошо, а что такое плохо?». У любой медали две стороны, и найти золотую серединку ещё никому не удавалось. Балансировать где-то около, да, а вот чистой середины, видать, всё же не существует.

Письма

«Никогда ни о чём не жалейте вдогонку,
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить».

Андрей Дементьев 1977 г.

Вообще-то странно устроена эта штука — Жизнь! Раскидало наших по всему шарику. А они, спустя столько лет, продолжают жить памятью! Видимо, хорошее место было — посёлок Комсомольский.

Если уж совсем честно, с этими одноклассниками авантюра получилась потрясающая. Мне б и в голову не пришло, искать кого бы то ни было, потому как вряд ли меня кто-то помнит. А выяснилось, что помнят. Даже нашёл свои фотографии, которых у меня никогда не было! Разумеется, я понятия не имел, об их существовании. На мой запрос отозвалась лишь Ольга Дёмина, которая и дала мне наводку на Ольгу Нику, которую, в свою очередь, она узнала на школьной фотографии.

Но, давайте по порядку. Всё началось с сообщения, написанного мной Татьяне Дешко (Плиско).

12.01.2008 10:52

«Доброго времени суток, Татьяна! Мы с вами учились в одно и то же время в одной и той же школе. Возможно, в параллельных классах… К сожалению, мне пришлось рано покинуть наш посёлок, и потому я плохо помню своих одноклассников. Может, попробуем вместе вспомнить, вдруг повезёт и мы найдём своих старых друзей. Очень уж хочется найти своих первых одноклассников спустя столько лет! Буду весьма признателен за любой отзыв».

Ответа я не дождался. И тогда написал Лилии Грузиньш:

07.05.2008 13:22

«Доброго времени суток, Лилия! Прошу прощения за беспокойство, однако не утерпел, решил задать вам пару вопросов, если сочтёте нужным ответить, буду благодарен. Насколько я понял вы до сих пор живёте в посёлке, если я вас очень попрошу рассказать о том, что

сейчас там происходит? Есть ли у вас фотографии 60-ых годов (посёлка), и нынешнего? Не могли бы вы поделиться со мной информацией в этом плане? Буду весьма и весьма благодарен за всё, что вы посчитаете нужным и возможным рассказать. А нет, так не в обиде буду».

В «не обиде» и остался.

Как говорится: «Бог любит троицу». И я рискнул в третий раз. Теперь написал Ольге Якушевой (Дёминой):

«Прошу прощения если немного вас напряг. Я прекрасно осознаю, что найти людей в моём положении практически невозможно, кроме всего, найдя, хоть кого-либо, это ещё ничего не значит. Люди разные, люди прожившие жизнь, люди со своими знаниями и характерами, определённым кругом общения и так далее, и тому подобное. Поэтому я ищу всех, кто хочет и может поделиться своими воспоминаниями не только о прошедшем времени, но и о настоящем. Судьбы людей настолько непредсказуемы!»

И удача улыбнулась!!!

«Здравствуйте, Саша! Я вас не помню, извините. Если бы была фотография? Здесь в Питере живут Сергей Шумаков, Нина Сиволапова, Алла Быкова (гимнастка). Мама Шумакова-Роза Васильевна в нашей школе преподавала биологию и так далее. Но её уже нет в живых. Я сегодня была у Сергея в гостях и видела фотографии нашего посёлка. Ужасающее зрелище. Ответьте мне».

«Разумеется, вы меня не помните. На то есть веские причины. Я покинул школу после второго класса. Учился я в классе „Б“. Нашу учительницу звали Галина Ивановна. Общую фотографию я выложу на днях. К сожалению, я не помню ни одной фамилии, поэтому очень трудно разыскивать кого-либо. Если не трудно, расскажите, хотя бы коротко, что с посёлком? Что от него осталось? А вспомнить меня или кого-либо из нашего класса можно по всей вероятности лишь по случаям тех лет, но здесь ограничения по знакам. Про ответ даже не пишу, это и так, подразумевается, если сможете ответить очень жду!»

«Да, забыла вам сказать, Сергей Шумаков переписывается с Хлыстовым и Кожановым. Может, вы их помните. Они живут в Воркуте».

«Хлыстова, кажется, помню. Он сидел на последней парте в первых классах. На него в стенной газете очень часто тогда карикатуры писали. Но, вполне возможно я его спутал с кем-то. В голове крутится фамилия толи Червяков, толи Чураков… Он по тем временам ещё на крутом велосипеде катался. Мой дом был недалеко от школы, по пути на шахту. Кстати, она ещё работает или уже закрыли?»

«Ничего не осталось от стадиона. Всё что ниже разрушено, снесено, заросло. Посёлка Строительного, что дальше, тоже нет. Дома, которые строились за кинотеатром ещё стоят. Это мой родной квартал Заполярный. Только там ещё живут люди, и стоит школа № 33. Кинотеатра нет. Но рядом стоящий спортзал даже ещё работает. За ним был каток. Там, где когда-то кипели страсти, нет ни людей, ни фонарей».

«А вы, как я понял, учились в параллельном классе. Вопрос только, помните ли в каком? Я пришёл в школу в 1 „Б“ класс и отучился два года. А в классе „А“, параллельном нашему, училась дочь нашей учительницы. Не берусь точно назвать её имя, а вот фамилию своей первой учительницы хотелось бы узнать, может оттуда и найти остальных. Помимо всего школ у нас было несколько (зданий я имею в виду), так я учился в двухэтажном здании. К сожалению, названия улицы не помню, но по ней всегда парады проходили, и недалеко на перекрёстке была доска почёта или что-то в этом роде. А так же по дороге домой у меня были два деда мороза с ёлками и каток почти под самой школой. Напротив (наискосок) был хлебный магазин, от него шла дорога на шахту, то есть в сторону, где я жил. Помню ещё то, что попутчиков у меня было двое и оба из моего класса».

«Александр, ваши сообщения очень грустные. Такое впечатление, что в вашей жизни было много серьёзных переживаний. А может, Вы пишете книгу?»

«Не знаю, может и грустные, только мне кажется

немножко ностальгирующие. Я не был в посёлке с 68-го года, и вряд ли уже когда-нибудь туда попаду. А так хочется побывать там, где прошли лучшие годы детства. Книгу, конечно, написать можно, только трудно, хотя бы потому, что для этого надо найти людей, которые поделились бы своими рассказами о прожитом. А я, спустя столько лет, могу многое перепутать. Да, я знаю, что после 5-го всех переводили. Катков у нас было много, а вот этот был самый посещаемый. Был я и в другом здании школы, оно находилось по той же улице, только в обратную сторону от кинотеатра, то есть к стадиону. От него тоже ничего не осталось? А что случилось с пятиэтажками за кинотеатром? При мне их только начинали строить».

«Саша, а вы получили мои фотографии Комсомольского? Я до этих фотографий тоже очень хотела побывать на родине. Всё пришло в упадок, много домов стоит пустых и разрушенных. Согласна, что это были лучшие годы детства. Двухэтажная школа — это начальная школа. Там потом был магазин. Здание и сейчас стоит. С 5-го класса всех переводили в школу, рядом с которой был каток. Кажется, в 1975 году построили 33-ю школу. Мой брат учился уже в 33-ей».

«Спасибо! Вы меня жутко огорчили. Но, уж такова жизнь… Фотографий я не получил, пришлите их, если можно, на электронный адрес. Только что выложил ещё пару своих фоток из недавнего прошлого. А о посёлке я пытался как-то написать, но, по всей видимости, вы редко бывали в тех местах, разве что на автобусную остановку ходили мимо моего дома, если другого пути не было, конечно».

«Александр, здравствуйте. На вашей школьной фотографии я многих узнала. Во втором ряду сверху 4-я слева — это Ольга Нику. Она зарегистрирована на сайте. Имена остальных пока не могу вспомнить».

«Благодарю вас за предоставленную информацию. Безумно рад, что вы узнали хоть одного человека. Я в ближайшие дни обязательно постараюсь с ней связаться. Правда, шансов не так уж и много. Ведь мало того, что прошло столько лет, ко всему ещё надо учитывать тот факт, что меня вряд ли кто помнит. И тут ничего не поделаешь, такова жизнь. Это я помню всех, т. к.

сложилось так».

Это действительно была удача. Через столько лет найти одноклассников!!! И я, не откладывая в дальний ящик, тут же написал Ольге:

«Здравствуйте, Ольга! На фотографии, которая находится на моей страничке, вы четвёртая слева, а я второй справа от учительницы. Если у вас будет желание и возможность ответить на несколько моих вопросов, я буду весьма и весьма вам признателен. С уважением, бывший ваш одноклассник».

«Саша, конечно же, отвечу. Передо мной сейчас нет этой фотографии, так как отвечаю с мобильника, но я так рада, что нахожу моих одноклассников».

«Я так же рад, только пока вы не увидите фотографии вряд ли мы сможем точно определить, кто есть кто? и ещё, помните, что здесь на сайте ограничения по символам, как в СМС. Поэтому ваше сообщение пришло обрезанным, то есть без концовки. Ещё хочу сказать, что у меня безлимит, а потому мне можно писать в любое время суток. Я на сайте недавно, и нашёл вас через Ольгу Якушеву. Она, видимо, из параллельного класса. Но тут пока остановимся, не буду перегружать вас своими новостями».

«Наконец-то открыла сайт, какая буря эмоций!!! Ты первый из класса, что ответил мне, пока только есть из „Е“ и „Г“ классов: Тамара Скиба (Харьков), Сергей Шумаков (СПБ), Нина Сиволапова и Оля Дёмина (СПб), уверена что появятся ещё!!! Жду вопросов. Саша, мне кажется, что ты с нами до 10 го не дошёл, уехал раньше, не ошибаюсь? На фото узнала всех, только не знаю, кто где, меня 20 лет не было в России. С уважением, Ольга. Г. Гатчина, Ленинградской обл.»

«Ну, трудно не согласиться, хотя непонятно! Действительно, до 10-го класса я не дотянул. Посему вряд ли Ты или Вы могла меня вспомнить… Хотя кто его знает?! Вопросов много, боюсь, засыплю доверху, и не получу ни одного ответа. Вопрос хотя бы такой: перечисли, пожалуйста, по именам и фамилиям всех, кого узнала на фотке. Вопрос второй: Дай фамилию

нашей первой учительницы? Помню, что звали её Галина Ивановна, кажется, а дочь её училась в параллельном „А“ классе. Вопрос третий, может лучше написать на личный адрес, чем сюда? И ещё. Предполагаю, что „буря эмоций“ вскоре иссякнет, так как не та карта выпала. Я действительно учился всего два года и меня вряд ли кто запомнил. И, тем не менее, лично мне интересно было бы найти всех моих одноклассников, узнать об их судьбе. Не говоря уже о том, насколько было бы интересно (лично для меня, во всяком случае), вспомнить хоть что-то из первых лет учёбы. Я кое-что помню, могу рассказать, но хотелось бы всё же услышать о других».

«Фотография эта у меня тоже есть, и много других, постараюсь послать тебе на электронку с кратким рассказом о некоторых, к сожалению после 20-летнего отсутствия тоже собираю всё по ниточке. Найдём ещё кого-нибудь, кто помнит о тебе, ты случайно не с Галей Смирновой за партой сидел???»

«Я опасался называть имена, но память моя всё же меня не подвела. Олега Баранова мы называли Баранкин. Двух Вер тоже помню, и Козлова прекрасно запомнил. У тебя есть эта фотография? или ты её здесь впервые увидела? Что-то гложет меня сомнение, что меня могли вспомнить… Слишком мало я проучился. Извини, но уж такой я скептик. Шучу!»

«Саша, только что заложила кое какие сведения о себе на моей странице, если они ответят на некоторые твои вопросы. С Олей и Ниной надеюсь увидеться во вторник (на дне рождения Нины), а также и с Сергеем Шумаковым, вспомним годы юности и наш Комсомольский, походы в тундру… романтика! только жаль что его уже больше нет…»

«Спасибо, обязательно посмотрю. Романтика как была, так и осталась. Наше отношение к ней изменилось. А тундра вечна! На страничку сейчас зайду. Я выложил только что ещё две фотки позднего периода. Будет интересно, загляни. Вскоре появится возможность посмотреть больше и узнать соответственно больше на нашем сайте. Только вот для мобилок он не приспособлен».

«Ну как, вспомнил? Нашу первую учительницу звали Дёмина Галина Ивановна, дочь её Лариса. На протяжении многих лет много ребят уходило и приходило. А тебя помню тихого, но проказничал исподтишка, замечаний много получал от Галины Ивановны за верчения за партой. Но она тебя любила. А подробнее, ты прав, пиши на электронку, лучше, мой адрес получил? Пока, до завтра, пора на боковую…»

«Ага, на боковую не получается?! Я сидел со многими. Сначала на третьей парте у окна. Потом подглядывал и меня пересадили на дальний ряд у вешалки. Там я тоже подглядывал, на меня пожаловались и снова пересадили. После первой операции меня пересадили на первую парту по центру. Мои соседи долго не задерживались. Особенно девочки, которые жаловались, что я подглядываю. А с чего ты решила, что Галина Ивановна меня любила? Я бы этого не сказал!.. Кстати, она жива? Спасибо, завтра напишу уже на мыло. А пока добавлю, интересно знать о себе со стороны! Мои воспоминания о себе самом не отличаются от твоих, что утверждает меня в том, что я чего-то вытворял. Помнишь ли кого душили, и кто душил? после физкультуры в первом классе?»

«Спасибо, приятно общаться с человеком, у которого есть куда и к чему стремиться! Где можно найти твои произведения и почитать? А в Воркуту и меня тянет, детство и юность всегда нас притягивают с большей силой, когда календарь жизни подходит к… Определённому рубежу! Я, например, вспоминая своё детство и юность, молодею, в хорошем смысле слова! Пиши, Оля.»

— Добрый день. Вы не учились с Сергеем Фёдоровым (нижний ряд 2-ой слева), очень похож, мы были соседями. — Сергей Черноморец.

— Добрый день! Возможно, учился. Вот в списке есть Миша Фёдоров, вероятно, его спутали с Сергеем. За давностью лет всякое могло быть. Если это действительно тот самый Сергей было бы интересно узнать о его судьбе. Может быть, Вы узнали ещё кого? Вот полный список, который мне на сегодня удалось восстановить. Перечень идёт слева направо с верхнего ряда.

— Я на фотографии увидел знакомое лицо, а потом вспомнил — Сергей Фёдоров, у него брат младше года на три — Игорь.

Думаю, что не ошибаюсь. Если найду, дам знать. Ещё одна фамилия кажется мне знакомой, это Витя Андриюк, собственно я был больше знаком с его старшим братом, Сашей, но его больше нет. Вероятно, про Витю что-нибудь смогу узнать. А вообще фамилий много знакомых, в основном через старшую сестру, Таню, с ней пообщаюсь. Благодарю за ответ. Всего хорошего. — Сергей Черноморец

— Буду весьма признателен за любую информацию. Кстати, если можно вопрос: есть ли у вас прямые контакты с теми, кто сейчас остался в посёлке?

Вот так и пошло-поехало.

Ещё раз повезло, когда я обратился за фотографиями к Тамаре Скибе ещё одной одношкольнице, судя по данным:

> «Доброго времени суток, Тамара! Прошу прощения за беспокойство, обращаюсь к Вам с просьбой, может, не совсем деликатной… Я собираю фотографии нашего посёлка. У вас я нашёл несколько видов. Не могли бы вы переслать мне то, что посчитаете нужным не в том формате, что лежит на сервере, а в более приличном, то есть с хорошим качеством? Буду весьма и весьма благодарен. А если вы снабдите снимки подробными комментариями, то моей благодарности не будет конца. Прислать можно по адресу ниже. Размер не имеет особого значения, лишь бы ящик пропустил. С уважением Александр!».

И, о! Чудо! Тамара оказалась очень общительной. Благодаря ей мне удалось практически полностью восстановить план посёлка тех лет.

> «Привет, Александр! У меня нет интернета, хожу к дочке нянчить внучку. Там и пользуюсь интернетом, когда есть время, поэтому фотографии, какие есть, перешлю позже, но обязательно. Качество фото то, какое было в то время до 1976 года. Можете прислать свои? Знаете ли Вы кого-нибудь из моих одноклассников? Моя старшая сестра Скиба (Ковалёва) Наталия школу закончила в 1972 году. На её сайте есть выпускная фотография класса. Может, кого-то знаете из них? Тома».

> «Фотографии перешлю. Качество, я имел в виду, не интернет, то есть отсканированные фотографии, но не для интернета, точнее, в Инет выкладывают фотки как можно меньшего размера. Поэтому я и сказал о качестве.

> Разумеется, что в те годы о хорошем качестве говорить не приходится. Посмотрю фотку 72 г., но не уверен, что кого-либо узнаю. Я потому всем и пишу, что уехал из посёлка очень рано, и плохо что помню, а очень хочется вспомнить. Тем более что визуально помню, но кусками. Не могли б вы описать место, где жили? или старый адрес, хоть он мне вряд ли чем поможет, т. к. я не помню названий улиц, кроме двух: главной и своей, где жил».

Вот так и родилась идея этой рукописи.

Я догадываюсь, что кое-кто хотел бы видеть полноценную книгу, с закрученным сюжетом, любовными драмами, интимными сценами и так далее, но, увы! Слишком мало я помню, слишком мало я знаю, и уж совсем мало мне рассказали обо всём, что случилось после того, как мне пришлось покинуть этот посёлок моего детства. Да и не ставил я целью написать роман или что-то в этом роде. Попробуйте вспомнить, или хотя бы попытайтесь сделать это с помощью моей книги.

(Фото № 2 — «1966 первый класс»)

А началось всё с классной фотографии, выложенной мной в одноклассниках. Ольга писала:

«Боюсь ошибиться, но попробую, пусть не обижаются те, у кого имя не вспомнила, если что меня поправишь».

Вот они!.. Почти все здесь…

Мои первые одноклассники, 1 «Б» класс, декабрь 1966-ой год. Начнём сверху слева направо.

Первый ряд:
1 Сергей Мартынушкин,
2 Миша Гендон,
3 Витя Андриюк,
4 Олег Баранов,
5 Игорь Дудин,
6 Игорь Бибиков,
7 Алексей Панов,
8 Юра Козлов (8),
9 Ира Реймер,
10 Миша Фролов,
11 Вера Гришкина,
Второй ряд:
12 Надя Гаврилова,
13 Вера Ледник,
14??
15 Ольга Нику (4),
16 Света Тимишина (5),

17 Галя Симонова,
18 Игорь Русаков,
19 Света Савкова,
2 ˚Саша Медведев (20),
21 Света Мартынова,
22 учительница Галина Ивановна Дёмина,
Третий ряд:
23 Аня Брем,
24 Вера Вахрушева,
25 Сергей Смирнов,
26 Вова Корнелюк,
27 Миша Шевчук,
28 Сергей Столяр,
29 Саша Шубин,
Четвёртый ряд:
30??
31 Сергей Фёдоров,
32 Берута Гандуллайте (3),
33 Галя Лейко (4),
34 Вася Чередов (5),
35? Марина Новикова,
36 Валера Жуковский.

Вопросительные знаки означают, что не удалось опознать или вспомнить того или иного одноклассника.

Эта фотография несколько лет находится в интернете. За это время были исправлены фамилии Миши Гендона (возможно и это неверно), и имя Сергея Фролова. А буквально накануне Светлана Тимишина существенно дополнила список Ольги Нику. Огромная ей благодарность!

Данную фотографию сделали в конце учебного года. Однако Ольга утверждает, что перед новым годом. Тут я спорить не буду. Хотя помню, что парты были сдвинуты в конец класса, и мы все выстроились перед классной доской. Для последнего ряда ещё скамейку подставляли, принесённую из спортивного зала. Только это никак не доказывает времени съёмок. Сие могло быть и перед новым годом, и по окончании первого класса. Если уж совсем честно, то я больше склонен согласиться с Ольгой Нику потому, что в мае 1967-го года в посёлке меня, скорее всего, не было. Я приехал позже. Но когда?! Теперь уж никто не скажет. Некому. Свидетели тех лет ушли в края далёкие и унесли с собой ответы. Но давайте по порядку!..

«Вот сижу и думаю, а как написать, чтоб поняли? Трудно это… Никогда не попадал в подобные ситуации, даже предположить не мог, что такое может случиться. Разумеется, в

какой-то неопределённой отдалённости подразумевалось, конечно, что вот однажды… И вот это однажды пришло… Неожиданно и как-то разом…

Первое, от чего хотелось бы изначально откреститься так это от того, что вопросы могли быть некорректными изначально. Незнание множества подробностей, связующих тех людей прошлого и нынешнего, породило подобную ситуацию. Что могло обидеть невзначай. И вообще, как можно подойти к человеку на улице и сказать: „Ответь мне, дружище, чего я хочу?“. Тем более что сам не знаю, чего хочу. Не правда ли, дурацкая ситуация?.. Вот и я сейчас…

Прошло столько лет… Те, с кем пришёл первый раз в первый класс, стали не просто взрослыми, они стали солидными дядями и тётями, некоторые, вполне возможно, даже бабушками и дедушками, Они не просто выросли, они сформировались как личности, со своими интересами, характерами, со своим кругом друзей… Тут вдруг появляется некто, учившийся с ними всего два неполных года, и заявляет, а я ваш одноклассник. Наглецой попахивает, не так ли?

Ведь по сути дела я никого не помню… Даже из своего класса, не говоря уже о параллельных. В лицо — да, а по именам, или фамилиям!..

Да, кого-то всё-таки помню, случаи всякие помню, ситуации различные, а общего между нами, что не говори, нет. По сути дела мы все не только разные, но и настолько все чужие!.. И как в этом положении можно прийти к кому-либо и сказать: „Я с тобой учился, а ну-ка, давай, рассказывай, как это ты тут жил все эти годы?“.

Извините, это от переизбытка чувств. Я не был рождён в роддоме посёлка Комсомольский, но именно этот посёлок дал мне жизнь. И это не преувеличение, это констатация факта. Всю свою сознательную жизнь я стремился вернуться туда хоть на минутку… Сейчас, глядя на эти фотографии, ужасаюсь… Ведь я ничего не помню!.. Или это время?! У меня в памяти сохранилось всё совсем другим. Из-за переездов все наши Воркутинские фотографии пропали. Чудом сохранилась только эта фотография, да и та сомнительного качества».

> «Ваше последнее сообщение не выходит у меня из головы. Я всё время о нём думаю, не желая того. Вы понимаете меня. В нашем возрасте (Смешно) многие вещи выглядят более естественными, чем в юности. Меня не удивляет ваше желание узнать больше о детских годах, мне близко ваше желание вспомнить прошлое.

Мне это нужно, чтобы понять лучше настоящее. Но цепляясь за прошлое, мы отдаляем от себя будущее.

Желаю вам творческих успехов!

С уважением Ольга Якушева».

Не совсем так. Если жить прошлым, скорбеть о нём, мечтать вернуть — тогда вы правы, но если знать прошлое, помнить о нём, учиться на его ошибках… Это совсем другое! Не говоря уже о том, что без прошлого не может быть будущего вообще.

В моём конкретном случае мне вообще подобный вариант не грозит, так как меня никто не помнит и вряд ли вспомнит, следовательно, о себе я ничего не узнаю. Да и не стоит у меня задача узнать о себе. Мне больше интересно узнать о других, обо всех тех, кто в то время учился со мной рядом даже если я не помню этого человека. Его судьба, его представление о той и нынешней жизни, понимание её как тогда, так и сейчас. Чему он научился? Что понял? Чего достиг, в конце-концов… Радости и разочарования, минуты удачи и потерь. Всё это интересно, потому что характеризует всех нас того времени. Вышки лагерей были у нас, а не где-то там, в непонятном «далёко»… Я сам неоднократно провожал машины-клетки с людьми. Те, кто жил в центре посёлка, этого не видели, а почти подле моего дома строили горноспасательный городок эти самые люди в клетках… А сосед был из тех, у кого 25 без права выезда…

Я не к тому, что советы плохо, а демократы сейчас хорошо. Меня политика вообще не интересует. Меня интересуют люди, и только они. Не оценка чьих-то поступков, а попытка понять эти самые поступки.

Наблюдая за современностью, я чётко вижу ту самую грань между нами (жившими и учившимися в те годы) и теми, кто выучился гораздо позже. Разность поколений. Мне говорят, мол, мы старики, а я думаю иначе — не мы старики, у нас просто образ мышления иной, и среди современной молодёжи встречаются такие «старики». Я не даю оценку этому явлению, мне просто интересно. Ведь будущее, чтобы не говорили, не за теми, кто сейчас рвёт и мечет, а за теми, кто мыслит иначе, кого пока что невидно из-за нанесённого эпохой перемен ила.

А молодость и старость определяется не прожитыми годами, не состоянием тела, а состоянием души. Патетично? Да, но иначе сказать не могу.

Тамара Скиба писала:

«В советское время я не любила фальши взрослых: когда думали одно, говорили другое, а делали третье. Сейчас к этому отношение изменилось: нормальные человеческие слабости.

Просто „не верь, не бойся, не проси“. Родители пытались сделать из нас нормальных советских детей. Мы умели радоваться чепухе. Собирали металлолом — чистили тундру от старых кроватей, дырявых тазиков и труб, собирали мятлик для коров, сдавали макулатуру, играли в „Зарницу“.

Нет, не советских, нормальных, порядочных, хороших детей, лучше чем сами они, взрослые и родители. Им, родителям, было глубоко наплевать на советскую идеологию, они сравнили её с библейской, и им от этого стало легче. Они перестали замечать налёт шелухи. Они не могли желать своим чадам зла, они хотели, чтобы мы, дети их, жили лучше их, не боялись, не дрожали, чтобы честь имели, гордость, и не тряслись по углам от страха. Правда, делали они это неумело, опасаясь лишних телодвижений, не зная, как правильно надо поступать. Винить их за это не стоит. Они учились, они пытались, но слишком поздно поняли, что и как надо делать. Нет, не чепухе. Мы учились радоваться каждому дню, находя в этой самой чепухе зерно радости, счастья, удовлетворения жизнью. Мы не были мрачными, мы действительно умели радоваться, но не успели научиться жить радостно, ценить и сохранять это состояние счастья. Чем это плохо? Вы, чистили тундру от деятельности человека. Помогали экологии, спасали природу тундры. Как это расценивать, как знак минус? или всё же, как плюс? Бедным коровам от этого было плохо, или всё-таки хорошо? А играть в „Зарницу“ всё же лучше, чем болтаться по помойкам и колоться всякой дрянью, напиваться до безумия, убивать, грабить, насиловать. Ну, что лучше? Не знаю, но мне, кажется, что ты ошибаешься, как ошибаются миллионы, предполагая, что так оно и было, а нынче иначе. Нет, всё было точно так же, как и сейчас. И тогда, и теперь были люди, которые лгали, говоря дома одно, на работе другое, в магазинах третье и тому подобное. Время не изменилось, изменилась идеология, только и всего, Даже не так: запад принялся уничтожать остатки идеологии, насаждая свою, грубо, жёстко, безжалостно. А люди, как были, так и остались людьми со своими достоинствами и недостатками. Изменить человека за несколько лет невозможно. Веков не хватит на это. За две тысячи лет многое ли изменилось в человеке? Вот именно. Так что всё это демагогия чистейшей воды. Лгали тогда, лгут и сейчас.»

Когда было лучше?

В последнее время всё чаще и чаще в разговорах всплывает тема: когда было лучше, в советское время, скажем в семидесятые годы, или сейчас, начиная с 1992-го года?

Я всегда отвечал:

«И в то время, и сейчас были плюсы и минусы. У нас никогда не умели пройти по грани так, чтоб хорошее сохранить, а плохое исправить. Война с памятниками продолжается. История ничему не научила».

А вот на днях на этот же вопрос родил такую фразу, от которой сам задумался, что сказал?

«Я тогда, в советское время, не имел никаких перспектив в жизни. Но и теперь у меня таких перспектив нет, и не предвидится. Какая разница между тем временем и нынешним для меня лично? А никакой, как это не прискорбно звучит. Достоинство этого времени состоит лишь в том, что у меня и мне подобных прорван барьер информационной блокады. Появились компьютеры, и это решило столько проблем, сколько не могли решить тысячи учёных всего мира. Но возникает встречный вопрос: а сравнимо ли это с тем, что было? Разве можно поставить знак равенства между уверенностью в будущем дне и сегодняшним? Когда бомбят мирных людей лишь за то, что они не хотят жить так, как от них требуют? Не хотят говорить на языке, который для них никогда не был родным?».

Приведу несколько примеров из личной жизни.

В 1967-ом году я с отцом приехал в Одессу. Мы ходили по городу. Я смотрел, а он, отец, вспоминал. Он здесь жил сразу после войны. Ему было что вспомнить. Разруху 1945-го года, голод 1946-го, когда его младший родной брат умер в детдоме от голода. А он бежал вдоль забора, провожая дальнюю родственницу, посетившую его, и кричал: «Тётя Ганна, заберите меня отсюда! Я умру, как Ванечка умер!.. Заберите!!! Пожалуйста!!!».

Это так страшно, что рассказать простыми словами не получится. Да и к чему? Понять смогут лишь те, у кого на руках умирали дети, которым ни врачи, ни родители не могли помочь. Чувство беспомощности — самое жуткое чувство, которое могут испытывать люди у постели умирающего ребёнка. Это нельзя сравнивать с безысходностью старости. Но таких людей, к счастью, мало. И сколько бы ни ругали советы, большая заслуга в их времени была именно в том, что с голоду никто не умирал.

Если вы так думаете, то сильно ошибаетесь. Были в советские времена такие случаи. 1982-ой год. Софья Семёновна Штейнберг, прошедшая войну медсестрой в партизанском отряде, награждённая боевыми, а не юбилейными, наградами, умерла с голоду в собственной квартире. Как это могло произойти? Человек, переживший оккупацию, ветеран, оказался не у дел???? Конечно, я могу рассказать, как это случилось, и советская

система, как выяснилось позже, здесь совсем не причём. Хотя… Именно недостатки этой системы и сыграли роковую роль в такой страшной смерти человека, который этого не заслужил.

Однако все обращают внимание лишь на первую часть сообщения: умерла от голода в 1982-ом году в собственной квартире. Любят наши масс-медиа дутые сенсации. А обывателю больше и не надо: «Плохая система, там люди с голоду умирали». А там, на западе, по-другому? Там к вам прибегут толпы страждущих помочь?! Хм… Я не сомневаюсь, я знаю, никто не прибежит. Опять же пример из жизни.

2004-ый год. Эльза Петровна Власова покинула Одессу, перебравшись на историческую родину в Германию к сыну, который выехал раньше. Уехала под предлогом помощи ребёнку (великовозрастному балбесу, с глазами и головой). Надо сказать, что Эльза Петровна инвалид по зрению первой группы. И не дутой, а самой настоящей, то есть тотально слепая. Немного освоившись, она решила (благодаря своим знаниям о западе из средств массовой информации о гуманности и прочих прелестях тамошней жизни) прогуляться по городу. В Одессе, она делала это регулярно, а вот там, оказывается, этого делать нельзя было никак. Но сыграла свою поганую роль пропаганда. Заблудилась она на улицах маленького немецкого городка. Увы, прохожих там не так уж и много. В основном народ на машинах разъезжает. А те, кто пешком передвигается, не обращали никакого внимания на плачущую на перекрёстке женщину с тростью в руках. Плачет, ну и пусть себе плачет. Может ей так хочется… Прихоть у неё такая… Свобода!!! Пыталась она обратиться к этим немногочисленным прохожим, однако плохое знание языка не позволило ей толком объяснить, что случилось. Да и не слушали её. У каждого свои дела, свои проблемы. И плакала женщина более трёх часов от безысходности. Пока не появился полицейский, не с предложением помощи, а потребовавший не нарушать закон, не смущать прохожих и не хватать их за руки. Тогда Эльза Петровна поняла, что это её спасение. С трудом она объяснила стражу порядка, что с ней произошло. Она-то думала, что он, как это вещали наши масс-медиа, тут же посадит её в полицейскую машину и отвезёт домой. Увы!.. Не тут-то было!!! Полицейский, разобравшись в ситуации, вызвал соц-помощь, ведь это их дело заниматься инвалидами. А сам свалил по своим полицейским делам. Приехала машина и тут выяснилось, что наша героиня, оказывается, не из того района, то есть они район, где она живёт, не обслуживают. Вызвали других. Приехали нужные и устроили головомойку нашей Эльзе Петровне, объяснив, что она доставляет им массу хлопот своими

прогулками, что так делать нельзя, что для этого существуют специальные дни (для прогулок), и так далее, и тому подобное…

Ага, вот она, бюрократия. Куда уж советским бюрократам до немецких?..

Но это будет потом. А тогда мы ходили по городу и смотрели. Заглянули в кирпичный переулок, и здесь я был озадачен. До этого нигде мне не доводилось видеть решёток на окнах, а тут окна первых этажей сплошь были забраны решётками. Да не узорными, а самыми обыкновенными, тюремными, в клеточку!.. Помню, я тогда спросил отца:

«Это что, тюрьма?». На что тот ответил, что нет, конечно, просто люди с войны ещё не вернулись, чтоб решётки снять.

Спустя четыре года я снова оказался в кирпичном переулке. Решёток на окнах уже не было.

А теперь?! Даже окна вторых этажей в решётках. Это что??? Демократия?! Это что, свобода?! Демократия за решёткой!!! Ура!!! Свобода за решёткой!!!!

Когда-то я видел машины с такими решётками, а в кузовах этих машин сидели люди. Так это и были демократы?! Выходит, что они, оказывается, уже тогда были свободны?! Или я чего-то не так понимаю?!

Я не знаю, если положить на одну чашу весов доступ к информации, смерть детей и ужас, который испытывают те, кто пережил отечественную, видя происходящее, а на другую стабильность и спокойствие то, что перевесит?

Пионерский галстук

«Недавно по телевизору прошёл фильм „Неуловимые мстители“. Хорошо помню, как мы толкались за билетами в кинотеатре „Мир“. Нам хотелось быть похожими на этих ребят. Теперь отношение к этому фильму другое, даже грустно. Помню, шли со Светкой Радунаевой к ней домой, нам по 9 лет. Тут навстречу пацаны постарше, решили потрясти нас на мелочь. У Светы под пальто был красный шарф, она его чуть вытащила из воротника и храбро сказала, что мы уже пионеры. Пацаны, очевидно, пионерские галстуки не носили и не знали, что не бывает вязанных пионерских галстуков, а, может, решили не связываться с дурами. Вытоптанная в снегу дорожка узкая — они нас в сугроб толкнули и пошли себе дальше искать приключений».

Нет там никакой идеологии, там просто жизнь обыкновенных детей, обездоленных временем, но не потерявших своё лицо, не ставших бродягами и убийцами, оставшиеся порядочными

людьми, ценящими честь и достоинство. И что плохого? До сих пор не понимаю, в чём виноват Яшка цыган? В том, что был ловок и многое умел? А мы не умели, не умеем, и вместо того, чтобы оценить это суём его в мусорное ведро и думаем, что он дурак, что боролся за советскую идеологию, за те репрессии, которые последовали за этим. Но ведь не мог никто из тех героев знать, что будет? Они-то боролись за одно, верили в совсем другое, и не виноваты они, что их, как и нас, последующее поколение, обманули, как котят утопили в собственных экскрементах.

(Фото № 3 — п. Комсомольский, начало 60-х, дом культуры; автор фотографии Кузёма Алексей Александрович)

«В пионеры нас принимали на улице перед памятником Ленину. Иру принимали 12 апреля, у неё оценки были лучше, а меня 22 апреля со всеми. Галстуки повязывали поверх пальто. Настроение было хорошее, снег корочкой и яркое солнце вокруг. Помню, учили присягу „Будь готов — всегда готов“. Скульптуры пионера и пионерки стояли перед входом в старшую школу».

У нас за спортивной площадкой находился бюст Ленину. На уроке физкультуры мы учились бросать гранаты. Один из ребят метнул семисотграммовую гранату на 26 метров, что было рекордом, очень большим. Ведь даже взрослые редко кто мог так далеко метнуть гранату. Результатом его броска стал отбитый нос бюста. Чтоб не было проблем, мы с преподавателем физкультуры Ремом Андреевичем спрятали скульптуру в кусты жасмина, а вместо носа воткнули громадную, белую искусственную розу. Не знаю, видело ли школьное начальство это безобразие, проводили ль расследование, но, думаю, что нет, потому как последствий не было никаких. По всей видимости, директор Антонина Ильинична Сай просто не знала, что на территории находится бюст вождя. И ходить, искать его вряд ли входило в её обязанность.

Страх, вот что самое главное было в том времени. Страх старшего поколения перед властью. Сейчас ничего не изменилось. Страх остался, только теперь он стал гипертрофированным. Мы боимся всего и всех. Мы в ужасе шарахаемся, завидев сцену насилия, или молча проходим мимо, делая вид, будто ничего не происходит, будто всё так и надо. А в советское время кто бы прошёл мимо? Помогли, не отказали, спасли бы.

Извините, опять расфилософствовался.

(Фото № 4 — П. Комсомольский, вид на детский сад и дом № 35 — А. А. Кузёма)

«Я уже думала о том, чтобы сделать альбом. Посылаю вам ещё одну фотографию: второй дальний

дом справа — это мой дом. А перед маленьким домиком (извините, помойкой) стоял детский сад, куда ходил мой брат. Строили садик на моих глазах заключённые. А сейчас садика нет… Ольга Якушева».

На этом переписка с Ольгой Дёминой завершилась, но завязалась с другой Ольгой, непосредственно с моей одноклассницей — Ольгой Нику.

«Я вот тут цельные сутки думал, как и что написать? Как спросить? Чего спросить? Честно говоря, ничего не придумал. И по вполне понятной причине. Попробую пояснить, правда, вряд ли это выйдет коротко, потому как любое моё слово, любую мою фразу мне придётся расшифровывать, дабы понят был верно!

И ещё. Просьба ни в коем случае не обижаться ни на что, ведь я по своему незнанию могу случайно задать некорректный вопрос, личный и так далее, и тому подобное, поэтому прошу такие ситуации просто пропускать, мне бы не хотелось доставлять неприятности кому бы то ни было, тем более, только что обретённому однокласснику или однокласснице. Возможно, я слишком щепетилен, но всё же…

Я не люблю играть во всякие там угадалки, размышлялки… А потому стараюсь сразу выяснить всё, что возможно, однако жизнь заставляет делать это ежедневно. Не понятно, как люди могут помнить то, что наверняка скрыто под наслоением подобного, более свежего, более яркого, запоминающегося?.. Вопрос, конечно, риторический.

Вот, к примеру, непонятно, почему дата под фотографией стоит 1967-ой год, хотя на самом деле настоящая дата совсем другая? Да потому, что моя мать написала на обратной стороне именно эту дату, и написала это не тогда, когда фотография оказалась в альбоме, а спустя много лет.

А ты помнишь, когда мы фотографировались? Год, месяц? Может обстановку в классе помнишь? Хотелось бы знать подробности.

Странно и то, что я знаю на сто процентов, что пришёл в школу в 1966-ом году, а вот как пришёл? Совершенно не помню. Не помню и первого урока… Как отшибло.

А ты помнишь? Расскажи?

Кстати, вот тебя-то я точно не помню. Хотя вполне возможно, что сидел за одной партой с тобой. Не берусь утверждать, но сначала я сидел на второй парте в ряду подле окон. Непосредственно у окна сидела девочка с распущенными вьющимися тёмными волосами. Я сидел ближе к проходу. Девочка классно рисовала, я заглядывал к ней в альбом и

поражался её способностями. Позволь привести небольшое описание данного эпизода из моей школьной жизни…»

Я не художник

Было это в далёком детстве и очень холодном краю. На первом же уроке меня посадили с девочкой и дали задание нарисовать просто яблоко. Уверенный, что прекрасно справлюсь с таким пустяком, я взялся за карандаши. Рисунок получился на славу, а главное нарисован он был быстрее всех в классе. Я торжествующе огляделся и позвал учительницу. Но тут совершенно случайно глянул в альбом моей соседки. Там красовалось настоящее краснобокое яблочко, да ещё и с зелёным листочком на черенке. Даже виднелась червоточинка. Такого от своей соседки по парте я не ожидал. Ничего не понимая, глянул на свои каракули. Там красовался толи квадрат, толи треугольник буро-зелёного цвета. Ужас и стыд обуял меня в ту минуту. Пока учительница добиралась до моей парты, я успел вырвать лист с нарисованным на нём чудовищем, и сунул в портфель. А подошедшему педагогу сказал, что мне срочно выйти надо. Конечно, Галина Ивановна (так звали мою первую учительницу) была удивлена, ведь звонок только прозвенел, но всё-таки отпустила. Я же бегом бросился в туалет и разрыдался от осознания, что никогда не смогу научиться так хорошо рисовать. Почему пришло такое решение? Не знаю. Возможно, это сыграло свою роль в моём будущем, но сейчас речь не об этом. Потом мне пришла в голову гениальная мысль: попросить талантливую одноклассницу, чтобы она рисовала за меня. Я вернулся в класс и приступил к выполнению своей задумки. Но девчонка попалась слишком честная, и тут же выложила все мои планы учительнице. Однако окончательный шок настиг после того, как от меня пересадили девочку, а посадили мальчика. Первым делом я глянул ему в альбом и был убит на повал. Там за «Т-34» бежали настоящие красногвардейцы с винтовками наперевес, В звёздчатых пилотках, а впереди на их пути горел фашистский «тигр». Развороченная от взрывов земля, удирающие вояки в коричневых одеяниях и недорисованное небо с плывущими по нему обрывками облаков.

С тех пор я не рисковал браться ни за краски, ни за карандаши даже когда был совершенно один. Вероятно, Галина Ивановна поняла мою детскую душу, потому что больше никогда не заставляла рисовать. Потом было черчение и всякие там готовальни и логарифмические линейки с циркулями, но это было позже. И чертил я лучше всей старшей школы, а вот рисовать так и не научился. Да только это уже совсем другая история.

Я не скульптор

Лепить я так же не умел. В школе у меня был друг, который ваял из глины настоящие шедевры,

Было это во втором классе. Ковырялся как-то я в кладовке возле класса и нашёл там прекрасно вылепленного петуха, да так здорово, что поставь его рядом с настоящим, вряд ли можно было б отличить. Короче, сунул его в карман и пошёл на урок. Как назло, следующим предметом было всё тоже любимое «рисование». И надо было случиться тому, что именно на этом уроке учительнице возжелалось увидеть моё умение лепить. Не думая ни о чём таком, я извлёк из портфеля коробку с пластилином, а из кармана появился на свет клятый петух. Установив его в форме для чернильниц, решив использовать в качестве позёра. Сколько я не возился, но ничего у меня не выходило. Тогда взял фигурку в руки, чтобы поближе рассмотреть, как его лепили, а педагог тут как тут. На мою голову полился бальзам похвал. Но я охладил пыл хвалебных од чистосердечным признанием. Увы! Мне не поверили и поставили отличную оценку. Я же всё-таки продолжал настаивать на том, что не имею никакого отношения к авторству этого злосчастного петуха. Тогда меня пригласили к Завучу школы в кабинет и отчитали за враньё. До сих пор не пойму, почему меня ругали?!

Память Человеческая

Это было на самом деле. А ты не знаешь, кто так классно рисовал?

Если честно, совсем уж честно, то вряд ли можно запомнить события столь отдалённые, хотя бы потому, что подобных случаев наверняка случалось много. Они свежие и должны были оставить свой отпечаток гораздо сильнее предыдущего. Хотя память человеческая, как и пути его, неисповедимы. Ведь помню я, что в классе у нас были две Веры. Одна большая, а другая маленькая. Не люблю говорить о женщинах «крупная», но тут просто не могу подобрать другого слова. Маленькая Вера носила белую санитарную сумку с ярко-красным крестом. Кто-то ещё носил такую же… Я точно помню, что две девочки ходили с санитарными сумками.

Не помнишь, кто?

Ещё меня волновал вопрос, почему две Веры такие разные? Вернее, почему одна Вера была как бы старше других детей? Возможно, что это просто рост такой был… Но впечатление осталось, будто Вера старше нас. А на самом деле, почему?

Как видишь, подобных вопросов я могу задавать кучу. Корректны они или нет, я не знаю. Можно ли вообще спрашивать в таком тоне? Может надо иначе как-то? Но с другой стороны, а как иначе взбудоражить память? Ведь если я начну рассказывать, что да где было, наверняка выяснится, что ты там не была никогда, а там, где была ты, не бывал я. В общем, ситуация тупиковая! Но шансов разрулить её у тебя больше, ведь ты там проучилась до конца и ты многое знаешь, многое помнишь, многое стало тебе известным. Может благодаря твоему отсутствию в стране ты запомнила больше других, как это случилось со мной.

«Извини, что на „ты“!»

«Да уж куда я денусь?! извиню, конечно! А если серьёзно, то это не проблема. Если тебе удобно на „ты“, так вопросов нет, а ежели желаешь вернуться к принудительной форме вежливого общения (читай Стругацких „Понедельник начинается в субботу“), то тоже не вопрос. Короче, как скажете, мадам!».

«Какой-то чайник перепутал столб с дорогой».

«Вообще-то я предполагал, что чайники обычно на кухне, в крайнем случае, в серванте… А по дорогам разъезжают самоубийцы, приобретшие права за деньги».

«Добрый вечер! Наконец-то села за ответы, свет дали!!!

Дело в том, что „чайниками“ у вас зовут новичков-водителей,

учусь, перехожу на современный жаргон, всё-таки живу с тремя мужчинами (брат, племянник, сын — это чтоб не было плохого понимания) и все водители.

Галина Ивановна действительно тебя любила (и вообще она всех любила), после твоего отъезда, часто тебя вспоминала, что как-то кого-то не хватало в классе.

Операцию твою помню, у тебя был глаз заклеен пластырем».

Перевирает, подруга. Зачем только? Не был у меня глаз заклеен. Ни к чему это было. Спроси у неё: какой именно? И она не ответит. Дело в том, что операция была на том глазу, который сохранил зрение, а вот другой как раз и не видел уже. Так что заклеенным должен был быть тот глаз, который видел.

И ещё одно примечание. Ольга пишет: «…у вас зовут новичков-водителей». Это самое «у вас» означает лишь то, что Ольга много лет прожила на Кубе и слегка отвыкла от России.

«А ещё помню, что Галина Ивановна часто клала свою руку тебе на голову, как бы успокаивая тебя.

… Галины Ивановны уже давно нет в живых, часто её вспоминаю!

Посёлка Комсомольского уже практически нет, все деревянные постройки исчезли, нет клуба, школы 11, начальной, где мы учились тоже нет, кстати, я жила рядом с ней за гастрономом».

(Фото № 5 — Горящая школа № 11)

Опять неточность. Возможно, что Ольга тогда ещё не знала, что как раз школа-то, вернее, само здание нашей школы, сохранилось. Видимо она имела в виду, что № 11 перестала существовать. Но меня больше интересовало само здание.

«Со слов Сергея Шумакова, вообще почти от посёлка не осталось ничего, и все перебрались в город Воркуту.

А дрался ты часто с Сергеем Столяр, он тоже был маленького роста и шустрый непоседа, тоже уехал после пятого, было известие, что утонул в реке. Может он тебя душил?».

«Про Чайников я прекрасно понял, просто поиграл словами, забыв, что в сие удовольствие чаще всего остаётся непонятым. Так что извини, опять забылся…

Я бы, конечно, мог ещё многое вспомнить, хотя не уверен — многое ли это? Надо ли? Другое дело, что хотелось бы отметить некоторые аспекты.

…На меня очки напялили — это было, а когда фотографировали, не сказали, чтобы снял. Видимо потому и не сказали, что не рассчитывали видеть мою физиономию в этом сюжете.

Душили не меня. Девчонки переодевались в спортзале, а мы в

классе. Поэтому никто из них свидетелем этого не был. Вы прибежали потом, когда появилась медсестра и ещё кто-то. Просто я присутствовал при этом и подрался с кем-то, потому что попытался отобрать шарф у душившего. Разумеется, меня наказали, но не так строго потому, что новоявленного душителя выгнали из школы. А жертва прогуляла все уроки, заглядывая в окна класса…

Насчёт особой любви Галины Ивановны мне есть что рассказать, особенно про красную звёздочку на тетрадке!!! Поучительная история. Я всегда вспоминаю этот случай с детской обидой, а самому аж смешно! Сколько лет прошло, а помню!

Будет какая-нибудь информация об одноклассниках, сообщай, пожалуйста. Я всегда рад узнать обо всех! Судьба каждого из нас очень и очень интересна. Хотелось бы и про тебя узнать побольше, но это уж на твоё усмотрение.

P\S: Чайники обычно становятся юзерами…».

«Только не падай духом! Нашла наконец-то все свои фотографии…

(Фото № 6 — 1966 первый класс; автор фотографии Михаил Герасимович Нику)

Первый урок и школу помню очень хорошо, могу описать в подробностях, даже нарисовать (без фантазий и воображений). Только ведь дети запоминают то что ярко запечатлевается в памяти через чувства и эмоции, в зависимости от характера и темперамента, поэтому и воспоминание у нас на одно и тоже событие может быть разным.

На моей фотографии стоит год и месяц: декабрь 1966 (спасибо моей мамульке), 1 „б“ класс. Фотографий этой поры осталось мало, но ведь что удивительно, на двух, что я нашла, есть ты. Сидишь на первой парте первого ряда (первым планом), с кем не знаю, не видно, а я на 3-ей у окна, так что запомнить могла, перед глазами был! Если хорошо присмотреться к фото и сопоставить одежду и причёску девочки, что сидит рядом с тобой, то это скорей всего была Галя Лейко, что сидит 4-ая в первом ряду между Берутой и Чередовым Васей (в предыдущем списке я ошиблась именами, так что исправь).

На другой фотографии мы на линейке и ты стоишь (спиной) между Козловым Юрой и Русаковым Игорем (видны очки!) а ты единственный, кто был в очках!

Ладно, воспоминаний много и много чего могу написать. А ты не отчаивайся, потихоньку как-нибудь и вспомнится!

Да, нашла адрес Веры Вахрушевой (Фесенко) г. Сочи…

Ольга».

А рисовала (с большой вероятностью) Галя Симонова,

которая сидела со мной за одной партой. Но это остаётся лишь предположением. Вряд ли мне удастся узнать истину. Ведь на фотке не видно лица девочки, сидящей рядом со мной, но по одежде и причёске предположительно это она. Интересно было бы узнать о её судьбе? Рисовала она классно! Как впрочем, хотелось бы узнать судьбы всех моих одноклассников.

«Огромнейшее тебе спасибище за фотки!!! Вряд ли я смогу объяснить тебе, что я испытал, получив их! Это непередаваемо!!!

С чего бы это мне падать? За свою житуху как-то уже научился и падать, и вставать! Так что всё в полном порядке.

Совершенно верно. У каждого своё восприятие, но есть одна разница — я вообще ничего не помню, так что сравнивать не с чем. Вот если б ещё кто рассказал, тогда другое дело.

Если честно, не уверен. Хотя моя память, вполне возможно, врёт очень… Я помню, что все парты были сдвинуты в сторону, а за окном было яркое солнце, следовательно: весна. Дальше логически строим и получаем — конец мая. Но опять же, не уверен. Есть все основания верить именно твоей фотографии, потому что я после операции приехал, кажется, летом. Значит, сниматься в мае никак не мог. Ну, это мелочи. Хотя тут хотелось бы спросить, а сколько же нас было? На фотке не все, и это точно.

Потрясающе!!! У меня таких фоток вообще нет, и никогда не было. Во всяком случае, я их не помню. А вот как фотографировали — помню. Не знаю, кто фоткал, и не знаю, почему у моих родителей не было этих фоток, но сам процесс фотографирования помню.

Не берусь утверждать наверняка, но это точно первый класс. Сначала я там и сидел. Потом меня пересадили… Вернее, сначала соседку, потому что я подглядывал, а потом и меня. К кому? Не помню.

Цитата:

„На другой фотографии мы на линейке и ты стоишь (спиной) между Козловым Юрой и Русаковым Игорем (видны очки!) а ты единственный, кто был в очках!“.

(Фото № 7 — 1967 на линейке; автор фотографии Михаил Герасимович Нику)

В твоём первом списке Рысакова Игоря, кажется, не было. А линейка — это во дворце культуры, что ли?

Мне трудно тебе объяснить, да и надо ли? У тебя своих забот хватает… В общем, если коротко, то я почти ничего не помню из тех лет. Образы… Картинки… Ощущений никаких! Очень хотел вернуться… До сих пор тундра снится. Ладно… Извини, что напряг тебя. Будет желание и возможность, пиши, рассказывай, что посчитаешь нужным и важным.

К сожалению, Сочи не у нас, а у вас, поэтому труднее будет, но попробую. У меня в Нете много друзей, помогут, надеюсь.

P\S: Вешалку в классе помнишь?».

«Снимал нас мой отец и фотографии он делал, поэтому их не может быть ни у

кого.

Вторая фотография — это в нашем спортзале, а имя Игоря Русакова в первый раз я не упомянула потому что не сразу вспомнила и перепутала с Витей Корнелюком. Это я потом когда все фотки пересматривала, увидела их на одной фотографии и вспомнила.

Да, нелегко вспоминать детали через столько лет, но когда настроишься на волну всё как-то само собой всплывает и приобретает черты.

А вешалку я помню, слева от входа в класс, помню на подоконниках было много цветов, мы их с Верой Вахрушевой поливали, когда дежурили, также помню первый урок, когда я слушала первые слова нашей первой учительницы, что и как надо вести себя в школе, здороваться со всеми, уступать старшим и так далее и тому подобное.

Не только у тебя остались негативные воспоминания: помню как меня избил один ученик (точно его имени не помню, по-моему Миша, но помню где он жил) за то

что я отнесла записку его родителям от Галины Ивановны. Он меня подкараулил, когда возвращалась и молотил меня по всей центральной улице почти до дома. Ох, и ревела же я! Зато это был первый и последний раз, когда на меня подняли руку безнаказанно, научилась защищаться, и до конца 10-го ни один мальчишка не мог со мной справиться!

Вот так вот! Из негатива получился позитив!

Потом тебе пошлю фото, где мы в тундре с классом, но уже шестой класс, кстати

здорово по всему скучаю и хотелось бы опять всё увидеть.

Ольга».

Не во время ли вручения букваря? Эту линейку я помню. Не всю, разумеется, кое-что, но помню. Кто-то сидел за ширмой, изображая какого-то деда-знатока, или деда Мазая, кто его знает?.. Не помню точно.

Из этого у меня осталось более чёткое воспоминание, когда нас в октябрята принимали! Во то хохма была!

…Значит, на фотке не Витя, а Игорь?

Это верно. Только вот мы почему-то не любим тратить своё драгоценное время на воспоминания. А может зря? Опять же вопрос риторический. Рассуждения вслух.

…Совершенно не помню цветов, хотя чётко помню, что меня заставляли таскать их в школу. У меня мать любила их разводить.

Ага, соврал. Вспомнил!.. Действительно, мать любила разводить цветы, и очень не любила отдавать их куда-то. Всегда старалась выбрать двойник, или самый чахлый: «Всё равно погибнет. Кто за ним там смотреть будет?..». Позже, она стала заранее высаживать цветы для школы, чтоб свои любимые не отдавать.

…вот тут я видимо что-то не так сказал. Нет у меня негативных воспоминаний, связанных со школой. Ну, совсем нет! Наоборот, я школу помню только с положительной стороны. Один лишь негатив был, да и тот со временем прошёл. Хоть я и старался забыть тех участников, но, по всей видимости, так уж устроена память человечья — помнить обидчиков, хоть они по сути ни в чём не виноваты.

…а вот тут буквально вцеплюсь в тебя! Попробуй вспомнить? Дело в том, что эту историю я, кажется, знаю в деталях. Правда, я не думал, что были такие последствия, хоть не уверен… Вполне возможно, что тогда я всё знал, и помнил, а сейчас просто забыл.

Дело в том, что если б ты смогла в подробностях рассказать, описать, где он жил? Точнее, как было идти к нему от школы, я б с большей уверенностью ответил тебе на вопрос, та ли это история?! На самом деле была такая история, когда Галина Ивановна передала мне записку, чтоб я отнёс кому-то и передал именно маме. Я, как честный ученик, вечером того же дня отправился в гости. Меня встретила его мама. Такая добродушная комячка, весёлая, и совсем не злая. Не знаю, чего он боялся, но мне стало жаль его маму и я, угостившись пельменями, поиграв с его машинками, отправился домой. Записку благополучно сунул в сугроб у центрального траппа.

А на следующий день этот «нехороший мальчик» сдал меня со всеми потрохами, сообщив учительнице, что я приходил, откушал, отогрелся, поиграл его игрушками… И отбыл восвояси, не выполнив своих обязанностей. А то, что он был счастлив в тот вечер, он не сказал, так как у них было празднество, то-ли день рождения чей-то, то-ли ещё какое-то торжество, не помню, но гостей было много…

Я очень хорошо помню, что когда я уходил он спросил меня, когда я передам записку. Видимо очень боялся. А я сказал, что отдавать не буду, мне его маму жалко. И он ответил, что завтра чего-нибудь придумает, чтоб меня не выдавать. И выдал.

Предполагаю, что ты была именно у него после моего похода. Так что возможно, что я невольно стал соучастником твоих давних бед! потому что точно помню, что Галина Ивановна

написала новую записку и передала с кем-то из девочек. Где он жил знаю на все сто! Даже дверь в дом помню…

«А общий „герой“, от которого мы оба когда-то пострадали, жил в двухэтажном доме напротив Кинотеатра — Дома Культуры, это на центральной улице Свердлова, по-моему, первый подъезд, первый этаж. Так давно это было… Каждый раз, когда что-то новое вспоминается одному, у других тоже начинают просыпаться воспоминания, и наоборот, это как цепная реакция, так что, как бы мало не было у нас памяти, сообща вспоминается больше».

«Увы! Это только ты пострадала. Я вспомнил твой случай. Не совсем, чуть-чуть, но вспомнил. Нет. Это не тот „герой“. Тот жил не там. Тот жил в доме, что фасадом смотрел на базарчик возле мебельного магазина.

Кинотеатр выходил своим фасадом в тундру. Там, если стоять лицом к тундре, справа строились новые пятиэтажные дома. В том районе я был пару раз, и совсем его не помню.

И ещё. Если не трудно, попробуй объяснить такие вещи:

Улица, по которой ходили автобусы на Воргашор и в Воркуту, как называлась? Или называется. Какое имела название улица, которая шла с шахты аж за школу? Где всё-таки было начало посёлка? На какой улице находился роддом?

(Фото № 8 — Краснознамённая)

Если идти от шахты вверх в сторону школы, то почти напротив милиции (чуть дальше) был поворот направо к двум деревянным домам, если от школы, то слева. В одном из них проходило голосование. По всей видимости, какой-то административный центр, толи райком, толи райсовет?.. Не помнишь ли? Напротив находился обычный жилой дом. Это я знаю точно. У нас там какие-то знакомые жили. Она действительно уходила влево, справа оставался детский сад, а за ним была детская поликлиника, но той улицы я толком не помню. Она упиралась в нашу улицу, не имея продолжения в этом направлении. А если пройти дальше мимо поликлиники, то можно было выйти к месту, где мы брали газировку, кажется, там ещё пожарка была?.. Получается, что параллельно Шахтинской и комсомольской была ещё одна незаметная улица. Как она называлась, я не знаю. Мой дом был под номером 18, значит, в ту сторону номера уменьшались, и вероятнее всего там улица действительно переходила в другую улицу. Но тогда что за улица была, на которой была детская поликлиника, и выходило здание вечерней школы или повышения квалификации? У меня батя там пересдавал экзамены на водителя электровоза после того, как горела 25-ая, а за ней шестая шахты. Его и ещё пятерых вывели тогда из забоя горноспасатели. Эта улица шла, как бы, огибая

детский сад, становилась параллельной Шахтинской, а потом резко уходила вправо. Дальше не помню.

Вспомнил, что проезд между вечерней школой и детским садом не был улицей, а просто проездом на параллельную улицу. Дело в том, что, как я уже писал, мимо милиции проходила дорога, то есть параллельно улице Шахтинской. Далее, она шла между двух бревенчатых домов в сторону стадиона, но доходила ли она туда? Не знаю. Не помню. Да и скорее всего я там не был.

Как выяснилось позже, эта улица называлась Коммунистической. А краснознамённая (Горняцкая) являлась продолжением Шахтинской. Роддом находился между Комсомольской и Краснознамённой. Но по какому адресу он находился, я не знаю.

„Улица Комсомольская и улица Строительная — перпендикулярны друг другу. Неизвестная улица — это улица Стадионная. На шахту 25 можно было попасть за кварталом Заполярным или по кольцу от улицы Строительной влево. Улица Шахтинская будет скорее параллельной улице Комсомольской, по правде улица была изогнутой, ближе — параллельно кольцу (маршруты автобуса Северное и Западное кольцо) Если вокруг улиц Комсомольской и Стадионной, перерезанной пополам улице Строительной сделать эллипс, то нижняя дуга слева — это улица Шахтинская. Если идти от Гастронома к нему, то справа одноэтажный книжный магазин, слева ларёк, где продавали картошку, позже его закрыли. Слева жилой барак, поликлиника, попадаем в садик. За ним через улицу Шахтинскую — тот молочный магазин. Если пройти по улице Шахтинской вверх попадём в улицу Горняцкую, улица нигде не прервётся, идём к перекрёстку с улицы Комсомольской. Слева ателье мод, справа почта, за перекрёстком памятник Ленину. Жаль, нет отца, он знал предназначение каждого здания. Приедет с дачи сестра Наташа — спрошу, что было за баней. У неё отличная память, лишь бы она там лазила, за этой баней. Она была примерной, послушной, поэтому шансов узнать немного“.

(Фото № 9 — Шахтинская, дверь в баньку)

Увы, не узнали. Толи Тамара забыла спросить, толи её сестра действительно там не была.

„Улица Краснознамённая раньше называлась Горняцкая. Скорее всего, в посёлке было две вечерних школы. Ту, которую я знаю, находилась за моим и № 13-ым домами — одноэтажная.

(Фото № 10 — Магазин „Риты и Лены“)

Дальше по улице был клуб с памятником Ленину, и магазин, где продавалась верхняя одежда и материал для костюмов и платьев. Само здание магазина к улице располагалось боком, то

есть торцом. Больше там ничего не помню, кроме какого-то деревянного пивного бара, закрытого давным-давно. Мы там лазили внутри. Но точно сказать, где он находился до клуба или после, не берусь.

— На улице Краснознамённой слева дом — в нём находилась наша почта 169935. В здании библиотеки находился и поселковый совет. Моя мама когда-то там была депутатом“.

Как видишь, из меня плохой вспоминальщик. Я посёлок толком вспомнить не могу. Что-то так перепуталось… И потом, насколько я понимаю, никому из вас (бывших одноклассников) не доводилось ходить туда, куда ходил я. А может быть я просто не то помню?

Кстати, помнишь ли ты случай, когда мы ездили в теплицы?».

Как выяснилось, не помнит…

(Фото № 11 — Посёлок Комсомольский начало 60-х годов — А. А. Кузёма)

«В четвёртом классе к нам пришёл Валера Ровнейко, он не раз оставался на второй год, а начинал учиться вместе с моей старшей сестрой. Хулиганил, не учился. Понравилась ему наша отличница Лена Голенко, прохода не давал. Раз он открыл окно, мы учились на втором этаже, и сказал, что выпрыгнет в него, если она его не поцелует. Мы ждали, а слово не воробей — прыгнул. Мы побежали смотреть, как он разбился. А он выбрался из сугроба и ушёл без пальто домой, а мы двинули в хлебный. Там открылось детское кафе „Буратино“ оплакивать несчастную любовь Ровнейко. В кафе был колодец из бутылок, в воде плавал пластмассовый крокодил, лампы на стенах были закрыты плафонами под ласточкины гнёзда, была клетка с белкой, она бегала в колесе. Продавали 10 штук пельменей на порцию и соки — томатный по 10 копеек, и манго, помню, что дорогой был и очень сладкий. Ровнейко не знал, что у Лены папа милиционер и загремел в колонию для малолетних. Мы все, как настоящие пионеры, давали правдивые показания следователю. Когда мне было 18 лет и я уже жила в Харькове, мне пришло письмо из колонии под Сыктывкаром от моего знакомого с Воргашора, с ним вместе сидел и Валера Ровнейко, он меня, оказывается, помнил. Пионером он так и не смог стать».

(Фото № 12 — Поликлиника, Хлебный «Буратино»)

О хлебном. Случайно вспомнил, что был у нас некий Витя-крыса. Почему крыса? Потому что, идя из магазина домой с хлебом, он отрывал горбушку и выедал всю серединку. Поэтому домой он приносил пустую буханку. После чего снова шёл за хлебом, и так повторялось до тех пор, пока он не наедался. Что происходило в это время дома, никто не знает.

Мои родители были хорошими знакомыми с его родителями. Как звали его маму, я не помню, а вот папу звали Тосик. Когда через несколько лет я оказался в одной деревне и услышал это имя, тут же вспомнил дядю Тосю. Он очень любил пельмени. Как-то однажды пришли мы к ним в гости на какой-то праздник или день рождения, а он затеял соревнование по лепке пельменей. Достал где-то секундомер и каждый из гостей, следуя строгой очереди, лепил пельмени, а он засекал. Результат записывался на магнитофон. Последним участником был сам хозяин. За 3 минуты он налепил 100 пельменей — это был рекорд!..

А магнитофон в то время был большой диковинкой. Обыкновенный чемодан, с ручкой, а под крышкой две крутящиеся штуковины с широкой лентой. Мне предложили записаться. Поставили передо мной мыльницу и предложили говорить. Я и говорил. А потом вдруг услышал себя откуда-то из чемодана. Переводя взгляд с мыльницы на чемодан, мой маленький разум никак не мог понять, как это мыльница говорит моим голосом?.. А взрослые смеялись. Хотелось бы верить, что плёнка сохранилась, но вряд ли…

«Тяжело перенесла вид нашей горящей школы, разрушенного моего дома, от ресторана „Космос“ нет и камня. Нет детской комнаты, она осталась для всех только в твоём произведении».

Разруха… Смерть… Зачем всё это???

(Фото № 13 — Комсомольская ресторан Космос)

Старый альбом

(Фото № 14 — Северное сияние)

Вы когда-нибудь видели звёзды севера? Нет? Как жаль. Вот, посмотрите. Правда, это очень не качественный снимок, но тот, кто пытался его сделать великий человек. Он знал, что делает, и не его вина, что фотография получилась не такой, как хотелось бы. И всё же фотографу удалось сотворить чудо! Вы же видите, какие там звёзды!!! Но делалась эта фотография много лет спустя.

А вот как выглядел посёлок в начале шестидесятых.

(Фото № 15 — П. Комсомольский, вид на двухэтажные бараки, лето)

— Номера шахт — это были номера колоний. Шахта 17-ая, имею в виду посёлок для вольных, посёлок Строительный, шахта 20 — был посёлок Воргашор. Шахта 30 — посёлок Промышленный. Если ехать из города на Воргашор по Западному кольцу, то первым будет второй микрорайон, здесь развилка маршрутов на Западное кольцо и Северное, потом старая шахта 25, название посёлка не помню. Потом новая шахта 25 на холме ближе к кварталу Заполярному. Затем шахта № 18, затем шахта № 17, затем шахта № 20 — Воргашор. От города до нашего посёлка добирались от 40 минут до часа. Зависело от погоды. Между улицей Строительной и улицей Шахтинской был квартал Октябрьский.

Да, что-то не совсем по порядку. Вот начало посёлка тех же лет.

(Фото № 16 — Начало посёлка)

Правда, трудно сказать какое именно?.. Ведь в посёлок, как выяснилось, было как минимум два въезда и столько же выездов, значит, и въездов было не один, а четыре. Но это начало действительно является началом, так как именно здесь проходила основная дорога северного и западного кольца, и автобус здесь был особенный, с красной крышей, с голубой полосой посередине, и золотым бубликом кольца. С двигателем внутри кабины справа от водителя. С узенькими дверцами, с маленькими, почти игрушечными сидениями. Всегда набитый под завязку. Он, миновав гараж, подкатывал на остановку напротив промтоварного магазина, и выпускал некоторое количество своих «узников». Садились в него редко, два, три человека. Во всяком случае, мне не довелось видеть больше. А может просто память не сохранила?! И тем не менее, в мою пользу говорит тот факт, что остановки с этой стороны дороги, как таковой, не было, потому

что отсутствовала элементарная крыша от дождя и снега, не было даже намёка на скамью для ожидающих. Зато было обыкновенное ограждение из досок, уложенных прямо на асфальт и долженствующее ориентировать водителей автобусов на местности, мол, не проезжайте мимо, это и есть остановка. Правда, как они, водители, могли видеть эти доски зимой из-под метрового слоя снега?!

Слегка освободивши своё чрево от пассажиров, городской транспорт типа «ПАЗ» (в народе называемый просто «Пазик»), выпускал клуб едкого, жёлтого дыма, скрипел дверями, и трогался дальше на Воргашор, мимо пожарных тренажёров слева, складов самого разнообразного назначения, тянувшихся справа вдоль дороги, пункта приёма стеклотары, что не маловажно было в те времена, выкатывался в тундру, и продолжал путь к следующему месту обитания человеков.

Кстати, насчёт пункта стеклотары…

Мне часто вспоминается мама, везущая меня в коляске. Нет, конечно, я не помню подобного во младенчестве, но был случай, когда мы с ней ходили, вернее возили, сдавать пустые бутылки на какую-то базу. Мы нагрузили полную коляску, в которой совсем ещё недавно катали мою сестрёнку, внизу на сетку положили ещё один мешок, и, кажется, мама несла ещё и сумку в руках, но утверждать не берусь. А назад я попросился у неё прокатиться. Мне было около четырёх или пяти, возможно чуть больше. Я с трудом втиснулся в детское средство передвижения. Сделалось душно, стало нечем дышать. Сидеть пришлось скрючившись в три погибели, и мечтать, чтоб в коляске делали окошечко хотя бы впереди, по бокам тоже не мешало бы, а то малышам дороги невидно. О своих удобствах я тогда не мечтал, мне и так повезло, что везут!..

Дорога шла в гору, и маме было очень тяжело, а я всё ныл и ныл, не желая вылезать. А вокруг стелилась бурая тундра… Нет, не совсем так. Не бурая тундра, а местами тундра. Справа, во всяком случае, тянулись старые, деревянные постройки.

На этой базе мне пришлось побывать ещё раз. Возможно и больше, но память моя этого не зафиксировала, или может быть слила всё в одну картинку. На этот раз мы пришли туда поздней осенью за мелом, или известью. Ходили по каким-то сараям, забитым то на половину, то под самую крышу, а то и вовсе пустым. Заглядывали, высматривали, в общем, изучали предложенный товар. Наш барак, как изнутри, так и снаружи, был побелён, то есть, покрыт обыкновенной извёсткой. Мелом, как это делали на юге, здесь за полярным кругом не пользовались. Не знаю, почему. Может мел дороже был, а может его туда просто не

завозили.

Мать долго отбирала, а потом дядя Серёжа с отцом гасили известь в обычном ведре. Она шипела и плевалась. Нас же, малышей, не подпускали подойти к ведру ближе, чем метров на десять. Опасная это штука, не гашёная известь. Чуть позже на этом самом месте, где гасили известь, дядя Серёжа поставил качели для малышей, то есть для нас. Были вырыты две ямы, в которые установили две подпорки из шахты, видимо, бракованные были, в шахту их не подали, вот дядя Серёжа, проявляя хозяйственность, приволок их домой и использовал детям в утешение. Поверху уложили обыкновенную балку, и кольца стучали о незакруглённые края, выбивая дробь нашими зубами. Позже, когда место слегка пообтёрлось, балка просто протёрлась, и мы едва остались живы.

Тогда дядя Серёжа подменил балку железной трубой. Однако замена оказалась не лучше. Труба попросту скатывалась со столбов, не желая крутиться на месте. Пришлось выпиливать канавки, что было не так уж и просто… Не выкапывать же столбы?! Но даже и после этого в один прекрасный день труба свалилась нам на головы.

Последним усовершенствованием детища дяди Серёжи была всё та же труба, но с наваренными дисками-ограничителями. Для надёжности в обоих опорных столбах углубления для поперечной балки-трубы были увеличены, и сверху зафиксированы металлическими листами, наглухо прибитыми здоровенными гвоздищами к опорным столбам. А чтоб это сооружение не скрипело, концы трубы и сами диски изнутри были щедро умащены солидолом.

Кузов, то есть место, где должны были сидеть дети, представляло собой длинный, деревянный ящик без бортов с торцов. Таким образом, на качели могли находиться одновременно шесть малышей (четверо по краям и двое в центре) или два взрослых… А чтоб столбы не расшатывались, их с двух сторон подпёрли такими же серьёзными брусками. Теперь опоры выглядели, как высоковольтные столбы. С одним исключением, те подпирались с четырёх сторон железными рельсинами. Так выглядели мои первые в жизни домашние качели.

Но вернёмся к промтоварам.

В магазине на остановке никогда ничего не было. А если и было, то столь незначительное, что не задержалось в моей детской голове. Хотя нет! Было! Там были серебристые выварки, оцинкованные лохани и высоченная стопка ночных горшков, точно такая же, какую Георгий Михайлович Вицин развалил в кинофильме «Операция „Ы“, и другие приключения Шурика».

Только однажды возле этого промтоварного магазина собралось множество народа. Да и то лишь по причине записи в очередь на холодильник. Смешно, не правда ли?! На севере покупать холодильник!

Тамара Скиба вспоминала:

«Я помню посёлок 30 летней давности. Позже он достраивался и частично разрушался, многое изменилось. Действительно, на кольцевой остановке был промтоварный магазин, а я уже и забыла о нём. Мне там покупали скрипку в 1975 году».

Скрипок, и вообще, каких бы то ни было музыкальных инструментов, лично я, не помню. Может и были, а может ими стали торговать уже после моего отъезда.

Опять отвлеклись. О чём бишь я?! Ага, про автобус!..

А вот если бы этот автобус сразу за остановкой свернул направо! То очень скоро он бы добрался до железной дороги, протянувшейся вдоль подножья холма, на котором находилось шахтоуправление.

(Фото № 17 — П. Комсомольский рядом с шахтой — А. А. Кузёма)

Это потом появился мост, а тогда, когда я бегал там, извините, в одних трусиках, моста ещё не было. Я сам видел, как сварщики варили металл, создавая железный мост. Я был одним из первых, кто прошёлся поэтому, только что отстроенному мосту.

— Мост, о котором идёт речь, скорее всего, был в черте города или во втором микрорайоне. Наш поселковый мост через электровозные пути был пешеходным. Я на нём училась не бояться высоты. Дорога через мост вела к шахте на гору, где были бухгалтерия, спуск в шахту, террикон. Когда под мостом шёл электровоз с вагонами, он давал оглушительный гудок и выбрасывал пар. Я со своими подругами сёстрами Сывенко в этот момент проверяли там себя на прочность. Конечно, когда весь мост заволокло дымом и паром, а потом ещё и загудело, задрожал сам мост, мы упали на деревянные перекрытия и держались за руки — думали нас сбросит вниз. Испытание мы себе сами засчитали, как успешное. Нам было 8 лет.

Нет, это не мост второго микрорайона… И электровозов с тепловозами там не было… Во всяком случае, при мне. Это наш мост. И я не говорил, что он был автомобильным. Действительно, он был исключительно пешеходным, только вот желающих ходить по нему, кроме детей, я не видел. Мы обожали торчать на мосту, когда под ним проходили составы с углём. Особенно обожали момент, когда паровоз обдавал дымом и паром!

Справа от него, если перейти железнодорожное полотно, находилось строение, в котором по существу должен был быть тот, кто отвечал за перевод стрелок на железнодорожных путях, а заодно и за шлагбаум, которого в те годы там не было. Предполагаю, что и сейчас его там нет. Мммм!.. Опять что-то не то!.. Был там деревянный домик, скорее даже вагончик без колёс. Крыша на нём была точно, как у вагонов, может, поэтому он и походил на железнодорожный вагон, снятый с тележек. Правда, он был чуток шире обычного вагона. Внутри его я даже однажды побывал. Там жила, а может быть работала, какая-то женщина. Внутри это строение не казалось жилым, возможно, мне это показалось. Только вот я не знаю, отвечала ли она за перевод стрелок, или нет. И самих стрелок я не помню. А вот шлагбаума не было, это точно!

Вот по этой не очень широкой дороге шахтёры шли на работу. Сначала справа шла лесопилка. Это всё, что я помню здесь. Потом слева столовая, в которой продавали шоколадки с орехом, Напротив его возвышалось административное здание шахтоуправления.

(Фото № 18 — Электровоз на шахте Комсомольская)

Да, это электровоз. Правда, уже современный. В те времена они были не такими. Вернее, не совсем такими. Да и цветные фотографии были очень большой редкостью, и стоили, едва ли, не целое состояние.

Как-то один из моих одноклассников на зимних каникулах побывал в Москве. Привёз фотографии с красной площади, у мавзолея и на фоне кремлёвской стены, возле голубых елей. Как я тогда ему завидовал!.. и не один я… К тому же фотки были цветными. Позже я не раз бывал на красной площади, но у кремлёвской стены, и тем более у мавзолея никогда так и не довелось побывать. Даже издали не видел, только по телевизору и на открытках.

— Помню, как встретились два электровоза рядом с мостом. Палец машиниста в обручальном кольце лежал недалеко от рельсов, я с той же подругой Таней Сывенко не могли поверить, что это случилось на наших глазах, и мы стали невольными свидетелями. Мы просто шли на шахту.

Там, за шахтой, за терриконом, начиналась тундра.

А вот если б автобус свернул не направо, а налево, то поехал бы по улице, которая называлась Строителей. Неправда, известная улица? А мы по ней пройдём пешком.

Отправная точка

Достопримечательностей, а так же исторических памятников, здесь нет, и никогда не было. Для нас, тех, кто здесь жил, учился, работал — остались в памяти самые мелкие детали, которые и описать-то невозможно. Но начнём, всё же, не с улицы, а с остановки. Вернее, вернёмся пока что на ту, на которую приехали. И так, напротив, оказывается, есть остановка, но совершенно не такая. Там небольшой деревянный домик, с печкой внутри, ведёрком угля, совком и веником. Вот диво, и никому в голову не придёт стащить всё это добро?! Даже наоборот, люди сами подбрасывают уголь в огонь, сами подметают мусор, сами ворошат кочергой раскалённые угли. И ведь никто, нигде не нагадил… Это уже здесь, на юге, мне пришлось встретиться с подобным отношением ко всему, и в первую очередь к окружающему пространству. А там, на севере, что не говорите, люди всё же другие. Зачем гадить? Ведь самому же придётся здесь сидеть в ожидании автобуса и дышать этой дрянью. А зимой? поди, подожди на ветерке?! В пургу злющую?! В морозец за сорок?! То-то!..

Тамара Скиба вспоминала:

«Сама остановка отапливалась дровами, подкладывали дрова те, кто ожидал следующий автобус и наблюдал за дорогой в единственное маленькое окошко. Высокая буржуйка в виде широкой трубы до потолка стояла в углу. Мужики курили, но всё равно внутри было тепло, а на улице пурга».

Буржуйки не помню. А вот ведро с углём, совок, веник, кирпичную печь, практически квадратную, высокую, под потолок и побелённую, очень даже хорошо помню. И железный лист прибитый перед поддувалом, чтоб деревянный пол не загорелся ненароком.

От остановки вдоль дороги шёл трап через лужу. Эта лужа никогда не высыхала, ни летом, ни, разумеется, зимой. Правда, в холода её практически невидно было из-под снега, да и промерзала она до самого донышка. На перекрёстке трап, следуя изгибам дороги, так же поворачивал налево, огибая странное деревянное строение. Это фотоателье, закрытое уже. Прежде оно было напротив, через дорогу, в таком же деревянном сарае странной конфигурации. А ещё раньше почти напротив моего дома, наискосок через дорогу.

С ним, кстати, был случай. Мы, пацаны-малолетки, увидев распахнутую дверь, тут же проникли внутрь. На наше счастье там оказался письменный стол с ящиками. Кто-то из мальчишек

вытащил ящик из стола, а там оказалась куча фотографий. Среди них кто-то увидел фото моего отца и показал мне. Я с воплями кинулся домой. Ну не мог я брать без спроса!.. Перебегая дорогу, я не обратил внимания на бульдозер, который подъезжал к бывшему фотоателье. Один из мужиков, оказавшихся рядом со строением, окликнул меня, и я вернулся. Как он сумел понять, о чём я говорил, мне не понятно. Потом отец рассказывал, что я, как дурной, орал на всю улицу, что там мой отец! Нельзя ломать! Рабочие решили, что там живой человек, а может и труп, но они не стали слёту уничтожать объект, а решили его осмотреть. И слава богу! Потому что внутри в этот момент находилась толпа малышей. Я побежал обратно в фотоателье. Рабочий вошёл следом, и тут я ткнул пальцем в фотографии отца, разложенные пацанами на столе, торжествующе посмотрел ему в лицо, мол, видите, не вру. Мужик улыбнулся, разрешил мне забрать фотки; выгнал мальчишек, убедился, что больше никого нет; покинул строение и махнул рукой бульдозеристу. Через минуту старого фотоателье уже не существовало.

Но, продолжим наше путешествие по трапам, оставшимся в нашей, точнее в моей, памяти.

Теперь мы идём по улице строителей, обходя бывшее ателье с так называемого фасада. Трап всё так же висит в нескольких сантиметрах над водой. Надо заметить, что временами трап будет то подниматься над поверхностью луж, то опускаться почти до самой воды, но не исчезнет нигде на протяжении всей улицы, прерываемый лишь перекрёстками; и идти мы будем исключительно по левой стороне, то есть дорога будет у нас справа. Только не надо думать, что трап будет подниматься и опускаться сам по себе, будто строители его специально так построили, а планировщики спланировали. Нет. Никаких планировщиков там не было. Все дома строились исходя из рельефа местности. Дома приподнимали при строительстве, дороги так же, а вот про тротуары забыли. И сточных канав для схода воды не предусмотрели. Вот отсюда и лужи самых различных величин. Детская радость!.. Правда, до сих пор не понимаю, почему в лужах уровень воды всегда был одинаков?..

Следующей стояла небольшая деревянная будочка с вывеской «Тир». Да! Здесь мы стреляли… Куда уж нам было стрелять?! Конечно же, просто смотрели, как взрослые проделывали это. Только делали они сие крайне редко. Но как нам, малышам, хотелось пострелять!.. Почему-то те редкие стрелки целились в кубики под самым потолком. Ведь в них, в кубики, попасть было легко, они же большие. А вот попробуй, к примеру, сбить ракету, висящую почти над полом и бабахающую так громко если

выстрел оказался удачным? Или в зверушку какую? А они все целились в золотые кубики на трёх полочках на самой верхотуре. Справа за стойкой сидел кассир, продававший патрончики посетителям. На самой стойке стояло несколько чурбачков с канавками, делящими их пополам. Разрез на чурбаке был понятен. Туда вкладывался ствол винтовки. А зачем нужны были сами чурбаки? Для чего надо было класть дуло винтовки на чурбак? Ведь все герои, стрелявшие в кино, не носили с собой чурбаков?! Конечно же, смысл применения этих чурбачков, понимание для чего и как, и то, что целиться надо не в фигурку животного, или корпус ракеты, а в кружок, расположенный над мишенью. Мало того, мушка должна находиться выше цели, пришло много позже.

Тамара вспоминает, немного забегая вперёд:

«…был тир. Его помнит сестра. Стреляли пульками по две копейки. Мебельный, его помню хорошо, там покупали книжный шкаф и сервант. Слева бараки, в них жили некоторые мои одноклассники. Прямо от остановки по дороге и была улица Строительная, а улица Шахтинская шла влево к мясомолочному магазину и детскому саду 2, плавно переходя в улицу Краснознамённую».

К тиру чуть ли не впритык расположился мебельный магазин. Почему мебельный? Не знаю. Но в нём были велосипеды. Если это мебель, то правильно, он так и должен был называться «Мебельный». Здесь моя мама работала ночным сторожем. Очень не долго, но работала. Я однажды напросился к ней в дежурство, думал, что можно будет полазить по магазину, пока там никого нет. Ан, не тут-то было. Магазин оказался закрыт на замок и поставлен на сигнализацию. Я-то думал, пойду, покатаюсь на новеньком велосипеде! В гастрономе съем парочку шоколадок… После таких открытий моя любовь к работе сторожа испарилась бесследно.

Ночные арии

Была ещё одна достаточно веская причина не любить работу сторожа. Мама вечером уходила на дежурство, точнее на обход, и я оставался в комнате один, конечно, если отец был на смене. Хорошо, если мать уходила после того, как я засыпал. Но ведь было и так, что ей надо было уходить, а мне спать совсем не хотелось. Сколько мне было? Лет пять, не больше. Тени по стенам, побелённым известью… Тёмные углы… Лёгкое качание тюли… На окнах у нас занавесок, как здесь на юге, не было. Да, была тюль, но и только. Отчего она качалась? Сквозняка-то не было?! Я так и не знаю. В общем, страшно было. И чтоб подбодрить себя мне приходилось придумывать нечто такое, чтоб отвлекало от страхов. Нет, не было в то время в шахтёрских посёлках детских психологов, которые доходчиво могли бы объяснить родителям и ребёнку, что и как надо делать в подобных ситуациях. Моя голова додумалась до этого сама.

Как-то раз к нам приезжал мамин младший брат дядя Гриша, и привёз (возможно, купил в книжном магазине) небольшую книжицу, которую называл «Песенник». На мой вопрос: «Что это такое?». Он отвечал, что здесь собраны ноты и тексты песен. Что такое ноты, я, разумеется, тогда ещё не знал, а вот что такое тексты, догадывался. Я эту книгу назвал для себя: «Сборник слов для песен». Чтоб окончательно быть в этом уверенным, я попросил дядю Гришу показать мне, где тут спрятана песня про тачанку. Он, со знанием дела, раскрыл книжицу на нужной страничке. Беда была в том, что читать-то я ещё не умел, но зрительная память у меня была очень хорошая (хотелось бы верить в это)!.. А когда он уехал, я обнаружил песенник на шкафу. Поскольку дядя Гриша был очень высоким, а служил он в военно-морском флоте на дальнем востоке, то для него не было проблемы сунуть что-либо на самую верхотуру, откуда ни мать, ни отец достать без дополнительных приспособлений не могли. Поэтому-то до поры до времени они не знали о забытой книге.

И вот однажды, оставшись в очередной раз один в тёмной комнате, я взобрался на шкаф и достал заветный песенник. В комнате было темно, но не настолько, чтоб уж совсем. Усевшись на кровати, опершись спиной о шкаф, и устроив на коленях книжку, я раскрыл её на нужной страничке. Здесь с одной стороны были какие-то линеечки, точечки, крючочки, с другой буковки, но очень мелкие. В такой темноте их, конечно же, видно не было. Только для меня это не было проблемой, я же знал слова наизусть. Да, именно так, я знал полностью припев этой песни.

Всё остальное для меня было покрыто мраком, ведь никому не пришло в голову разучить со мной хотя бы одну песню, или выучить хоть одно стихотворение. С полным осознанием правого дела я заорал во весь голос, не подозревая о том, что время приближалось к полночи, и что вся коммуна уже спала, свою любимую песню:

«Эх, тачанка, да растачанка, да наша гордость и краса! Пулемётная тачанка, все четыре колеса». Не удивляйтесь!.. именно так я и запомнил, а главное пел!.. Мне и в голову прийти не могло, что нет такого слова: «Растачанка», и что это «Ростовчанка». Не говоря уж о том, что первая половина припева была взята из первого припева, а вторая из последнего…

Допев до конца припев, я, не задумываясь, продолжил сначала тот же припев, ведь текста песни я не знал… И так в течение нескольких минут, делая перерывы лишь для того, чтобы набрать побольше воздуху в грудь и завести заново.

Занятый делом, я и не заметил, как распахнулась дверь и вошла мать.

«Ты чего тут орёшь? Всех соседей разбудил», — Принялась отчитывать она меня.

Я тут же нырнул под одеяло, успев сунуть песенник между стеной и кроватью. Раздался глухой стук. Книжка упала на пол.

Позже мать рассказала, что пока я распевал, сидя на кровати, разбуженные соседи провели небольшое общее собрание, где выбрали посланцем дядю Серёжу мужа тёти Раи, и откомандировали его на поиски моей мамы, дабы сообщить ей приятнейшую новость о рождении нового великого певца и артиста в одном лице!..

Ночника у нас не было, но после этого случая мать настояла, и отец купил ночник в виде лилии. Повесил её на гвоздик где-то под потолком, чтоб я достать не мог. Проблема ночного освещения была решена. Но, это по мнению родителей. Когда же я в очередной раз остался один в комнате с горящим ночником, то выяснилось, что без него было не так страшно. Светильник горел зловещим красным глазом, заставляя тени не только шевелиться, но и окрашиваться в кровавый цвет. Почему красный? Не знаю, какому дизайнеру, или кто там этим занимался, пришло в голову сделать серединку белой лилии красной… Может он хотел добиться жёлтого цвета?! Увы!.. Это ему не удалось. Но вернёмся к моим ночным страхам.

Глядя на этот ужас, я понял, что до утра не доживу, и что надо срочно что-то делать. Взобравшись на шкаф, поискал книжку. Однако её там не было. Песенник могли спрятать куда угодно… К примеру, в комод под бельё, или в ящик шкафа, а

могли и на растопку пустить… С них, со взрослых, сталось бы!..

Изо всех сил напрягая память, я старался припомнить ту ночь и свои действия при появлении матери. И мне повезло! Я вспомнил, что сам сунул её между стеной и кроватью. Значит, искать книжку надо было там. Скорее всего, она именно туда и завалилась. Покидать шкаф и лезть под кровать мне совсем не хотелось, ведь за окном был не ясный день, а как раз наоборот!.. Надо было что-то срочно придумывать. Вот тут-то ко мне пришла гениальная мысль, что это совсем не плохое убежище от красных теней, а песенник мне не нужен, ведь слова песни у меня в голове!.. И я запел…

Из-за громкого пения и большой увлечённости своим занятием, я не услышал, как в замочной скважине повернулся ключ. Дверь распахнулась и на пороге показалась соседка тётя Рая… Оказывается, мама оставила ей ключ на тот случай, если я опять начну орать. Что я и не преминул реализовать. Только вот проблема оказалась куда сложнее. Ведь войдя в комнату, соседка обнаружила пустую постель!!! А голос продолжал орать где-то из-под потолка: «Эх, тачанка, д-растачанка!».

Семечки

(Фото № 19 — П. Комсомольский, улица Комсомольская, вид на частные дома, зима — А. А. Кузёма)

Сразу за мебельным, вдоль трапа шёл импровизированный базарчик. Здесь продавали что угодно. Только мне лично нравились петушки на палочках, которых мама, как раз, не разрешала покупать. Петушки были разные, дутые, пустые, полные, сахарные, цветные… Но все вкусные, на круглых палочках, как эскимо.

Здесь же бабульки торговали семечками, которые мама так же запрещала покупать, хоть я не раз видел, как взрослые подходили и покупали огромные кульки на несколько стаканов. Только вот не помню я, чтоб их лузгали, как здесь, на юге, плюясь во все стороны. Но не помню я и того, чтобы мама покупала на этом базарчике вообще, хоть что-нибудь. Лично я семечки не любил. У меня не было времени на очистку зёрнышек от скорлупы, а жевать не чищенными мне совсем не хотелось. Ежели совсем честно, то как-то однажды я дорвался до этих самых семечек. Ну, а поскольку мне лень было чистить, то употребил я их, как есть, в огромном количестве. За что и поплатился… В тот год к нам приехала бабушка с тётей Майей (маминой родной, младшей сестрой), привезли бочонок вина, много сухофруктов и, разумеется, целый мешок семечек. Взрослые сидели, разговаривали, лузгали семечки, сплёвывая в бумажные кульки шелуху, и не думая о ребёнке, который так же жаждал зёрнышек. Поэтому-то я, как мне казалось незаметно, тащил не чищеные семечки горстями, и в рот. Это было не очень вкусно, так как шелуха кололась, и была довольно-таки жёсткой. Но желание научиться, а главное наесться, было очень сильным. Результат был плачевным.

Сараи

— С сараем у меня другая история. В пятом классе я решила уйти из дому — бродить по свету. У нас сарай был с окошком, чтобы видно было ящик с углём. Я поселилась для начала в этом сарае, навела порядок, подмела и была там пока стемнело. Устала. Захотела есть, и пошла домой.

— Ой, сколько у меня было этих историй с сараями! Однажды кто-то решил поиграть, собрал нас человек десять в одном сарае, недалеко от моего дома. А меня заманили туда, пообещав накормить пельменями. Потом сарай закрыли снаружи. Стало темно. А свечку кто-то затушил. Тут начали рассказывать страшилки. Сарай действительно был добротный, потому что щелей не было совсем. Я стал ныть, что, мол, обещали пельмени, а вместо этого пугают. Странно, но я тогда совсем не испугался этих страшилок. Снова зажгли свечу. Кто-то достал с полки медицинскую банку, круглую, огромную, а в ней холодные, залитые жиром пельмени. Я только на них глянул, и есть отказался. Не любил я жира… А почему заманили? Потому что перед этим летом (пельмени были зимой) кто-то позвал меня к себе в сарай возле колонки. Довольно далеко от моего дома. Я пошёл. Там сарай был какой-то интересный, без передней стенки, без дверей, и по стенам сплошные полки, как лежаки, застеленные какой-то материей, толи половиками, толи ковриками, не помню, но цветные. Мы развалились на этих полках, и какая-то очень толстая тётка угощала нас вкуснячими булочками, а так же петушками на палочках. Точно таких петушков я видел на нашем местном базарчике неподалёку от мебельного магазина. Но мать запрещала мне покупать их. А я всё равно, как насобираю монет, так либо на базарчик за петушками, либо за эскимо.

Да, нашим сараям надо петь дифирамбы. В них наша жизнь началась. До колонки они чуток не дотягивали, образуя небольшую полянку, где я впервые увидел мотоцикл «Ява», красный, как кровь. Он стоял с поднятым передним колесом, на железной лапе. Не знаю, кому могло прийти в голову, ездить на такой машине в нашей суровой зиме? А главное, остался ли владелец жив?!

Мой дом

За сараями вдоль дороги, так же в стороне и обращённое тыльной стороной, тянулось строение под номером восемнадцать. Это и было наше тогдашнее жилище. Третье окно от левого угла… От сараев, разумеется. Сначала шло окно тёти Жени, потом общей кухни, затем небольшой простенок, в котором находился туалет, и лишь после этого наше окно.

Соседей через стенку я не помню. В окна к ним заглядывать я не любил. Однажды полюбопытствовал и, представшее перед моим взором зрелище, отбило всякую охоту навсегда проявлять бессмысленную любознательность. Там было так пусто, пыльно и грязно!.. Совершенно голые стены, абсолютно непрозрачные стёкла от сажи… И не интересно, что я и сам больше никогда туда не заглядывал. И вообще, людей, живших в соседнем «парадном», я никого не помню.

— Я убранство своей квартиры в посёлке помню отлично. Мы с Ирой жили в холодной комнате. В ней постоянно прорывало батареи отопления. Там была открывающаяся форточка, я долгое время могла в неё пролазить, чтобы почистить от снега порог. Заметало так за ночь, что никому не выйти из дому. В комнате была тумбочка, на ней телефон. Наш номер на коммутаторе был 0-13. Телефон стоял на вышитой мамой салфетке. Кровати стояли две. Когда уехала старшая сестра, мне досталась наша с Иркой двойная кровать. В 10 вечера нам выключали свет, но у нас были фонарик и мы могли читать под одеялом. Была полочка из обыкновенной нетёсаной доски, покрытая газетой. Стол был квадратный, покрытый клеёнкой в клеточку. По функциональности он был обеденный, но мы за ним делали уроки. Уроки мы делали, где попало. Могли в зале, где стоял телевизор «Темп-3» на тумбе, на закрытом крышкой пианино, могли лёжа на диване в том же зале. Межкомнатные двери были украшены полотняными вышитыми мамой шторами. Такие шторы были почти у всех моих одноклассников, мода 50-х. Стены побелены извёсткой. Как сказал химик в институте — самый чистый способ содержать квартиру. Пыль в основном от обоев. В 1970 году купили сервант в мебельном у остановки. Полировка ещё цела, стёкла побились от времени. Сервант продолжает жить на даче. В спальне родителей стоял шифоньер из дерева и фанеры. Качество отличное. Этот шкаф тоже жив у нас на даче. Его можно разобрать и собрать и сейчас. В кухне была тумбочка, она также в селе, несколько раз перекрашенная. На даче есть печка, какая стояла у нас в Воркуте, только чугунные плиты

сверху менялись не раз. На кухне был бронзовый кран, из него шла студёная вода. Нас заставляли ею чистить зубы. Мы смачивали руки и размазывали порошок (вроде бы чистили). От такой водички бодрость наступала в одно мгновение. Двери в кухню не было и поэтому, когда купались, закрывали одеялом.

— У нас всё было по-другому…

Печка представляла собой каменный, или может быть кирпичный, из-под извёстки не было видно, что там внутри, куб, точнее, прямоугольник почти под самый потолок. Настоящую русскую печь мне довелось увидеть чуть позже, и она совсем не была похожа на нашу. Поддувало находилось в комнатушке перед туалетом, а в комнате со стороны двери, чуть выше пояса взрослого человека, находилось квадратное отверстие с железным дном. В этой импровизированной духовке мать подогревала еду. А готовила в кухне на грубе, так называли печку с чугунными кругами над огнём. Если убрать все круги, то пламя было открытым, что соответствовало большому огню в газовой плите. Если надо было сделать пламя меньше, добавляли круги вплоть до полного отсечения огня. Но про кухню чуток позже.

Шкаф, привезённый с севера, до сих пор жив, а за окном 2014 год!.. Дверь комнаты открывалась наружу. При входе сразу упираешься в комод, стоящий слева у стены; тут же за ним знаменитый шкаф; справа, за печью в нише, образованной тыльной стеной с окном и видом на дорогу, а так же стеной туалета, приткнулась панцирная кровать; под окном расположился круглый стол; под потолком над столом висела самодельная лампа дневного освещения; справа от шкафа стояла кроватка сестры, позже там занял место диван, а в углу по диагонали от двери находилась тумбочка с телевизором. Радио приёмник стоял на комоде. Обычно рядом с ним пристраивали маленькую ёлочку под новый год. Я всегда мечтал иметь большую, но ставить её негде было. Будучи совсем маленьким, я любил часами сидеть на комоде возле этой малютки и смотреть на горящие лампочки, миниатюрные игрушки, и мечтать, мечтать, мечтать… А вот в кружку с чаем смотреть не любил. Там плавали волосинки, чаинки, прочий мусор. Глядя на это безобразие, пить подобное не хотелось. Хоть водоворот получался отменный!.. А волны!.. И снова мечты уносили моё детское воображение в неизведанные дали.

О чём мог мечтать маленький мальчик? Конечно, об игрушках, конфетах, сказках… Меня завораживала разноцветная игра света. Я и на улице любил торчать у ёлок и смотреть на цветные огни. Очень любил смотреть в окна. Там всегда было интересно.

(Фото № 22 — Начало 60-х годов — А. А. Кузёма)

Однажды совершенно случайно, а может и не совсем случайно, оказался у бревенчатого двухэтажного дома. Из окна напротив лился ровный, приятный глазу мягкий голубоватый свет лампы дневного освещения. В то время такое освещение было в новинку. Сквозь тюль просматривалась комната. Слева в дальнем углу располагалась высокая кровать, видно с периной, так как была она неестественно высока, накрытая красивым покрывалом с кистями по краям. Справа виднелся телевизор на коротких ножках. Под самим окном находился круглый стол (что за дикая любовь там была у людей к круглым столам?! У нас в доме тоже был круглый стол, у соседей был круглый стол…). Слева от окна выглядывала огромная цветущая китайская роза. Это было здорово! Среди глубоких снегов нежные цветы юга! Прямо посреди стола пристроилась на высокой тонкой ножке хрустальная ваза, наполненная до краёв апельсинами и шикарными, громадными персиками. Шкурка последних была так тонка, что даже сквозь примёрзшее стекло просвечивала мягкая, сочная плоть. Вглубь комнаты видно не было, так как я стоял ниже края окна, и потому приходилось немного задирать голову, чтобы рассмотреть всё это добро. Мешали видеть внутренность помещения, также, и наклеенные прямо на стекло бумажные украшения. Да и портьеры были слегка сдвинуты. Я смотрел не потому, что мечтал о жилье, я просто смотрел, мне нравилось смотреть в красивые комнаты. Если за окном было пусто, я просто уходил. Меня никто не гонял. К примеру, в своё окно я смотреть не любил. Там было скучно. Не любил смотреть в окна магазинов. А вот витрины с конфетами просто обожал разглядывать. Этикетки на винных бутылках были такими яркими, что не обратить на них внимание было просто кощунством. Любил сидеть на холме в тундре и часами смотреть вдаль, или в воду. На трапах устраивался и смотрел на солнце сквозь воду. А мне всё говорили, не смотри, ослепнешь… Я боялся, но всё равно смотрел.

Бараки

Вы когда-нибудь в жизни видели дома-бараки? Нет?! И правильно. Чего на них смотреть. Дома, как дома. Низенькие, длинные, с маленькими окошками. С громадными, пузатыми тамбурами вместо парадных. Фантасты свои шлюзы не придумывали, они их просто срисовали с этих домов. Это сейчас и здесь сплошные архитектурные излишества, а там, на далёком севере, не до этого. Выжить бы да не замёрзнуть… Хотя с другой стороны, какой идиот решил, что тут дома строить надо? Кочевники против нас идеалы потому, что не только любят свою землю, но и ценят её. Пусть подсознательно, но суть-то от этого не меняется. О чём я? Да о том, что тундровый покров восстанавливается не за год, и даже не за 10 лет. Сотни лет пройдут, прежде чем зарастёт то безобразие, которое творили люди со своей техникой. И ради чего всё это? Ради всё того же металла… А кому он нужен? Мне так и даром не надо. Смотреть на него? Но есть вещи приятнее, эстетичнее — книга, например.

Барак, где жил я с родителями, имел два входа, громогласно объявленных парадными!.. Если стоять лицом к дому, наш подъезд находился справа. Обширный тамбур, за ним дверь в общий коридор. Слева дверь в комнату, где жили Смирновы. Справа комната Вихровых. Перед дверями располагались поддувала. Пол под ними был обит железными листами на тот случай, если вдруг выпадет уголёк, чтоб не загорелось.

С этими печами у меня особые отношения. Был печальный случай, был.

Играя в коридоре с Павликом, мы бегали с табуретками, изображали себя шофёрами в автомобилях. Носились мы друг другу навстречу, создавая впечатление активного движения. И вот, когда я оказался у входной двери, из комнаты Смирновых вышла тётя Рая и давай шерудить кочергой в печи. Дело обычное. Необычным было то, что, разбивая кусок угля, она не заметила, как из печи вылетел уголёк и залетел мне за шиворот. От страха и боли я зажал уголёк воротником рубашки. Боль была адская. Орал я, конечно, как слон. Помню лишь, что мама просила отпустить рубашку, чтоб вынуть уголёк. Но я не отпускал.

С тех пор у меня остался шрам от ожога чуть ниже шеи. У отца в том же самом месте было два таких шрама, доставшихся ему в подарок от горения в танке.

Но продолжим знакомство с внутренним строением барака.

Эти две комнаты были самыми большими. Дальше коридор упирался в кухню. Но перед ней он раздваивался, то есть

раздавался в обе стороны. В глубине находились двери других комнат. Справа тёти Жени, что работала в профилактории, слева наша.

Слева от кухни была дверь в туалет, где находилось поддувало нашей печки. Тётя Женя топила свою комнату из кухни. Справа в углу располагалось поддувало её печи.

Слева в кухне вдоль стены туалета стояли столы. Где, чей был, не знаю. Наш был прямо, у самого окна, и располагался вдоль. Подоконник увеличивал полезную площадь нашего расположения.

Все жили по-разному. Разделения на более богатых или нищих не было. У тёти Жени я почти не бывал, но, заглядывая из коридора в распахнутую настежь дверь, наблюдал почти пустую комнату — шкаф, прямо напротив дверей, и маленький столик у окна. Кровати я не видел, потому как она, скорее всего, скрывалась слева за печкой, в самом тёплом углу. Ведь комната тёти Жени была угловой, и наверняка очень холодной.

У Вихровых приходилось бывать чаще, однако не настолько, чтоб посмотреть телевизор. Что-то я никак не могу припомнить, чтоб нас приглашали посмотреть хоть один мультик?.. Хотя нет, вру! Как-то раз было, но тёти Тамары и её дочери Светы дома не было, а пригласил меня посмотреть её сын Игорь. Больше такого не повторялось. У них у первых в нашем доме появился «Рекорд». Позже, почти одновременно у нас «Знамя» и у Смирновых. Правда, какой у них, не помню.

Радиоприёмник с проигрывателем первым появился у Смирновых, потом у нас. А вот у Вихровых я такого не помню.

Ещё помню, что у Вихровых под окном стоял стол, заваленный книгами, там же стоял и телевизор.

У Смирновых я бывал чаще. У них за печкой стояла кровать, слева от окна, а справа в углу телевизор и радиоприёмник с проигрывателем внизу. Где был шкаф и кровати детей, не помню. Зато сохранился портрет, где я сфотографирован на фоне их печки, в зелёном, лыжном костюмчике. Если внимательно посмотреть на фотографию, то можно увидеть трещинки в извёстке. Кто-то пригласил фотографа, и в доме устроили день фотографирования. Такой же портретик должен быть и у Павлика Смирнова. Когда мы переехали на юг, я очень часто разглядывал этот портрет, и вспоминал…

На фасад выходили окна тёти Тамары Вихровой, если стоять лицом к тамбуру, то справа. Тамбур — это такая пристройка перед основной дверью в здание. Кстати сказать, что все двери у нас открывались внутрь. Представьте себе утро после пурги?! Попробуйте открыть дверь наружу!.. Вот именно. А ещё там

стояла громадная пустая бочка. В неё складывали снег после того, как открывали дверь. Как использовалась вода из этой бочки, я не помню. Скорее всего мыли посуду, потому как за питьевой водой надо было идти к колонке, которая находилась не так уж и близко. Хотя, вполне возможно, что просто выливали оттого, что чистым снег бывал лишь несколько часов, позже он покрывался тонкой плёнкой чёрной сажи, и в употребление не годился. Но это лишь предположение. Как было на самом деле, увы, не знаю.

В этом же тамбуре находились полки, где жители нашей коммуналки хранили продукты. Поэтому-то я и не понимал, зачем на севере холодильник?

Дверь в тамбур никогда не запиралась на замок. Оттого однажды случился конфуз. Кто-то у Тёти Раи стащил кусок масла. Она решила, что это сосед из дома напротив, алкоголик и ворюга. Так она считала. Я же, будучи очень справедливым мальчиком с малолетства, тут же отправился в милицию заявлять. Долго я стоял у распахнутой двери, не решаясь войти, пока не вышел какой-то худой и длинный мужик, похожий на пацана, и захлопнул дверь. На мои справедливые требования немедля разобраться и посадить вора в тюрьму, он никак не отреагировал. Это было моё первое столкновение с правоохранительными органами. И впечатление от этой встречи были не в пользу милиционеров.

Да, вернёмся к Тёте Тамаре. У неё было двое детей, дочка Света и сын Игорь (дядя Гриша, их отец, работал водителем на большом самосвале и почему-то с ними не жил, но часто приезжал и катал нас на машине), их комната, как и комната Смирновых через коридор, была самой большой. Я не раз бывал у них в гостях, но совершенно ничего не помню из обстановки. Один лишь телевизор «Рекорд» единственный на весь дом, только и запомнился. Зато очень хорошо въелась в память книжка немецкого языка, которую мне демонстрировала Света. Я смотрел на каракули в книге и думал, как можно читать эту Филькину грамоту?! Я бы никогда не запомнил. Но прошли годы. И я не только не запомнил немецкий, но и выучил несколько других языков, чем обогатил не только свой язык, но и свою эрудицию.

Выход из нашего тамбура был связан деревянной дорожкой (наподобие трапа) со входом дома зеркально отражавшим наш. Я не знаю, для чего это делалось, но так оно было. Напротив окон дяди Серёжи и тёти Раи (Смирновых) находился столик со скамейками по периметру, а супротив окон тёти Тамары были выстроены качели для нас.

Жильцов из дома напротив я никого не знал, кроме дяди Миши, пьяницы. Так говорили взрослые. Помню, однажды мы

принесли из тундры сову со сломанным крылом, и он забрал её лечить. Позже выяснилось, что сова погибла. А мне было очень жаль, ведь раненую птицу нашёл мой Мухтар, моя собака. Мы тогда в тундре ягоды собирали. Точнее, взрослые собирали, а мы, дети, играли, бегая по холмам. Мухтар, так звали моего пса, отчаянно лаял где-то за холмом. Отец сказал, чтоб я пошёл и посмотрел, отчего пёс там сума сходит. Я побежал, и увидел, что собака стоит в двух метрах от куста и гавкает на него. Первое, что пришло в голову, он так играет. Не сразу я разглядел под кустом птицу. Мухтар близко не подходил, поэтому опасаться за то, что он бросится и разорвёт несчастную животинку, не было. Я позвал взрослых. Не буду утверждать, что подошёл мой отец, скорее всего это был не он, но из-под куста достали полярную сову. Левое крыло у неё было повреждено. Соседская девочка Света взяла на себя обязательство вылечить птицу и передать её в живой уголок школы. Но что-то не сложилось в её планах, и сова оказалась у дяди Миши из соседнего дома.

Как-то ранним летним утром двери в их тамбур и коридор были открыты, и я заглянул туда. Серые, неприятного оттенка стены. Распахнутая дверь в кухню. Но там я ничего не увидел, а заходить было боязно. Чёрные проёмы дверей и леденящий холод. Почему холод? Не знаю. Может потому, что ничего белого внутри мне увидеть не довелось.

Как-то раз мы с пацанами разожгли не большой костерок с обратной стороны этого коридора, то есть дома, конечно, почти под кухонным окном. Положили в костёр бутылку и стали ждать, когда она взорвётся?.. Мы рассчитывали таким образом разбить стекло, при этом никто не был бы виноват. Увы, хитрость не получилась. Бутылка крутилась, целясь горлышком то в одну сторону, то в другую, но взрываться, кажется, не собиралась. И вот в тот самый момент, когда бутылка замерла, приготовившись сделать выбор, появилась женщина из этого дома и прогнала нас. Костёр, разумеется, она затушила, вылив на него ведро помоев.

В доме, где жил дядя Миша, была и другая парадная, как впрочем, и в нашем доме. Но про тех людей я вообще ничегошеньки не помню. Возможно даже, мне ни разу не довелось побывать у них в гостях. Нет, всё же я там был, но память сохранила лишь абстрактные белые фигуры. Почему белые? Не знаю. Безликие какие-то…

Хорошо помню один момент, когда мы вернулись из Одессы, из той парадной вышла женщина с помойным ведром, очень невзрачная, незапоминающаяся какая-то, перешла дорогу и вылила помои в ближайшую лужу.

Вообще-то странно это было — выливать помои в лужи. Так

делали все, не задумываясь об окружающей природе. После таких вливаний лужи становились мутными, грязными. В них неприятно было смотреть. Правда, они со временем очищались, то есть становились прозрачными, видимо, вся гадость оседала на дно. Хотя!..

(Фото № 23 — П. Комсомольский, Вид на детский сад и дом № 35 — А. А. Кузёма)

Помню лужу, которая находилась на торце дома, что напротив детского садика. Приехала пожарная машина. Я тогда впервые увидел у нас не только пожарные машины, но и самих пожарников. Она подъехала со стороны дежурного магазина, вернее, повернула на перекрёстке, и подъехала к забору, отделявшему дорогу от лужи. Из кабины выбрались несколько пожарников. Они достали толстый, гофрированный шланг, присоединили его к цистерне сзади машины, подняли боковую панель, под крышкой которой находились куча вентилей, кранов, кнопок, шкал с цифрами, и принялись крутить барашки. Один пожарник, державший шланг, отошёл поближе к забору, высоко поднял наконечник, из которого тут же ударила упругая, чёрная, жутко чёрная струя. Что это было? Не знаю. Вода такой чёрной не бывает. Пожарник, видимо, был специалистом в своём деле, так как изрыгаемое дерьмо из баков машины попадало точнёхонько в середину лужи. Та в свою очередь моментально почернела. Я долго стоял и смотрел, до тех пор, пока из трубы перестало даже капать. После чего пожарники свернули свою технику, забрались в кабину и уехали, а грязная лужа осталась. Я практический каждый день подходил к ней, чтобы увидеть, когда же она очистится, но, увы!.. Она так и осталась грязной, чёрной лужей. Такой она мне и запомнилась.

Первый и последний побег

Кто был нашими соседями с другой парадной, не знаю. Помню лишь девушку Надю, которая однажды ночью спасла меня от воспаления лёгких. Я с громадным трудом припоминаю, что происходило у них дома. Запомнилось лишь то, что все были одной громадной семьёй, так как внутри не было разделение на квартиры, подобно нашему коридору. А попал я к ним, как обычно попадают в подобных ситуациях мальчишки, получившие двойку.

Накануне мама купила красивую клеёнку с нарисованными на ней грибами. Сами грибы выглядели не очень аппетитно, но клеёнка была такой гладкой, что хотелось проверить, а как она отреагирует на прикосновение лезвия?! Ну, я и попробовал!.. И процесс сей оказался весьма и весьма притягательным. Произведя первый надрез я уже не мог оторваться и спохватился лишь тогда, когда моей пятой точки коснулся широкий солдатский ремень отца!.. За ним последовало стояние в углу!..

В общем, получил я сполна и был отправлен в школу. Только вот никто не сумел сообразить, что за процессом экзекуции у меня не было времени сделать домашнее задание!.. Понятное дело, я получил двойку, и, по всей видимости, не одну. Возвращаясь поздно вечером домой, я понимал, что получу дополнительную порцию по ещё не отошедшей от утренней порки попке. Что делать? Я, конечно же, не знал. Бежать мне было некуда, да и денег не было совсем. Потому и присел на скамью подле угольного ящика рядом с соседской кошкой Катькой. Была она не белая, а какая-то грязная. И глаза у неё были не зелёными, как у всех нормальных кошек, а жёлтые, тигриные. Здесь-то и увидела меня Надя, идущая из своей старшей школы. Если мне не изменяет память, училась она тогда в девятом классе. Но утверждать не берусь, Может и не в девятом!.. Рассказал я ей про жизнь свою безалаберную, пожаловался на родителей, избивающих своего отпрыска, и взяла она меня домой к себе. А дальше всё было как во сне!..

Комната их, вернее, квартира, находилась слева от входной двери, как у Смирновых. А вот второй двери, симметрично нашей, не было. Они совместили две комнаты и получили двухкомнатную коммуналку.

Меня накормили и усадили делать уроки на завтра в той самой комнате, что и наша, слева в углу, с окном на перекрёсток. Хоть на дворе стояла глубокая ночь, и спать давно всем было пора. Уроки я благополучно приготовил, или может быть сделал

вид, что было наиболее вероятным. После чего уселся смотреть какое-то кино. И тут пришла мама. Поскольку я был в другой комнате, то не слыхал разговора. Зато, когда вышел и увидел мать, испугался не на шутку. Сразу же подумал, что Надя меня предала и выдала родителям. Как выяснилось позже, никому она меня не предавала. Кто-то из её родственников пошёл и сообщил где я. Потом был разыгран спектакль, как нельзя поступать. Кстати, и родителям, и мне. После чего я оделся и понуро побрёл домой, волоча свой неподъёмный портфель.

Вот так закончился мой первый побег из дома в первом классе. В дальнейшем жизнь сложилась таким образом, что дома я лишь гостил, а жил совсем в других местах и городах.

Шефы

Не знаю. Возможно после этого случая, а возможно и нет, но как-то раз в нашем классе обнаружились три девочки из старших классов. Они стояли у двери подле вешалки, о чём-то тихо переговариваясь между собой. Начался урок. Вошла Галина Ивановна и объявила, что отныне с самыми нерадивыми из нас будут дополнительно заниматься наши шефы. Я с любопытством наблюдал за распределением ролей, когда вдруг прозвучала моя фамилия. Сказать, что я был ошарашен? Нет, не ошарашен!.. Убит наповал!.. Но у меня всегда имелось кое-что в запасе. Пришлось выкладывать. Я долго, нудно и очень путано разъяснял учительнице, дабы поняла меня только она, но, ни в коем случае весь класс о том, что отец меня убьёт, как только узнает о буксире. На что Галина Ивановна заявила:

— Вот тебе записка, пусть папа завтра зайдёт в школу.

Ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть и согласиться.

Записку я благополучно выкинул в первый же сугроб. Родителям ничего не сказал, а учительница, по всей видимости, забыла о своём намерении.

Через несколько дней мой шеф в виде черноволосой девчонки, предупредил меня, что ждёт такого-то числа, в такое-то время у себя дома. И дала адрес. Мало того, что день был назначен воскресный, то есть святая-святых, да ещё тащиться чёрти куда. Но судьба видимо требовала полного искупления моих детских грехов, и я отправился на поиски жилья своего буксира. Чего наврал маме? Не помню. Но явно чего-то наврал!.. На моё счастье отец, вероятно, был на смене.

Жила девчонка-шеф, кажется, в девятиэтажке. Хотя может это мне со страху так показалось. Вряд ли в посёлке были дома выше пятого. Я свернул на улицу, что вела к старшей школе. Во дворах напротив школьного катка. В общем, не близко от меня. Со страху этаж я не запомнил. Но лифта не было, это точно. С лифтами мне пришлось познакомиться через несколько месяцев в гостинице «Украина» тогда ещё Ленинграда, ныне Санкт-Петербурга у безымянного автовокзала. Но это уже совсем другая история.

Вероятно, мы встретились около школы и потом пошли к ней домой, не помню. Зато дальнейшее врезалось в память навеки!.. Ещё бы!!! Здесь у девчонки была своя, личная комната! Со своим личным письменным столом! Со своей личной лампой дневного освещения!!! Причём, не такой громадной, как соорудил дома батя, а вполне себе заводской, дизайнерски выдержанной такой, маленькой, почти как настольная лампа, только висела она над

столом. Здесь же аккуратной стопкой лежали книжки, какие-то тетрадки, линейка и штуковина, похожая на лук с цифрами на полукружье. В стаканчике уютно устроились перьевые и авторучки, в другом стаканчике, повыше, торчали грифелями вверх цветные карандаши остро заточенные, и не лезвием, как у меня, а настоящей точилкой!.. Стул был мягкий, со спинкой. В комнате было тепло и приятно. На полу лежал толстый ковёр не то, что у нас половик из тряпочек…

Девочка небрежно очистила мне место, сдвинув весь этот письменный хлам в сторону, проследила, как я достал из своего расписанного мелом, потёртого катанием с горок и очень пошарпанного портфеля тетрадку, а заодно и весьма потрёпанный учебник, извлёк, на божий свет, пинал и приготовился писать под её диктовку. Но не тут-то было. Оказывается, шефы не диктуют домашнее задание. Они вроде надзирателей у зэков, с той лишь разницей, что у тех есть оружие, а у шефа нет. Немного постояв подле стола и понаблюдав за моими мучениями, девочка предложила мне продолжать, а сама вышла из комнаты. Ой, лучшего она придумать не могла. Я тут же забыл про учебник, и принялся разглядывать книжку с картинками, которая оказалась самой верхней и с закладкой. Я, по простоте душевной, предполагал, что это учебник какой-то, однако разочарование меня не настигло, потому что книжка была какая-то не учебная. В ней рыцарь на лошади весь в железе подавал девушке платочек на кончике копья. Разглядывая картинки, я так увлёкся, что не заметил надвигающейся грозы. Вдруг книжка вырвалась из моих рук, и грозный голос шефа сообщил, что надо делать уроки, а не заниматься посторонними делами. Я тяжело вздохнул и принялся за старое. Девочка на этот раз проявила благоразумие. Она принесла ещё один стул и пристроилась у другого конца стола делать свои задания.

Мучения мои, по всей видимости, продолжались бесконечно долго, так как домой я шёл поздно ночью. Моя спутница луна, как всегда, равнодушно провожала меня.

На следующее воскресенье мой шеф явилась ко мне домой со своей подружкой. Толи родители ей запретили приводить к себе эдакого непутёвого, толи боялась, что я чего-нибудь испорчу. Не знаю. Войдя к нам в комнату, девочки явно были не в восторге. Ещё бы! Из храма да в барак!.. Мало того, сидеть пришлось за неудобным, круглым столом, без хорошего освещения над этим самым столом. Правда, под окном… Да к тому же, ещё и на скрипучих, шатающихся крашеных табуретках без спинки, разумеется!.. В результате, больше я их никогда не видел. А через несколько дней Галина Ивановна объявила, что я стал учиться

лучше, и что мне буксир больше не нужен. Так ли это было на самом деле, или нет, не знаю.

Очень хорошо помню, что погибла одна из моих шефов. Точнее, не та девочка, что шефствовала надо мной, а другая, её подруга (кажется, они были из шестого класса, но утверждать не берусь). Они приходили ко мне домой, учили уму-разуму. А потом она упала на горке, черепно-мозговая травма… Кровоизлияние в мозг и всё. Помню похороны. Я стоял у дороги, а процессия шла со стороны хлебного в сторону мебельного. Я не ходил туда, и не видел, что было дальше. Только помню, что спросил у отца, где тут можно хоронить? Ведь тела просто замёрзнут. Маленький, а понимал, что разложения здесь нет. Что ответил отец? Не помню. Скорее всего ничего.

— Я тоже помню… Девочка, скатившись с горки, не успела вылезти из углубления (возраст её не помню), санки за ней врезались в её живот. Лопнул аппендицит. Мы тогда об этом не знали, ей стало плохо. Примчалась скорая, выехала из-за хлебного. Забрали девочку в больницу, положили в санитарном пропускнике. Она как заснула. В это время привезли обмороженного пьяного мужчину. Врачи занялись им. Девочке помочь не успели. Моя старшая сестра стояла у неё на траурной вахте и упала в обморок. Может это одна и та же история, которую помнишь ты.

Может и тот, но!.. Санки?.. В живот?.. Вряд ли!.. Во-первых, как санки могли ударить в живот, если они были позади? Выбраться из углубления, развернувшись лицом к горке? Чушь. Если надо было выбраться из кучи малы, откатывались в сторону, в сугроб, и все дела. Да и не было там такого большого углубления. Подле горок так раскатывали, что сплошной лёд тянулся шире горки и не меньше чем метров пять от края, а то и больше. Помню, говорили, будто она просто упала, сбитая с ног едущими следом, ударилась головой, черепная трещина с внутренним кровоизлиянием. Девочка умерла в городской больнице, а не в посёлке. Но как всё было на самом деле, я не знаю.

А вот с буксиром мне ещё раз довелось встретиться, но уже совсем с другим человеком, в иной обстановке и в совершенно ином месте.

Школа

— Вначале нас было 6 первых классов, затем 4 девятых. 8 Классов заканчивали «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е», «Ж». В 9 классе перегруппировали в «А», «Б», «В», «Г». Часть учеников оставила школу. Я из «Г» перешла в «В». В 1975 году открыли недалеко от спортзала «Юность» школу № 33. Часть школьников ушла туда. Десятых классов было два: 10 «А» и 10 «Б». Сергей Шумаков, он в Ленинграде, у него дочь и сын, занимается строительством. Его мама была нашей любимой классной руководительницей в 10 классе, вела биологию. Она тоже умерла в 1982 году. В Ленинграде его одноклассники Ольга Дёмина (Якушева), у неё две дочки, внучка, работает в туристическом фонде, Нина Сиволапова (Ермолаева), у неё — сын, Ольга Нику живёт в пригороде Ленинграда, у неё сын и дочь. Их одноклассница Ира Киндяшкина в Омске, не работает, детей нет. В Воркуте есть мой одноклассник Витя Кожанов, с ним я училась только в 10 классе, раньше он жил и учился на шахте 25. Подруги есть отдельными фотографиями, кроме Тони Иевлевой. Её фото есть, только вместе с Иркой, стоят на завалинке нашего дома. Мне нравилась её мама, к сожалению, она умерла в 2001 году. Живёт в Тынде, работает математиком, дочь учится в Ленинграде. Я с ней была в детском саду и в девятом-десятом классах. К сожалению, нет фото Любы Крамар. Она живёт где-то на Украине в Черкасской области, а может уже и нет. Первым меня нашёл Витя Кожанов, написал моей старшей сестре Наташе, спросил за Иру. Они вместе занимались спортом. Я долго не могла его вспомнить, в десятом прогуливала уроки. У него сын и дочь, он скоро переедет из Воркуты, уже на пенсии, дорабатывает до отъезда на шахте в городе.

Очень хорошо запомнил учительницу Галину Ивановну. Как выяснилось, фамилия её была Дёмина. Почему у нас в школе было так много Дёминых? (Вопрос, конечно, риторический). Её дочь Лариса училась в параллельном классе «А».

— На фото справа от «Гастронома» виден не киоск, а вход пристройка в начальную школу. Пристроили неизвестно когда, в 80-е? Там скорее всего раздевалка. Когда я училась, мы переодевали валенки в маленьком предбаннике, давились как тараканы. На входе стояли дежурные и без сменки не пускали в школу. Теперь школу покрасили в зелёный цвет. Наверное, чтобы было видно в пургу. Пятиэтажка была построена после 1978 года. Когда я была последний раз, было только начало стройки.-

Верно. Именно в ней я и учился. Но я там видел во флигеле и

пятый класс. Может впоследствии народу стало больше, и классы убрали, но я точно знаю, за лестницей справа были пятые классы. Сколько? Не помню.

Это фото нашей трёхэтажной старшей школы. Возле неё был деревянный забор, зимой заваливало и его. В школу зимой вела дорога горкой вниз, на портфелях мы скатывались прямо в мастерскую напротив дверей.

(Фото № 24 — Младшая школа № 11)

Устройство школы внутри почти не помню. Хотя некоторые детали всё же сохранились в памяти. Вход был слева через флигель, только тогда я ещё не знал, что подобная пристройка так называется. Тут же на первом этаже находился буфет. Дальше лестница на второй этаж. Интересно, что на втором аппендикс за лестницей сохранился в памяти, а на первом совершенно ничегошеньки не помню. Кажется, там была столовая?.. То, что мы учились на втором этаже, сомнений не вызывает. Коридор там был длинный, слева окна, справа двери в классы. И вот где-то с середины и до самого конца коридора, отделённого от чёрного хода и запасной лестницы, дверью, находились первые классы от буквы «А» до «Ж». Вот столько было первых классов в том далёком шестьдесят шестом!..

Если спуститься по чёрной лестнице на первый этаж, то попадём к туалетам. В то время они были не столь современны, как нынешние. Они больше походили на сельские, разве что, находились в здании.

Слева от основной лестницы на втором этаже находилась школьная стенгазета. Названия её я, разумеется, не помню. Зато очень любил наблюдать за передвижением ракет по рисованному небосводу. Вместо огненного хвоста за ракетами тянулись разноцветные кружочки. Одни означали успеваемость, другие санитарию в классе, третьи поведение и так далее. Наглядное пособие по успеваемости, или проще говоря, доска соцсоревнований между классами.

Иногда на стенде вывешивали рисунки с нерадивыми учениками. Как-то раз туда попал мой одноклассник. Был он изображён спящим на последней парте. Все мы ходили посмотреть и посмеяться. Но никак не для того, чтобы устыдить своего товарища. Нас больше интересовало сходство. Его, кстати, тоже.

Дежурный

Время от времени наш класс дежурил. Лучшим ученикам повязывали на левой руке широкую белую ленту с надписью большими, красными буквами «Дежурный». В их обязанность вменялось следить за порядком в коридорах на переменах, чтоб никто не бегал; стоять у двери в столовую и проверять руки на чистоту. Однажды даже я удостоился этой чести. Но скорее всего не за своё примерное поведение, а как раз наоборот. Мне пришлось ходить чинно по коридорам и делать замечания нарушителям. Только не рождён я был для подобных штучек. Кто-то из моих одноклассников не пожелал меня слушать, и я с удовольствием отвесил ему оплеуху. Началась свара!.. В общем, на следующей перемене дежурил уже не я.

В классе слева от двери стояла вешалка, где мы раздевались. Гардеробной в школе не было. Непосредственно перед вешалкой ставили наказанных. Парты в классе стояли в три ряда. Окон было два. Справа от двери висела классная доска. Внизу в желобке лежал кусок мела и тряпочка. Никаких разделений на клеточки и линеечки тогда ещё не было. Доска была девственно чёрная, или тёмно-коричневая.

Хорошо помню двух девочек из нашего класса. Их обоих звали Верами. Одна была Вера маленькая, другая большая. Определялось это по росту и упитанности. Одна из девочек носила через плечо белую сумочку с красным крестом. Возможно, что эти атрибуты медицинских сестёр передавались среди девочек, и служили что-то вроде знака дежурной медсестры по классу. Утверждать не берусь, не помню. Правда, позже Ольга Нику писала:

«В классе было 3 Веры: Вера Ледник — большая, она действительно была крупнее всех, блондинка с голубыми глазами. Вера Вахрушева — маленькая, смуглая, с чёрными глазами. После школы уехала (не сразу) в Феодосию. Вышла замуж там, трое сыновей… Сейчас не знаю где она — потеряла след. Именно она была санитаркой со мной вместе. Мы вообще были неразлучны! Вера Гришкина тоже высокая, худенькая, с голубыми глазами».

Вот эти девочки со своими сумочками, вешалка и довольная, жующая булочку, веснушчатая рожа наказанного одноклассника по фамилии Козлов, запомнились мне на всю оставшуюся жизнь. Это он, Юра Козлов, изменивший мою жизнь так, как врагу не пожелаешь.

Подтверждая свою зрительную память, могу привести

несколько строчек из письма Ольги Нику:

«У Юрки Козлова были веснушки, только не очень заметные, они у него так и остались до 10-го класса».

От кого я удирал? Не знаю. Возможно, от дежурного. Да и неважно это теперь. Вбежал я в класс и свернул налево, чтоб спрятаться за вешалкой с вещами. А этот шутник подставил ножку. Я со всего лёту и налетел на гвоздь, торчавший в вешалке. Очнувшись, смог разглядеть лишь белое пятно с чем-то красным… Кто оказался возле меня первым? Я так никогда и не узнал. Да и вряд ли когда узнаю.

Потом начались разбирательства, только кому они уже были нужны. Моя судьба сделала крутой поворот, вынудивший моих родителей покинуть этот удивительный уголок земли. Видимо всевышнему было угодно прогнать меня оттуда.

(Фото № 25 — Подле дома)

Помню, как со слезами на глазах, я стоял у сарая и собственными руками раздавал свои любимые игрушки, потому что взрослые не желали брать их с собой в далёкое путешествие. Полный контейнер угля и дров они взять могли, старую коляску тоже, а вот мои игрушки!..

Мой барабан осторожно взяла какая-то девочка, а жёлтый автобус с закрывающимися дверцами и сидениями внутри оказался у моего соседа Павлика. Собаку по кличке Мухтар, как я узнал много лет спустя, просто застрелили в тундре. Вот так прервалась моя линия жизни за полярным кругом. Осталось лишь несколько выцветших фотографий, которых и восстановить-то нельзя. Пропали десятки кадров моего пребывания в доме № 18 в посёлке Комсомольском по улице Шахтинской, в квартире № 4, которых, кстати, было целых 8 штук по четыре в каждом подъезде, да память, которую не вырубить топором!..

Часть вторая
Детские игры дедушек

Поруганная память

Где-то есть город тихий, как сон.
Снегом пушистым по грудь занесён.
Речка промёрзла, и лёд, как стекло.
Здесь наше детство в забвенье ушло.

К чему стремится человечество?

Дорога была знакомой и не знакомой одновременно. Вроде и тундра та же, но жилья человеческого, в нормальном его представлении, не было. Террикон исчез, как будто корова языком слизала. Асфальтовое покрытие дороги вдоль него выглядело совсем иначе. Оно вроде бы и было, и в то же время его не было. Ощущение такое, словно асфальт истёрся, как истирается паркет тысячами ног танцоров. Не встречались вагончики геологов. Растворились в небытии их буровые вышки. Голая, изуродованная тундра распростёрлась до самого горизонта.

Призрак посёлка возник как-то сразу, из ничего. Справа, где были гаражи, открылась огромная пустая площадка. Кое-где виднелись ржавые помятые кабины грузовиков, взирающих на этот жуткий мир пустыми глазницами выбитых стёкол, рваными дырами вывороченных фар. Потом пошли какие-то нагромождения шлака. Иногда из этих куч торчали обгорелые балки. Но чем дальше, тем страшнее, как в сказке. Обгорелые остовы домов, полуразвалившиеся почерневшие стены с дырами вместо окон, с угольно-чёрными рёбрами обгоревших стропил. Это были останки бывших бараков… Пристанище людей, живших и работавших здесь десятилетиями, отдавшим этому краю самое лучшее — свою молодость.

Я шёл среди этого человеческого уродства, жестокости и безжалостности, смотрел, и думал, думал, думал… «Зачем надо было всё это строить? Для чего, или для кого всё это надо было? И кому понадобилось всё это уничтожать?» — Слёз не было, была только бессильная злость на тех, кто надругался над памятью наших отцов и матерей, над нашим детством.

(Фото № 26 — Ул. Комсомольская)

Как ни удивительно, но начальная школа оказалась не повреждённой. Даже окна были на месте. И этот контраст, дикой своей несуразностью, поражал ещё больше. Среди кладбища домов торчал, как Лермонтовская сосна, одинокий, уцелевший экземпляр, как напоминание, как упрёк. «Моя школа!.. моя первая

и единственная школа, давшая мне путёвку в жизнь. Что сохранило тебя? — Спрашивал я сам себя. — Чистая случайность? или может всё же рука вандалов не поднялась на святое?! место, где сами учились, где встречались, где любили?».

И невидимые голоса обступили меня….

— У самого хлебного был парфюмерный киоск, иногда в нём продавали журналы мод. Очень чистые стёкла. В нём продавался прозрачный маникюрный лак для ногтей за 25 копеек. Мы его тайно от родителей покупали и красили ногти.

А я-то думал, ну что мне он так запомнился! Действительно, там стёкла были очень чистые, буквально прозрачные. Хоть в самом киоске было как-то мрачновато, толи тона такие были внутри, толи ещё от чего, не помню. Траурный он был какой-то…

— Напротив детская площадка с горкой. Зимой мы катались по ней на санках. Выше — начальная, с первого по четвёртые классы двухэтажная, школа № 11. За ней сзади одноэтажная музыкальная школа. За школой, вдоль по улице Комсомольской, был продуктовый магазин, сбоку в отдельном помещении продавали водку. Внутри магазина продавала мороженое мама моего одноклассника Валеры Оскреткова. Улицу Комсомольскую позже, где-то в 1974 году, точно не помню, зачем-то переименовали в улицу Свердлова. Поселковый совет находился по левой стороне за перекрёстком улицы Краснознамённой, но на улице Комсомольской. Здание кирпичное. За музыкальной школой несколько двухэтажных домов, параллельная улица, бараки, ещё одна параллельная улица. Её позже переименовали в улицу мореплавателя Седова. Очень длинная. Затем снова бараки и сараи, тундра. Вот тут самое интересное. — Рассказывала Тамара Скиба.

— Мы в тундру ходили в другую сторону, за террикон. — Отвечал я, — в описанной тобой сторону я ходил лишь однажды. Но об этом позже.

(Фото № 27 — Шахта)

Чуть правее от шахты, точнее, шахта оставалась далеко слева. Где мы сворачивали в тундру? Не помню. Но очень хорошо помню железнодорожное полотно, которое мы переходили, насыпь, высокую, чтоб зимой снегом не засыпало, а всё равно чистили, и дальше в ложбинке озеро, или лужа, даже не знаю, как правильно, где я нашёл громадное количество лошадиных ног и тучу комаров, от которых даже света видно не было. Они роились над этими жуткими ногами, но в основном над водой. Помню, как я был поражён увиденным!.. Озерцо это было прикрыто камышом, а может то и не камыш был вовсе, не знаю, не помню. Знаю лишь, что увидел я всё это не сразу, а лишь когда пробрался сквозь эти

кусты или что там было…

— Если пройти по тундре метров 100 вперёд, — продолжала рассказ Тамара, — поймёшь, что стоишь на земляном валу в виде полукольца вокруг посёлка. С этого выступа видна бесконечная тундра. Я училась в 7 классе, когда изнасиловали и убили девочку из 1 класса Иру Воробьёву. Старшеклассники ходили зимой на лыжах на этот вал — искали одежду ребёнка, там нашли и девочку. Убийцей оказался спортсмен, отличник учёбы одноклассник брата этой девочки 15-летний нравственный урод. Говорили, что он не выдержал психиатрических экспертиз в Ленинграде и умер.

— А знаете ли вы, что школы № 2 на Некрасова уже не существует? Здание отдано под вечернюю школу номер 2, и теперь по коридорам, где мы бегали детьми, степенно ходит работающая молодёжь и взрослые ученики? А когда-то, позади школы был гаражик, и там стояла школьная грузовая машина! И мы ездили на ней в тундру к сан-городку, нарезали дёрн, а потом укладывали его возле школы.

— Я очень хорошо помню гаражи за нашей родной второй школой. Был там один высокий кирпичный, мы прыгали с него зимой в сугробы. Страшно было! Но прыгали. А наш физрук гонял нас.

— Да за второй школой был гараж, и машина была, когда я там учился, она ещё ездила пару лет, а потом её поставили возле гаража на радость детворе, и мы с мальчишками после уроков в неё залезали и играли в шофёров, крутили руль, нажимали педали…

Нет, возле нашей школы никаких гаражей не было. Был один на въезде в посёлок, подле автобусной остановки. Туда мы лазить не рисковали. Там сторожа были. Хотя свалку однажды посетили. Нашли кучу отработанных аккумуляторов, извлекли оттуда свинцовые решётки и давай лить из них пистолетики и прочую ерунду. Обидно было то, что пока свинец расплавленный, то сверкает и отражает всё, как очень чистое, глубокое зеркало. Красота неописуемая!.. Но стоит ему слегка остыть, как превращается в серый, невзрачный комок.

Однако насладиться, как следует этим чудом, я не сумел. Пришёл отец и увёл меня далеко от этих мест, и навсегда.

— Кстати, ещё за хлебным была поликлиника (хирурги, терапевты). Дальше шёл следующий дом (напротив продовольственного магазина) за ним был одноэтажный книжный магазин. В нём мы получали подписку на книги. Всё это время мы шли вверх в сторону шахты 25. Стадион был вниз, к школе 11 (где учились с 5 по 10 классы) по улице Комсомольской в сторону

шахты № 17. Если зайти за угол овощного магазина вниз по улице Стадионной (параллельной улице Комсомольской) можно сразу попасть на стадион. Зимой там был каток. — Вспоминала жительница Харькова Тамара Скиба.

(Фото № 28 — Стадион, под вывеской к футбольному матчу — А. А. Кузёма)

Нет! По Стадионной, возможно, и доберёшься до стадиона, в чём я сомневаюсь, но дело-то в том, что если завернуть за угол дежурного магазина, то попадёшь не на Стадионную, а на Шахтинскую. Стадионная, видимо, была дальше в сторону баньки за профилакторием, а это была Краснознамённая. Там ещё два бревенчатых дома стояло, Один двухэтажный, другой трёх. Трёхэтажный был каким-то административным домом, потому что родители ходили туда голосовать. (Это и был поселковый совет, как выяснилось позже).

— Если где-то ещё и голосовали в деревянном доме, то только потому, что посёлок большой. — Оспаривала Тамара.

— И если уж пойти по Шахтинской, то всё равно не сразу. Там надо было ещё пройти и довольно-таки далеко, мимо столовой, и лишь потом был стадион. А за стадионом была баня. Здесь улица делала нечто похожее на петлю и выходила, как я понял, на комсомольскую, и шла мимо старшей школы. Нас туда ещё на экскурсию водили. Мне там так понравилось! Я всё не понимал, почему мы учимся в бараке, а другие здесь?! — Реставрировал план посёлка я.

(Фото № 29 — Старшая школа № 11)

— А вот в другую сторону она шла до пожарки. Дальше не знаю, тоже не помню. Хотя ходил, это точно. В том районе я часто лазил.

— Где было отделение местной милиции, не помню. Зато была история. — Улыбалась Тамара. — Мы с подругой Таней Сывенко в 16 лет шли мимо этого опорного пункта порядка часов в 8 вечера. Дверь настежь, окно без занавесок. В комнате свет, а на столе запечатанная бутылка водки. Мы зашли и стырили её. Только вышли — дружки в фуражках на подходе, и за нами. Мы дёру по сугробам, темно вокруг, по дороге водку потеряли в снегу, а хозяева фуражек — нас. Они пальнули два раза в воздух и ушли.

Хм! Если это то самое отделение милиции, о котором я уже рассказывал, то оно как раз и стоит вернее стояло, на Краснознамённой, только за улицей Строителей. Там между дорогой и трапом, почти в центре лужи, на самом углу ещё какой-то домик стоял, без окон, без дверей. Хотя!.. Возможно, окна и двери были, просто я не помню этого. Вот и получается, что

прежде чем дойти до дежурного магазина, надо было пройти деревянный дом слева, ряд сараев в глубине, киоск практически на углу самого магазина со стороны овощного отдела, и лишь после этого повернуть на стадион по Шахтинской. Там где-то в доме № 35 жил Валерий Кузёма, отец которого Кузёма Алексей Александрович когда-то давно сделал много фотографий посёлка прошлых лет.

Машины и дороги

В те времена за дорогами следили. Сейчас навезли тяжеленных грузовиков, и от прежней гладкости бетона осталось лишь смутное воспоминание.

А в кабине машины я сидел и не раз. Дядя Гриша, отец Игоря и Светы Вихровых, что жили от нас наискосок по коридору, часто приезжал к нам на своём самосвале. Оставлял его подле сараев и разрешал нам не только сидеть в кабине, но и руль крутить, если силёнок хватало!.. До педалей мы, конечно же, не доставали. И слава богу!!! Здорово было!!! Ощущения не передаваемые!..

Бывали случаи, когда дядя Гриша брал нас с собой на работу. Мы сидели в кабине, Игорь ближе к папе, а я у окошка. Мчим по тундре, вокруг холмы да мхи. Асфальтовая лента сама под колёса бежит. Редко-редко встречные машины проезжают. И вот карьер. Здесь что-то добывают. Очень похоже на песок, но утверждать не стану. Мы вылезаем из машины и ждём своей очереди. Вот дядя Гриша подогнал наш самосвал под ковш экскаватора, тот в свою очередь набрал песку в громадной яме, повернулся к кузову и высыпал туда всё, аж машина присела от такой тяжести, но тут же выровнялась, подпрыгнув слегка, как бы устыдившись своей невольной слабости. Ещё несколько ковшей и вот мы вновь в пути. Везём на стройку свой груз. И снова дорога бежит навстречу. Солнце низкое, яркое. Небо чистое, голубое-голубое, не бывает голубей!!!

Уж и не помню, где и когда мне довелось впервые увидеть машину на педалях. Как я мечтал иметь такую!!! Но, увы, в местных магазинах этого чуда видеть мне не доводилось. Может это и спасло моих родителей от постоянного нытья?.. Хотя?!

Однажды во двор был выброшен старый стол-тумбочка. Он сиротливо торчал посреди и, кажется, никому не мешал. Мне он тоже не мешал. Даже наоборот, потому как дверцы у него были на месте, а большего и не требовалось. Залезая внутрь и раскачивая его, я представлял себя сидящем в мчащейся машине.

Маминому брату, в это время гостившему у нас, что-то не понравилось в этой игре. Он выпилил кусок торцевой стенки, получилось окно, куда он вставил стекло. Внутри поставил деревянную скамеечку, прибил к полу, чтоб не ёрзала, вышло сиденье для водителя. Потом он вырезал из фанеры круг, разрисовал его и прибил спереди под стеклом внутри получившегося салона. Для полной убедительности от брёвнышек небольшого диаметра были отпилены четыре круга и намертво прибиты вместо колёс под днищем бывшего стола-тумбочки. Хоть

с внешней стороны трудно было принять это сооружение за машину, тем не менее, играть в ней стало куда интересней. Пацаны так и лезли, пытаясь отобрать у меня право владельца и водителя.

Как долго мы играли в эту игру, не скажу. Только однажды надоело мне, что машина торчит на одном и том же месте. Машина она на то и машина, чтобы ездить. Вытащили мы её с Павликом и рыжиком на дорогу возле дома, развернули передом ко двору и решили съехать по не очень большому, но довольно-таки крутому, подъёму. Дело в том, что дорога немного возвышалась над общим уровнем земли, образуя небольшой уклон. Мы не учли, что колёса нашей машины крутиться не могли, а потому съехать с горки не представлялось никакой возможности. И, тем не менее, после некоторых усилий и экспериментов, нам удалось-таки скатиться вниз. Машина была переполнена, то есть я, Павлик и Сашка рыжик. Поставив стол так, что передние колёса едва держались за край асфальтового полотна, мы, раскачивали машину изнутри до тех пор, пока она не съехала вниз. Сколько было восторгов и воплей радости!!!

И тут, подлая машина не удержала равновесия. От нашего ли подпрыгивания внутри, или сама по себе, может на камешек наткнулась, не знаю, но одним ловким движением завалилась на бок. Притом на тот, где были дверцы. Мы оказались в плену.

Сначала мы расхохотались, представляя, что угодили в аварию. Потом попытались выбраться и обнаружили, что дверцы-то под нами, а не сверху… Тогда мы принялись раскачивать машину в надежде, что она перевернётся ещё раз. Увы… Мы испугались и заорали, но от собственного крика в малом замкнутом пространстве чуть не оглохли. Стало не хватать воздуха. Мы разревелись, стуча, почём попало. Да только всё напрасно, взрослые нас не слышали. Никого во дворе не было, по трапу никто не шёл. Да и если б шёл, какая разница?! Во-первых, далеко всё же, во-вторых, подумал бы:

«Валяется на краю двора стол-тумбочка, ну и пусть себе валяется. Выкинули, видно, а до помойки не донесли. Хотя это странно было бы выбросить дерево на помойку. Скорее всего, приготовили разделать на доски и в печь!.. Но, вот руки пока что не дошли».

И прошёл бы наш прохожий, не придав никакого значения валяющемуся предмету кухонной мебели.

Как долго мы там сидели, уж и не помню. Только увидел нас дядя Гриша, подошёл и улыбается через переднее стекло, мол, как оно?! В аварии-то?! Однако, увидев наши зарёванные мордашки, одним рывком поставил машину на колёса и выпустил

неразумных, маленьких пленников наружу. Лучше бы он нас не выпускал… Когда все мы покинули нутро нашего автомобиля, он схватил тумбу, оттащил к сараям, достал топор и в один присест разрубил его на сотни меленьких досточек для растопки…

Больше таких увлекательных игрушек у меня не было никогда в жизни.

Сладкая память

— А ещё, когда мы жили напротив двадцать шестой школы, был во втором районе овощной магазин. Мы с другом, когда нам было по 5–6 лет, бегали туда к его мамке Оле, которая там продавщицей работала. Она была в эдаком накрахмаленном колпаке, улыбалась, вытирала нам сопли и доставала из бочки по парочке солёных огурчиков, да с хлебушком. И мы счастливые вприпрыжку бежали опять по сугробам к дому, мимо аптеки, гастронома, что напротив спортзала «Горняк»… Это и было ПОЛНОЕ СЧАСТЬЕ…

(Фото № 30 — 2-ой м-р, здесь смыкаются Северное и Западное кольцо)

— А мы любили оленинку сырую, замороженную, нарезать тонкими ломтиками, обмакнуть в уксус и на чёрный хлеб с маслом. Обалдеть какая вкуснятина.

— И вообще это детство, а детство это самое-присамое лучшее, что с тобой может быть, особенно наше мороженое за 20 копеек и крем-сода по 10 копеек.

— А наша кондитерская «Лакомка», что была рядом с нашей школой номер 5! Вкуснота, а не воспоминание!

— Как забыть старую лакомку на Ленина, там такой запах! У меня он и сейчас в носу при одном упоминании…

— А я помню кафе «Лакомка» на Воргашоре. Шла с музыкальной школы и всегда заходила. «Картошка», «Эклеры»… Теперь таких нет.

— Да, старая «Лакомка»!.. Это потом всякие «сластёны» появились, а тогда у меня самые любимые пирожные были трубочки со взбитым кремом, и фруктовые с ягодкой из компота в желе сверху. А «картошки», ребята! И кофе с молоком из гранёного стакана!!! Такой вкусный! А вкуснее коктейлей за 11 копеек, которые делали в любом гастрономе, я ничего и никогда больше не пила…

М-да!.. Опять коктейль… Нет, не помню я тех коктейлей. А когда, спустя несколько лет, попробовал, то очень не понравилось. Правда, дегустировал я, сей напиток, не в своём посёлке, а далеко-далеко, на юге, под жарким солнцем.

— Действительно: детство и Лакомка — вещи не разрывные. Ромовая баба! Такая мокренькая, пропитанная сиропчиком и стакан кофе с молоком. Предел мечтаний и сейчас… Аромат кофе и поныне щекочет ноздри.

— А вот ромовую бабу не помню, не покупала её, наверное. Зато кофе с молоком в Лакомке и пирожные бисквитные по 22

копеек — это да! С розочками!!

— Блин. Сижу, читаю и слеза пробила. Воркута это любовь навсегда! Я был там в декабре. Запах «Лакомки» ощущается на большом расстоянии, запах детства. Снежный городок возле Олимпии. Ночью, чтоб никто не видел мы с женой пошли кататься на горку, Это было незабываемо, экскурс в детство.

— А мне нравились многие тортики: «Наполеон», «Прага». Насколько я помню — дефицит. «Сказка» (рулетом) и «Трюфельный» украшенный квадратиками шоколада.

— О!!! Да!!! Торт «Ёжик»!!!

— А какие были эклеры. В Железногорске Курской области их называют «заварные», это конечно тоже правильно, но французское слово «эклер»… Да в те-то времена… А ещё продавали в магазинах кексы с изюмом, такими маленькими кирпичиками, больше я не видела такие кексы нигде. Я могу ошибаться, но, кажется, он назывался «Столичный».

— А магазин? «Уголёк» рядом, тоже славный магазин. Торт-сказка никогда рулетом не был, это бисквит такой формы, а в основном вы правы всё такое было вкусное, или это вкус детства.

— Вкуснее пирожных «картошка» нигде больше нет….

— А мне ещё очень нравились трубочки с кремом, правда, в середине чаще всего они были пусты.

— Желе, муссы разные, пирожные совсем крошечные продавались там.

— Запах дурманит ещё до двери, заходишь, полки со вкусностями, отражение этого изобилия в зеркалах и кажется такое громадное количество этого добра…

А «суворовские» печеньки кто-нибудь помнит? такие продолговатые склеенные две половинки с шоколадом сверху… А может кто-нибудь рецепт знает? у нас в «лакомке» на заполярном пекли… Вот до сих пор покоя мне не дают эти печеньки…

— Ой, я помню! А ещё масляные были с капелькой варенья в середине.

— Помню, мы с сестрёнкой остались одни на хозяйстве, питались исключительно суворовским печеньем, пирожными картошка, шоколадными тортами и запивали это дело лимонадом Буратино. Мням! Лакомка на Ленина была, там вечно очереди жуткие были, зато запахи какие, мама мия! Мой нос до сих пор помнит.

— Около тринадцатой школы, как я помню, в магазинчике продавали молочные продукты и хлеб, мы покупали очень вкусные сайки.

Лично мне как-то с сайками не повезло. Чаще всего я любил стоять у витрин, где располагались конфеты в ярких, красивых

обёртках. Причём, мне больше нравились натуралистические виды. К примеру, очень нравилась обёртка конфет «каракум», «мишка на севере», «а ну-ка, отними!», «мишка косолапый» и другие. Глядя на верблюда, идущего по жёлтому песку пустыни, я воображал себя едущим верхом в голове каравана, изнывающего от жажды.

(Фото № 31 — Ул. Комсомольская, слева аптека в 3-этажном доме, дальше магазин)

Кстати, рядом ещё был киоск с пирожками, прямо на углу. Дежурный магазин имел один вход, но два отделения: вправо — кондитерский отдел, где я вечно любовался «Каракумом», и влево — овощной, где я размышлял о бытии, разглядывая банки с абрикосами, персиками и прочими экзотическими, по тем временам, компотами. А в левом дальнем углу был транспортёр, по которому сыпалась картошка из недр магазина.

— «Каракум» я в детстве поела, так как часто болела и мне покупали. Больше любила ленинградские ириски «Ледокол». Разжуёшь — вот тебе жвачка. — Соглашалась Тамара.

Да, если стать спиной к магазину, то впереди оказалась бы детская горка, точно такая же, как подле школы, а за ней двухэтажное здание вечерней школы. И справа ментура. Так что вряд ли вы именно там пытались полакомиться «краденой ментовской водкой»!

— Кстати, водку мы стырили с подругой на «интерес», провокация уж была сильная. — Уточняла Тамара. — В 16 лет мы водку ещё не пили. Я попробовала её в 33.

— Мне очень нравилась обёртка: жёлтая пустыня и двугорбый верблюд. Я его, верблюда, позже увидел в Ленинградском зоопарке. А рядом был одногорбый. Я тогда решил, что он инвалид…

А в хлебном магазине, что напротив школы располагался, мы отоваривали талоны на завтрак. Там я покупал коржики круглые, с зубчиками по краям ценой 11 копеек за штуку (мне всё-таки кажется, что по 10 копеек, потому как один талон на завтрак стоил коржик и стакан чая). Какие они были вкусные!!! А ещё там были торты, огромные и красивые. На кремовом поле находился пенёк, подле которого росли несколько грибочков, а на пеньке сидел шоколадный мишка. И был он таким огромным!!! По краю буквы большие и белые: «Сказка!».

Спустя много лет, когда я однажды в магазине встретил, вернее, увидел, торт «Сказка», тут же купил. Но на вкус он оказался далеко не такой, как смотрелся. Да и рисунок на этом торте был совсем другой, не тот, как из моего детства.

— О хлебном магазине. Позже его внутри разделили. —

Делилась воспоминаниями Тамара. — Слева сделали очень приятное кафе для детей с живой белочкой, фонтанчиком, где плавал пластмассовый крокодил. Продавали пельмени порцией и сок манго, очень приторный и дорогой. Все пили томатный. Коржики помню и на вид и на вкус.

Коржики с тортами тогда продавали слева от входа. Там была большая, высокая витрина и два перевёрнутых конуса с соком. Позже появился третий. Интересно было наблюдать, как продавец подставляла стакан под носик конуса, поворачивала краник на пол оборота, после чего сок бежал тонкой струйкой. Даже пенка образовывалась.

— Мы жили на Первой Линейной, она пересекалась с улицей Суворова, а какая баня была на Суворова около магазина (ПРОДУКТЫ), а в этом магазине замороженные ананасы? В посёлке Шахтёрском второй микрорайон.

Ананасы не помню, а вот два громадных персика!!! Купленных в овощном магазине, что с торца школы находился, помню! Очень хорошо помню. Это первые в моей жизни персики были. Они были такие громадные! Такие сладкие и нежные! Кожура тоненькая, из-под неё видны все прожилки. А если аккуратно снять кожицу, то обнажается вся внутренняя структура фрукта. Кажется, будто видно, как сок пульсирует по микроскопическим жилкам. Какие они были сочные!!! Никогда в жизни таких не ел. Нет, вру. Ел. Однажды. Но лучше об этом времени не вспоминать.

— Ананасы помню, ровно 1 рубль пачка. А если от жадности сразу два слопать… То такое впечатление, что рот лезвиями порезали. А ещё у нас в «Норильске» замороженные картофельные клёцки продавались. Со школы приходила, мамин борщ в унитаз (хоть и вкусный), а клёцки во фритюр! Объеденье.

Как-то мать наварила макароны по-флотски, а я есть не хочу, хоть убей. Она вышла, а я возьми да сунь макароны в горшок младшей сестры. Она приходит через несколько минут, а у меня тарелка пустая. Сижу я, эдак, понурившись над чашкой с чаем, и пить его мне ну никак не хочется. Плавают в нём волосинки всякие, чаинки, в общем, мусор!.. Мать похвалила меня, что всё съел, и тут увидела горшок. Решила, что забыла его унести в туалет, хвать, а он тяжёлый. Тут-то и вскрылся мой обман.-

В овощном был дежурный магазин, он работал до 22 часов для шахтёров, идущих со смены.

Точно, именно так оно и было. Только на углу почти на самом перекрёстке была ещё и колонка, куда мы ходили по воду. Возле этой колонки и продавали арбузы. А вот как раз от дальнего торца магазина и видно было этот самый двухэтажный

бревенчатый дом. Кстати, возле магазина ещё был киоск с пирожками, прямо на углу.

— Осенью в овощном были астраханские арбузы. Нести их было тяжело, один весил 5–6 кг, я их волочила домой по земле в авоське.

— Никогда не забуду, как мы с мамой с бульвара Пищевиков на Тиман по шаткому мосту через овраг тащили пять арбузов, тогда мама сказала «Бросай их к такой-то матери», но донесли.

Ну, если это можно назвать осенью, то да, согласен…

Ещё мне очень нравилось смотреть на банки с компотами. Там плавали диковинные фрукты. Однажды мы залезли на задний двор магазина и, в одном из ящиков, обнаружили целую, не вскрытую банку компота. Долго не думая и не мучаясь совестью, потащили к себе во двор. Но, увы! Отведать лакомства нам не довелось. Откуда не возьмись, возникла какая-то мрачная тётка и стала нам объяснять, что компот испорченный, и что есть его нельзя. Нам очень хотелось попробовать экзотического кушанья, но, поскольку мы были мальчики благовоспитанные, то послушали взрослую тётю и отдали ей банку в обмен на обещание, что она нам принесёт другую, которую можно будет съесть. Женщина пообещала, забрала нашу находку и ушла. Наивные малыши!.. Никто и не собирался нам ничего возвращать. Мы долго, очень долго, несколько часов ждали, поглядывая на дверь дежурного магазина, где скрылась женщина, когда же нам принесут обещанное?! Больше мы никогда не видели, ни банки, ни тётки!!!

Пиво и закуски

— Ребята! Мороженое и пирожное это конечно вкусно! А кто помнит, какое в Воркуте было ПИВО, а какая мойва копчёная?

— Кто помнит пивзавод? У проходной окошко, откуда продавали пиво на разлив. Очереди были большими кто с чем: бидоны, банки трёх литровые. А я помню один раз приехали с ведром десятилитровым, оно в окно не влезло, наливали шлангом.

Да, и я помню нечто подобное. Был у нас домик не большой по дороге в школу. Кажется, один дом не доходя до хлебного. Домик такой невзрачный, маленький, деревянный. Всегда закрытый. Потому внутри там я никогда не был. А если и был, то память не удержала сего знаменательного события. Иногда у этого домика собиралась громадная толпа народу и практически все с вёдрами. Как я узнал гораздо позже — народ покупал пиво. Что для здоровых мужиков три литра?! Смешно!..

— Как продавали пиво в посёлке, я помню, — без энтузиазма вспоминала Тамара, — только у центрального Гастронома с цистерны. Занять 10 рублей неизвестно кому и забыть — было за правило. Когда магазин перешёл на самообслуживание водочный отдел перенесли в пристройку с правого боку, там продавали и папиросы «Беломор канал». Стояли одни мужики — такая давка! Скорость отпуска бутылок с водкой: деньги на стойку — обратно бутылки с водкой и «Зверобоем» и никакой сдачи. Я раз зашла посмотреть. Как — то завезли виски — его покупать никто не хотел — стоит 5 рублей и мало градусов.

Много лет спустя, одна моя знакомая рассказывала о событии, связанном с пивом. Только вот эта история произошла не на севере, а в Ростове-на-Дону. Но не рассказать не могу. Судите сами!..

Два друга, соседа, меняли в квартире у одного из них сантехнику в туалете. Для удобства надо было снять унитаз, что они и сделали. Закончив с трубами, переходниками, тройниками, муфтами и прочей сантехнической чепухой, они решили отметить удачное завершение работы. В общем, наотмечались. И, как всегда, в самый ответственный момент водка кончилась. Срочно был созван совет, где было решено: «Водки не брать. Лучше пиво». Решено. Сделано. Кинулись на поиски посуды для жидкого хлеба, ан, пусто! Ни единой баночки в доме не оказалось. И тут пришла великолепная мысль!!! Унитаз-то стоит без дела?! И даже не установленный!!! Затащили в ванну, отмыли, отбелили, (благо он был почти новый), подхватили, и в дверь, к пивному ларьку. А тут

людей!!! И все жаждут пивка холодненького. Заняли ребята очередь. Унитаз на землю поставили, крышкой прикрыли, и уселись ждать. Народ поначалу с любопытством поглядывал, а потом интересно стало. Взяли, да и пропустили без очереди чудаковатую пару. Два соседа чинно подняли свою тару и к окошечку пивному, мол, налейте сюды!.. Продавец охренела от подобного предложения, но самой вдруг интересно стало. Поинтересовалась лишь: «А сколько туда входит?». Ребята не растерялись, говорят, вот сейчас и проверим. Толпа у ларька тихо офигивала от представления. Кто-то из толпы подсказал, что дыра сзади, выливаться пиво будет. Мужики не стали мудрить. Просто натянули на отверстие несколько целлофановых мешков, завязали, насколько это было возможно, и попытались просунуть унитаз в окошко. Увы! Окошко оказалось малым. Тут включилась в процесс толпа жаждущих. Мгновенно нашли шланг, и живительная влага полилась в сосуд…

Расплатившись по прейскуранту, два соседа подняли унитаз с асфальта и отправились домой. А в некотором отдалении от них следовала толпа от ларька. Всем было крайне любопытно, как эти два чудика донесут домой пиво? Не разольют ли по дороге? Не разобьют ли? Но!.. Всё было куда проще. Отойдя несколько десятков метров, носильщики решили, что подустали, и пора бы слегка оздоровиться. Поставили унитаз на землю, открыли крышку, и!!! М-да!.. Кружек у них не было… Постовой милиционер, увидевший, как два идиота лакают из унитаза!!! освободил свой желудок так быстро, как, наверное, никогда в жизни этого не делал.

— Я помню ПИВО и мойву! Такую мойву холодного копчения нигде больше не пробовала! А ещё чебуреки возле магазина «Воркута».

— Пиво помню и рыбу малосольную, а ещё грибы в тундре. Как-то собирали грибы, и вышли на большую «поляну» (кустарниковая тундра сменилась лишайниковой), и по всей этой поляне шляпки, шляпки…

(Фото № 32 — Грибочки)

Да. Отец иногда, возвращаясь с охоты, приносил грибы. Вёдрами!.. Потом взрослые садились, и начинали чистить их. Из ведра оставалось, может, половина, не знаю. Чаще, конечно, отец ходил на охоту или по грибы с соседом дядей Серёжей. Приносили не одно ведро. Чистили, жарили, варили супы, всё делали вместе, и ели все вместе. Жили дружно, и никто не считался. И никаких национальностей. Я уже много лет спустя узнал, что тётя Рая была Мордвинка, дядя Серёжа откуда-то из Белоруссии, возможно, белорус…

Снежные игры

— Я тоже жила на первой линейной. Училась в двадцать шестой. Когда шли домой из школы, то тоже прыгали с гаражей.

А прыгали мы все. У нас на чьём-то сарае лежала длинная доска, выступающая за край крыши метра на полтора. Эдакая площадка для прыжков. Другой её конец намертво примёрз к самой крыше и был завален снегом, так что мы не опасались за то, что он может оторваться. Мы разбегались, насколько это было возможно, и, оттолкнувшись от края доски, летели в громадные сугробы. Лично мне больше нравилось подпрыгивать на конце импровизированного трамплина, чтоб он подбросил меня как можно выше, и нырнуть в снег. Но это в свободное от школы время. Я же умудрялся прокатиться (и не раз) в дни учения. На моём пути в школу располагались две горки. Как можно было пройти мимо?! Быть у родника и не напиться?! Разумеется, я проделывал это, идя в школу, и, понятное дело, возвращаясь домой. Причём, на обратном пути времени было больше!.. Пока родители не придут, или не появятся на горизонте. Беда в том, что время там летело очень быстро, и вертеть головой, в поисках опасности, времени не было. Потому чаще всего лично я пропускал момент появления матери у горки. Приходилось надеяться на свои быстрые ноги. Дурачок!.. Можно подумать, что мать придёт не в тот дом, куда сбежал я?..

— Седьмого июня в Воркуте лежал снег. И сразу вспомнила, как мы поехали 22 июня на реку Усу праздновать день рождения и по дороге наткнулись на несколько гор белого снега. Мы залазили на эти горы и съезжали с них с криками и визгом! А по реке Усе проплывали огромные жёлто-зеленоватые глыбы льда! Меня всегда поражало то, что в Воркуте смена времён года происходит молниеносно: ещё вчера снег, пурга, а утром идёшь на работу — кругом огромные проталины, и в них — зелёная трава!!!

— Я именно в этот день, седьмого июня, прилетел из армии в отпуск. Причём вылетал из Екатеринбурга, было +28 градусов, далее из Сыктывкара +22 градуса, а в Воркуту ночью прилетел -7 мороза, свежий снежок, а я по-летнему одет… Брррр! Как вспомню, так вздрогну!.. Как домой добирался, никогда не забуду.

Ага. Я тоже этому удивлялся. Вечером вроде на санках катался, с горки на портфеле летел, а утром!!! С горки лёд облезает, как старая, змеиная шкура, и обнажаются жёлтые, мокрые доски. По ним уже не скатишься.

Весной в посёлке любил пускать кораблики по ручейкам, и смотреть, как они плывут. Когда тонули, строил новые, учитывал балласт, аж самому интересно, как это я малый понимал такие сложные вещи? Ведь меня никто не учил?! Мною вообще никто не занимался. Батя всё время на работе, мама с сестрой… А я на улице сутками…

Ещё больше поражался несоответствию времён года!.. Приезжаем к бабушке, а тут лето. И самое непонятное, почему это дети в школу ходят? Снега-то ведь уже нет?! Мало того, все ходят в рубашках и шортах, как будто лето уже настало?..

И ещё одна странность меня поражала. Здесь, на юге, воздух был какой-то пыльный, не прозрачный. Далеко невидно. У нас же Уральские горы с сарая видны были!..

— Уральские горы!!! Которые видны были из моего окна на посёлке Советском. Северное сияние!!! Морошка!!! Пурга!!! Мороз!!! Олени!!! И наша ледяная горка за домом!!!

(Фото № 33 — Морошка)

— А в нашем доме вроде была почта на первом этаже. Рядом продовольственный магазин и ещё какие-то промтовары.

Благородство и пирожки

Наискосок от моего дома находился дежурный магазин. Почему дежурный? Потому что работал допоздна. Там было два отделения. В одном стояли стеклянные витрины с конфетами, а в другом был транспортёр, который подавал картошку из окошка. На углу магазина, если стоять к нему лицом, слева от входа ближе к обочине дороги, располагался ларёк, в котором продавали пирожки. Как-то мы подошли к окошечку, а там бабушка сидит. Ну, мы и спрашиваем, мол, чем торгуете? А она отвечает, что пирожками. Мы посетовали, что и рады бы купить у неё, да только наши деньги ей ни к чему. Она так удивилась, что немедля предложила приобрести у неё по пирожку за наши деньги. Павлик, мой сосед, важно так достаёт из кармана шорт кусок зелёного бутылочного стекла и кладёт в тарелочку, будто миллион. Продавщица рассмеялась, и говорит:

— И впрямь, такие деньги мне не нужны. Их вокруг столько валяется!..

Мы, конечно же, обиделись за наши деньги. Ведь эта пожилая тётя не поняла, как ценно это стекло. Ведь через него можно спокойно смотреть на сварку и солнце при этом не щуриться.

Правда, пирожков нам тоже хотелось, а потому мы рванули домой за деньгами. Мне денег не дали, Павлику же повезло больше. Ему всегда везло. Не знаю уж почему?..

Иногда, когда денег у нас не было, но очень хотелось чего-нибудь купить, скажем, мороженое, то мы шли на охоту. Что это такое? Бродили по трапам и заглядывали под деревянные настилы. Люди очень часто роняли копейки, которые попадали в щели между досок. Доставать их оттуда никто не собирался. Это и была наша добыча. Походишь эдак с полчаса, глядишь и на два эскимо насобираешь!..

— Эскимо по 11 копеек в серебристой бумажке, а пломбир на морозе откалывался такими кусочками как звёздочки, когда откусываешь.

— Помню мороженое эскимо по 11 копеек, и молочный коктейль, и пирожное картошку.

Нет, коктейлей не пил, а если и пил, то не помню. Пирожных тоже не помню. Почему? Не знаю. Но вернусь к своему повествованию.

Однажды потерял деньги Павлик. Нам дали на эскимо, и мы тут же побежали покупать, а когда стали расплачиваться, выяснилось, что Павлику не хватает. У меня добавить нечем было. Мать без сдачи дала. Пришлось нам, ни соло нахлебавши,

вернуться домой. По дороге мы очень тщательно осматривали доски, но денег не нашли. Видимо копейки упали в лужу и утонули в грязи.

Когда мы вернулись во двор, Павлик тут же принялся клянчить деньги, падать на пол, дрыгать ногами. И тут мама спросила меня, почему я не купил себе мороженое. Я очень удивился, и сказал, раз Павлику не досталось, то мне было бы очень неудобно дразнить его мороженным.

Часы и несправедливость

Тётя Рая от такого признания вручила Павлику целый рубль на новую порцию, и мы побежали покупать. Но эскимо кончилось, зато были игрушечные часы. У меня денег на часы не было, у Павлика же деньги были. Он тут же купил себе часы, и мы направились домой. Мне тоже очень хотелось иметь такие часы, и я знал, что у Павлика был целый рубль, и он мог купить и мне такую же игрушку. Однако он этого не сделал. Не купил он и своему младшему брату. А мама не дала мне денег, и я остался без мороженого и без игрушки.

Только вот история с часами на этом не закончилась. Было у неё продолжение, правда, немного позже, зимой.

Шли мы как-то со стороны шахты к себе во двор. Свернули в проулок между торцевой стороной дома и сараями. По дороге, как все мальчишки, поднимал я всякую ерунду и рассматривал. Вообще-то искал целую бутылочную пробку. Да только попадались резанные спиралью, а чаще всего вообще обрезанные под корешок. И вот поднял я одну такую пробку, посмотрел, обледенелая, резанная, жёлтого цвета, какая-то блёклая, ну, и зашвырнул в сугроб. Следом шёл Валерка, сосед из дома, кажется, № 14, не поленился, полез в снег и выкопал выброшенную мной вещичку.

— Смотри! — Говорит. — Что ты выкинул. Теперь это моё.

Я не понял, чего это он мне опять резаную пробку показывает. Говорю:

— Дай-ка сюда, посмотрю. Вроде она резанная?!

— Да ты посмотри! — Орёт он. — Какая это тебе пробка?!

Взял я у него нечто отдалённо похожее на бутылочную пробку, потёр крышечку сверху и ахнул! Это оказались часы «Ракета» со светящимся циферблатом и такими же светящимися стрелками, с календарём и с секундной стрелочкой в отдельном окошечке!!! Позже, выяснилось, что часы были золотые. А тогда я просто обалдел от такой находки, сунул её за пазуху и домой скорей, чтоб Валерка не передумал и не отобрал. Но споткнулся обо что-то, упал. Валерка возьми да выдерни эту штуку из-под меня. Гляжу, а это солдатский ремень! Кожаный! С самой настоящей бляхой, с выпуклой звездой в центре!!!

— Отдай! — Кричу. — Моё!

А Валерка махает ремнём, и лыбится.

— Не отдам! Моё. Тебе часов хватит. А хочешь, то давай меняться.

— Нет! — Кричу я, от обиды аж слёзы выступили. — Отдай!

Моё! Я же нашёл!

— Нет, — возражает Валерка, — я вернул тебе часы, хоть ты их и выкинул. А ремень мой, я первый взял его.

Тут вмешался мой сосед по коммуналке Павлик Смирнов. Он на год младше меня, но покрепче был. Правда, против Валерки выглядел хиляком, но был забиякой и задирой. Подраться любил, только не любил быть битым. И сейчас он не за меня заступился, а себе ремень отобрать хотел.

— Отдай, — говорит, — не то морду набью.

Разумеется, Валерка уступать не стал. Начали они драться, я же не решился, вдруг потеряю часы?! Тут Тётя Рая появилась, и давай Павлику уши крутить!.. Ну, а ушлый Валерка на ноги, и тикать. Только мы его и видели. Ремня же этого солдатского он никогда не выносил на улицу, чтоб не отобрали.

Цветы и цветники

— Мы сначала жили на бульваре Пищевиков, дом 2. У нас был самый красивый двор во всей Воркуте. Я не шучу!!! Асфальтовые дорожки, симметричные круглые клумбы, кусты. Всё лето цветы, всё очень ухоженное. Просто Версаль какой-то!!!

Мы жили в бараке. Но я об этом ничуть не жалею. Хотя понимаю родителей, которым хотелось жить в нормальных условиях. Однажды наша соседка Света, дочка тёти Тамары, предложила нам устроить цветочную клумбу. Пошли мы в тундру и выкопали там какой-то цветок. Огромная жёлтая чаша, очень похожа на солнышко, структура стебля очень смахивала на мухомор, но за давностью лет не берусь утверждать, что так оно и было. Называли мы такие цветы между собой «Солнышком». Кроме этого странного цветка выкопали ещё и несколько наших северных ромашек. Кстати, позже, где только не приходилось бывать, никогда не видел таких громадных ромашек, как у нас на севере. Принесли мы всё это добро вместе с кусками земли, устроили на выступе под окнами у тёти Тамары, и принялись поливать каждый день. Но, увы. Цветок засох, другие же цветы так и не появились. Больше мы никогда не пытались создавать цветников у дома.

— Вспомнилась весна!.. Как бегут ручьи вдоль нашей Яновского, вниз за «Лакомку»… Даже не ручьи, а целые реки! Как при малейшем потеплении, скажем +5, Мы шли из школы без шапок и куртки нараспашку…

— А ещё осенью букеты из карликовых берёзок и ивы собирали, и эти букеты всю зиму стояли.

Цветы помню другие. Почти в каждом жилом помещении были цветы. Разные. Где огромные китайские розы с громадными фиолетовыми полураспустившимися бутонами. Где огоньки, сплошь усеянные мелкими огоньками очень ярких цветочков. В нашей маленькой комнатушке держать цветы просто негде было. Хотя мама пыталась разводить их на узеньком подоконнике. А как-то летом послала нас с отцом за удобрением в город. Чего мы там делали, я не помню. Запомнилось лишь, как мы ходили по каким-то вонючим закоулкам, какая-то тётка с черпаком набирала из каких-то чанов бурую, вонючую жидкость и наливала её в целлофановый кулёк в отцовских руках. Как батя, выйдя оттуда, сильно ругался, вылил эту дрянь, и долго-долго отмывал кулёк под краном на какой-то улице.

НЛО и прочие чудеса

Помню вкус воздуха, когда подъезжаешь на поезде к вокзалу… Воркутинский железнодорожный вокзал!.. Площадь перед ним. И почему-то запомнился аэропорт.

(Фото № 34 — Железнодорожный вокзал — А. А. Кузёма)

— Я вспоминаю один случай, не знаю, было ли такое же в других посёлках, но у нас, во втором, случилось. Как-то среди дня завыла сирена и по радио передали, что все должны выйти из домов и немедленно уходить в тундру. Мы с родителями пошли от Лермонтова по Комарова, мимо магазина «Ткани» и дальше — в тундру. Потом все вернулись. Вроде испытания какие-то, но зачем тогда людям на улицу выходить? А ещё я видела летающую тарелку. Она зависла над городом, круглая, пустила вниз 2 луча. Потом странным образом 2 луча оторвались от неё, и ушли вниз, а тарелка растворилась!

— Летающую тарелку я тоже помню. Я тогда ещё маленький был, но помню. Мы тогда во дворе играли допоздна. Двор был очень многодетный. Из 8-ми квартирного дома, 17 детей! Очень красивое зрелище было.

— А ты-то что подумал, когда тарелку увидел — ведь ты был маленький, ты не знал, что это НЛО? Я-то подумала тогда, что это самолёт упал — так всем и рассказывала! А ведь если подумать — то самолёты в воркутинском небе мы видели не часто.

— Аэропорт работает, самолёты летают, но только Аннушки, а на счёт НЛО — я и сейчас твёрдо уверен, что это была летающая тарелка, я её вместе с родителями наблюдал, мы вечером шли из гостей домой…

— Помню. Я тогда жила на улице Лермонтова. Рядом с нашим домом проходили железнодорожные пути, и когда случилась эта тревога, мы с папой и моей сестрой пошли по этим путям, а мама тогда лежала в больнице. Предупреждали, чтобы все находились на достаточном расстоянии от телевизионной вышки. А с домов сказали выйти потому, что волна могла принести разрушение.

— А как же люди? Ведь где испытания — там радиация. А мы летом, в тундре, беззащитные… Я тоже что-то слышала о бомбе, но поверить трудно, что людей так просто — на улицу…

Да, я тоже это помню. Насчёт тарелки не знаю, не видел. Но самолёт, летящий низко-низко над землёй, что всё было видно: и кабину, и лётчика, только вертящихся винтов не было, да звёзды на крыльях отсутствовали. Это точно. Да и цветом этот аппарат

резко отличался от всех виденных мною до сих пор — серый он был какой-то.

Павлик Смирнов бросился к сараю, чтоб оттуда лучше видеть, и пока он карабкался, я взобрался на стол, что находился во дворе практически в центре, и давай прыгать, кричать, руками размахивать: «Самолёт, самолёт, ты возьми меня в полёт!». Лётчик наверняка нас видел, но даже не качнул крыльями. С тех пор я заболел самолётами. Мне хотелось летать. Но, увы!.. Судьба распорядилась иначе. А мечта осталась несбывшейся мечтой.

И в тундру нас несколько раз выгоняли. Весь посёлок. Только вот зачем? До сих пор не пойму. Никто правды не знал, а потому слухов было выше крыши. Кто говорил, что беглых зэков ищут!.. А зачем народ в тундру тогда надо было выгонять? Кто говорил, что учения идут и опасаются, чтоб ракета на посёлок не упала. Можно подумать, будто ей не всё равно где падать?! С таким же успехом она могла упасть где угодно, в том числе и в тундре. Кто-то предполагал испытания ядерной бомбы. Но какая разница в таком случае жителям, где быть?

Помню, мы с соседями уходили далеко в тундру и собирали ягоды, чтоб время зря не пропадало.

(Фото № 35 — Ягодник)

В одной из таких вынужденных прогулок дядя Серёжа Смирнов нашёл у подножия одного холма здоровенный и тяжеленный молоток. Честно говоря, холма я не помню. Зато помню точно, что там был столб. Его все называли высоковольтным, потому что к нему тянулся толстенный провод. А сам столб был не просто торчащей деревяшкой, а с четырьмя распорками по сторонам, которые его поддерживали, да ещё и обрезками рельс укреплённые. Вот у распорок этот молот и лежал. Дядя Серёжа взгромоздил его себе на плечо и потащил домой. Взрослые сказали, что это кувалда. Откуда она там могла взяться?! Ума не приложу?.. И на кой она понадобилась нашему соседу? Он ведь работал в забое?..

«Злачные места»

— А ещё мой любимый ДКШ, зеркальный зал. У нас репетиции по бальным танцам проводила Татьяна Александровна Мигунова!! Почти 10 лет ДКШ был родным домом… Такого Дворца нигде не встречала…

— Ага, Зеркальный зал, мы туда на бальные танцы ходили.

— Да, сам ДКШ! Действительно, Дворец! У моего брата там свадьба была — красотища! Ребята, я плачу…

— А кто помнит «комнату школьника» во втором? Комната размещалась в подвальном помещении малосемейки. Это слева по дороге от магазина Ткани по направлению к дому культуры. Я слышал, его больше нет. Но корпуса, то остались.

— Дому культуры уже давно пришёл конец, слышал, что новые владельцы ОАО «Воркутауголь» распродают свои активы, в том числе и дом культуры. В Воркуте строительства не ведётся никакого, оконные и дверные блоки не нужны, мебель — огромная конкуренция.

(Фото № 36 — П. Комсомольский, начало 60-х, Дом культуры — А. А. Кузёма)

Да, наш дом культуры я помню плохо. Но вот один такой вечер остался в моей памяти.

Нас принимали в октябрята, следовательно, сие происходило либо в конце октября, либо в ноябре сразу после каникул. Нас привели в раздевалку дома культуры для проведения ритуала приёма. В гардеробе мы разделись, я же слегка замешкался, не зная, куда девать шапку. Пальто моё забрали и я, как дурак, остался с ней в руках. Оставлять шапку на барьере мне не хотелось, вдруг бы пропала, батя непременно схватился б за ремень, пришлось запихивать её за пазуху. Вот в таком виде, в белой рубашке с погонами, на которых красовались золотые самолёты, правда, кривые и не очень-то похожие на настоящих, в тёмно-синих форменных брюках и с шапкой на пузе, я занял своё место в шеренге первоклашек. И тут мой схрон был обнаружен. Учительница приказала немедля отнести шапку в гардероб, но там никого не было, и мне ничего не оставалось делать, как просто положиться на судьбу и бросить её на ближайший стул в фойе.

Церемония посвящения нас в ряды советских школьников закончилась соревнованиями, в которых я принял посильное участие. И если от других соревнований мне удавалось увильнуть, то от этих открутиться никак нельзя было. Тем паче, что оно было до невозможности простым. Надо было сделать

самолётик из бумаги и на сцене, специально для этого разрисованной мелом и подписанными названиями городов. В самом верху располагалась Москва. После этого участники по команде запускали свои изделия. Чей самолёт улетит дальше всех, тот и победил. Лично меня никто не учил, как делать эти самолёты, а потому я соорудил нечто мощное, эдакую летающую крепость из бумаги, разрисованную кривыми толи красными, толи зелёными звёздами!.. При первом же запуске мой шедевр рухнул как подкошенный мне под ноги, не долетев даже до первой полосы. Последовавшие за этим ещё две попытки были с тем же результатом.

Тут надо сделать небольшое отступление и кое-что пояснить.

Так получалось, что у меня всегда было всё наоборот. Не так, как у всех. К примеру, все мои одноклассники на уроки рисования и труда приходили с пачками красивой цветной бумаги, у меня же такой не было. Почему-то родители не смогли купить её. Толи дефицит это был, толи очень дорого. Не знаю. Проблему эту отец решил по-своему. Он купил краски, кисточку и принялся раскрашивать альбомные листы. Что из этого получилось?! Думаю, никому не интересно. Мазки кисти ярко выделялись на неоднотонном поле листа. Причём, отцу лень было красить лист с двух сторон, не говоря уже о тщательности раскраски, поэтому с другой стороны он был девственно бел!.. А цвет мне приходилось угадывать по отдельным, ярко выраженным пятнам краски. Самолётики, вырезанные из конфетной фольги, выглядели не лучше, потому что отцу некогда было искать трафарет, чтобы вырезать красиво. Вот поэтому на всех соревнованиях я старался не высовываться. Очень уж не хотелось демонстрировать свою несостоятельность. Точнее, родительскую. Так и с подушечкой для звёздочки получилось. У всех были пышные, красивые ярко-красные банты, и лишь мне прикололи нечто неудобопонятное, похожее одновременно и на красную тряпицу, с аккуратно обмётанными краями, и на морщинистый, в складках, плохо отглаженный поросячий пятачок. Ну, и в довершение всему в конце утренника мне вручили книжку, на обложке которой красовался мальчишка, летящий верхом на двойке. С тех пор я возненавидел книжки. Добило меня отсутствие моей шапки на стуле!.. Правда, её потом нашли, но это было потом!..

(Фото № 37 — П. Комсомольский, улица Комсомольская № 35, слева виден детский сад)

Детская комната

— Я помню «комнату школьника». Там репетировали ребята из ВИА из школы № 13.

Да, я тоже побывал в одной комнате подобного типа. Правда, всего один раз!..

— Акция «вечерний детский сад» проходила в помещении детской комнаты в одноэтажном доме за моим сараем, где с одной стороны был ЖЭК, там же была изостудия (я её посещала), посередине — сберкасса, а справа — та детская комната. Её посещали дети тех родителей, которые боялись оставить их одних дома. Туда ходили и мои подруги Оля и Таня Сывенко. Я, как — то, за ними пришла и покаталась на карусели. Было странно видеть карусель в помещении. — Рассказывала Тамара. — Зимний день длился с 10 до 14, в 15 часов было уже темно (вновь приезжие считали, что наступила ночь). Зато белые ночи летом не давали спать. Солнце заходило всего на час. Хорошо бы было, если в твоём произведении был указан год, когда это произошло. Читала и видела наш Воркутинский посёлок. Его уже почти нет.

На каникулах времени было много, и чтобы мы праздно не шатались по улицам, нас отдавали, вернее, отправляли в «Вечерний детский сад». Настоящего названия этой акции и того учреждения моя память не сохранила. На самом деле это и был самый, что ни на есть, настоящий детский сад. В раздевалке стояли шкафчики с утятами, собачками, лошадками и прочей живностью на дверцах. Большая столовая, утыканная маленькими столиками и рассредоточенными вокруг них такими же маленькими стульчиками. Игровая комната. Вот тут было что посмотреть. Игрушки мне, правда, никогда не доставались. Не любил я драться из-за них, а по-другому добыть их было нельзя. Вот и ходил я из угла в угол в поисках приключений. Однажды мне повезло, и я на минуту завладел самым настоящим тепловозом с прожектором над кабиной машиниста, с несколькими вагонами, со стрелкой и даже стрелочником с фонарём в руке и выдвигающимся из будочки при приближении поезда. Только вот насладиться этим не довелось. Тут же появился один очень умный мальчик и предложил мне дать ему вагончик покатать. Я жадностью не страдал и позволил. А через мгновение оказался в стороне от событий, разыгравшихся на железной дороге.

Ещё там была карусель. Только вот моторчика у неё не было, а потому следовало раскручивать вручную. Однако это было не интересно. Кому-то же приходилось бегать вокруг, толкая саму

карусель и катая находящихся на ней. Я придумал раскручивать её иначе. Стоя на самом круге можно было ногой отталкиваться от внешнего бортика, держась за боковую стойку, по принципу самоката. Тот, кто катался на подобном транспортном средстве, меня поймёт. Именно у самокатчиков я и подглядел этот приём. Таким образом, не надо было бегать вокруг, катая других, а принимать деятельное участие в общем веселье. Тем более, собравшись несколько человек можно было раскрутить довольно быстро. Что я и предложил. Через миг все игрушки были брошены, и народ бросился кататься. Карусель раскрутилась очень быстро. Тогда я просто уселся на освободившегося поблизости коня. Но вот хозяин его, отошедший на несколько минут к стойке, чтобы помочь в ускорении верчения, вернулся, и ему почему-то очень не понравилось, что его лошадь оказалась занятой. Мы не дрались, только поговорили немножко. И я решил, что тут так же пора завязывать, пока паровоз стоит на путях одиноко. Тем более что все стойки заняты, желающих раскручивать карусель хоть отбавляй. Решено, сделано. Миг и я лечу с крутящейся карусели. Ещё мгновение и заветная игрушка у меня в руках. Но тут произошло непредвиденное. Тот, кто играл железной дорогой до меня, так же прыгнул следом, чтобы не допустить к своим владениям какого-то самозванца. Ему не повезло. Он подвернул ногу и, поняв, что не успеет, завопил, как триста бегемотов. Не знаю, могут ли бегемоты орать.

Меня отругали и, как положено, наказали, отправив в совершенно пустую комнату.

Здесь так же было интересно. На столике стоял хоккей. Вместо шайбы на поле покоилась чёрная шашка. Маленькие игроки так и приглашали к себе. Но одному играть в такую игру никак нельзя. Я тихонько выглянул в игровую комнату и поманил пальцем своего соседа по квартире и товарища в уличных шалостях по совместительству. Увидев, какое сокровище тут сокрыто, Павлик обалдел и, прежде чем я успел его остановить, с воплем вылетел в игровую. Поиграть, как вы уже догадались, мне не пришлось. Тогда я отправился изучать прочие помещения этого странного детского сада.

В одной из комнат предо мной открылась картина облачения деда мороза. Здоровенная тётка, работница общепита, натирала свёклой щёки, а две других, привязав к её животу громадную подушку, напяливали сверху шубу. От удивления я стоял разинув рот. Меня заметили не сразу, но зато очень быстро прогнали. Мне ничего не оставалось делать, как вернуться в игровую. Все игрушки, все места на карусели, в общем, всё было занято. Делать было совершенно нечего. Я откровенно скучал. И тут заметил в

углу аквариум. О! Как это было здорово. В зеленоватой глубине, слегка подсвеченной сверху лампочкой, лавируя среди водорослей, плавали самые настоящие рыбки. Они подплывали к границе, отделяющей наш мир от их мирка, и смешно, разевая свои беззубые ротики, тыкались в стекло. Потом ныряли вглубь и исчезали в гротах на дне аквариума. Из отдалённой подводной пещеры величественно выплыла рыбка вся в шевелящихся плавниках. Она чинно подплыла к стеклу и укоризненно на меня посмотрела. Потом повернулась и принялась плавать туда-сюда, вдоль стекла, как бы предлагая рассмотреть себя со всех сторон. В созерцании подводного царства я был не одинок. Вскоре слева от аквариума появилась маленькая девчушка. Она всё время задирала голову, так как была совсем маленького росточку. Справа оказался мальчишка с точностью до наоборот, длинный и худой. Он то и дело заглядывал в воду сверху. Мы так были поглощены созерцанием золотых рыбок, что даже не разговаривали. Это зрелище меня так увлекло, что я напрочь забыл про все игрушки в мире. И поэтому не сразу понял, что все куда-то исчезли. Только когда воспитательница взяла меня за руку и потащила прочь от подводного мира, я очнулся и хотел, было, возмутиться, но было уже поздно. Меня поставили в круг, как и всех. Стало совсем скучно. Все орали, как ненормальные, а я глазел на ёлку и мечтал поскорее вернуться к рыбкам. И тут в комнату вошёл дед мороз. Он начал кривляться, пританцовывать, топтаться, делая вид, будто пляшет, хлопать в ладоши, издавая при этом своими рукавицами звук выбивания ковра. И тогда я сказал, подвернувшемуся как раз под руку, Павлику, что это не дед мороз, а наша повариха. Он на меня жутко обиделся. Обозвал вруном и призвал в свидетели соседа Сашку рыжика (нашего соседа из дома № 12, кажется). Такого оскорбления вынести я не мог, а, потому, схватив их обоих за руки, потащил к деду морозу под ёлку. Выбрав мгновение, когда тот остановился, я сильно дёрнул его за шубу. Он недоумённо обернулся. И тогда я громко, чтобы слышали эти не верящие, спросил:

Тётя, зачем вы нас обманываете? Ведь это вы украли шубу настоящего деда мороза и в столовой переоделись. А настоящий сгорел. Я сам это видел…

Через несколько минут я бежал по ночному посёлку домой в совершенном одиночестве. И лишь круглая, щербатая луна, моя постоянная спутница и проводница со школы, смотрела на меня с чернильно-чёрного неба, улыбаясь своим голубым, щербатым ртом.

А вот и то место, где когда-то был этот детский рай!..

(Фото № 38 — Муз. Школа 1968)

Волчонок

Бег под луной. Нет, я не бежал. Я просто шёл. Медленно, не спеша. Постоянно глядя ночному светилу в лицо. В его круглую, улыбающуюся мордашку. Нелепая, тёмная точка на белом снегу. Я-то разбегался и летел над сугробами, догоняя её, хитрую луну. А она убегала от меня. А когда я останавливался, и она замирала в чёрном небе, я отходил в сторону, и она шла рядом. Я смеялся во весь голос, она, молча, улыбалась. Нелепая парочка — одинокий волчонок среди спящего посёлка и серебряное блюдце меж редких и столь далёких звёзд. Два странника, разделённых расстоянием и бытием. Я шёл домой, изгнанный теми, среди которых призван был жить. Только где мой дом не знал ни я, ни вечная моя спутница и подруга луна. Там, куда я брёл, набирая полные валенки снега, не ждали меня. Я давно был чужой, никому ненужный зверёк, с большими карими глазами, в которых отражалась та самая луна, что в данную минуту висела над землёй. Я шёл в стороне от фонарей, освещающих расчищенные тротуары. Там, от их света силена блекла и теряла всю свою загадочность, свою особенность, свою таинственность, свою привлекательность. А здесь вот она! Целиком, от серебристо-белого до тёмно-синего цвета. Вся в голубых оспинах, изрезанная прожилками своих рек и морей. С белыми проплешинами горных хребтов. К тому же, там, под столбами, не увидеть, раскинувшийся над головой, ковш большой медведицы. На неё, медведицу, я смотрел редко. Слишком далёкая, слишком недоступная, слишком недосягаемая, слишком грустная от своего одиночества. Её света не хватало, чтобы осветить мне путь. Луна же была здесь, и готова в любое мгновение затмить собой все остальные светила вселенной. От её волшебного света белый снег казался синим. И чем дальше, тем синее.

Летом плохо. Летом нет луны. А там, куда ездят мои родители в отпуск, луна совсем другая и далёкая. Мне там плохо. Почему? Никто не знает. Если бы знать?.. Наверняка, знала бабка повитуха, старая, прожжённая ведьма. Только вот никогда уже не скажет, даже если и захочет. Померла она на третьи сутки после того, как приняла роды у моей матери. Передо мной повитуха принимала девочку. Но видать бабка перестаралась, пытаясь передать малышке все свои знания, всю свою силу. Новорождённая не выдержала и покинула, этот не совсем приветливый мир, не прожив и двух дней. Волчонок был её последний шанс. Но видно и он не был жильцом на этом свете.

С первых секунд своего существования, младенец повёл себя

не самым лучшим образом. Всё, что всасывалось в его маленький желудочек, немедленно возвращалось, не задерживаясь внутри ни на секунду. Голос от беспрерывного крика давно сел. Полное тельце, бывшее таковым при рождении, усохло, посинело до невозможности. С каждым днём он всё хирел и хирел. На подводах, за полсотни километров, повезли роженицу с новорождённым в районный центр. Однако врачи были бессильны. Сплошные уколы в тощую, синюю ножку. Больше уже колоть было некуда. Мать вернули в деревню. Местный поп, немного покряхтев, решился крестить младенца. В тот день 16 октября стоял сильный мороз. Удивительно, в это время и мороз?! Невероятно, но факт. Так оно и было. Дьяк с будущим крёстным отцом, натаскали воды в купель из колодца, наполняя вёдра из мятой жестяной бадьи, которая, выбираясь из недр журавля, раскачивалась, билась о стены, расплёскивая воду. Наружу доставлялась лишь половина от первоначально набранной. Младенец в пелёнках, беззвучно раскрывал беззубый рот. Батюшка перекрестился с молитвой «авось, не помрёт в руках», взял да и бухнул в ледяную лохань мальчишку. После столь холодной ванны, малыш перестал кричать. Только смотрел удивлённо на уходящий ввысь купол церкви.

Он не умер от переохлаждения, но и не стал поправляться. И тогда молодая мать, добравшись сначала на телегах, затем на старом разбитом автобусе до ближайшего города, взяла билет на поезд и отправилась в дальнее путешествие к мужу, чтобы привезти и показать ему его же сына, если доживёт. Двое суток на скором паровозе до столицы, а оттуда ещё четверо на таком же скором, исходящем дымом, чуде техники двадцатого столетия, до оленей тропы. Здесь ещё два часа на машине и вот они уже дома. Поперёк панцирной кровати, застеленной обыкновенным стиранным, перестиранным покрывалом, лежит еле дышащий младенец, а над ним склонились мать и хмурый отец. Последний долго смотрел, а потом повернулся и вышел. Вся коммуна гудела целую ночь и следующий день. Обмывали толи рождение, толи похороны. А он, зверёныш, лежал совершенно безучастный ко всему происходящему вокруг, пока в окно не заглянула луна. И тут произошло невероятное. Малыш открыл глазёнки и заулыбался. Потом потребовал к себе мать. Та сидела на табуретке рядом с кроватью и тихо плакала. Толи из-за слёз, толи ещё по какой другой причине, но не заметила она сразу перемены, а по привычке сунула малышу грудь, налитую молоком. Тот высмоктал всё и потребовал ещё. Получил вторую. После этого младенец загукал, зашевелился, заулыбался. И лишь когда луна покинула проём окна, устало уснул. С тех пор он

сменил день на ночь и пошёл на поправку. Но однажды в окне луны не оказалось. Малыш забеспокоился, перестал кушать, стал терять в весе. Исчезла улыбка, пропал голосок, хоть он и не кричал. Ожившая было мать, вновь впала в отчаянье. Только это было совершенно напрасно. Вскоре луна вновь заглянула в окно своим молодым, рогатым серпиком. И всё пошло по-старому.

Через два года родители решили посетить родину, как свою, так и малыша. Да вот беда, отпуск получился весь в больницах. Стоило переступить порог родительского дома, как начались неприятности. Каким-то чудом, выживший на далёком севере и родившийся на юге, ребёнок покрылся какими-то странными красными прыщами, кровавыми точками и прочими прелестями человеческих заболеваний. Возвращение принесло ожидаемое облегчение. Всё исчезло по мановению ока, само собой без всяких там медицинских препаратов. И луна вновь заглядывала в окно, улыбаясь странному волчонку.

Костёр из Деда Мороза

Дед Мороз на самом деле горел. Правда, сгорел ли он до конца, не знаю, сомневаюсь, но горел он знатно. Дело было в спортивном зале старшей школы во время детского утренника.

(Фото № 39 — П. Комсомольский, квартал Заполярный 2)

Новый год! Как это прекрасно! Самый, и единственный, мой любимый праздник. Почему? Не знаю. Может оттого, что в этот день все суетятся. Куда-то спешат. Чего-то несут. В магазинах все без исключения продавщицы улыбаются. И не просто «официально», а от души. Из всех окон выглядывают ёлочные лапы, украшенные самыми разнообразными игрушками. Целая выставка ёлочных игрушек. Нигде и никогда подобного больше не увидеть.

А бывали ль вы на севере в этот день?! Нет, не просто на севере России, а на самом настоящем севере, за полярным кругом?! Вряд ли. А мне вот как-то довелось.

Смотреть на город из окна такси было не то, чтобы любопытно, потрясающе здорово. Всё за стеклом казалось нарисованным, как на календарной картинке. Машина, выбравшись из шеренги себе подобных, ожидающих своих клиентов, вырывается с привокзальной площади на городские просторы, делает поворот и пред вами возникает огромная ель, увешенная цветными гирляндами, сияющими огоньками ламп. Сверкают различные шарики, фонарики и прочие игрушки. А чуть в стороне стоит громадная, белая ракета с надписью углём или тёмной краской на боку «Восток». Рядом устроился двухэтажный дед мороз и одноэтажная снегурочка. Не просто из снега, а разукрашенные, как положено, цветными красками. Следующий поворот и над дорогой загораются множеством рядов провода над трассой — это цветные фонарики украшают перекрёстки.

(Фото № 40 — С горы на лыжах)

Ещё поворот и громадный каток, подсвеченный десятками прожекторов, усеянный множеством самых разных одежд и размеров. Кого тут только нет! От самых маленьких до самых больших. И никто никому не мешает. Рядом высится в три этажа деревянная, залитая льдом, горка для самых, самых маленьких. Нет, здесь и взрослых хватает. Кто на санках, кто на портфелях, а кто и просто на ногах, обутых в самые разные обувки от валенок до пим. И как же не быть здесь деду со своей внучкой. Ну, конечно же, вон они стоят, такие же многоэтажные, как и встреченные чуть ранее. И ёлочка тут же. Правда, кажись чуток поболее предыдущей, и украшений на ней побольше будет. За

снежными фигурами деда мороза и снегурочки, как будто прячась, расположились снеговик, гриб мухомор (интересно, как здоровенная шляпка на нём держится?), ещё какой-то сказочный герой, даже и не разберёшь на ходу. Другие остаются тайной для несущихся в такси пассажиров.

Всё это пролетает в одно мгновение и новая картинка. Улица, залитая ярким цветным светом. Сплошные магазины. В окнах то и дело мелькают разноцветные огни, всевозможные украшения на стёклах, порой прямо на стенах. В дверях то и дело возникают людские водовороты. По ночным улицам во все стороны, не соблюдая никаких правил дорожного движения, несутся мальчишки и девчонки, взрослые стараются идти степенно, да только не очень-то у них сие получается. В руках тяжеленные сумки. Уже и слегка весёлые встречаются. Они церемонно раскланиваются со всеми встречными. Жаль, что нельзя услышать, о чём они говорят. И откуда в таком маленьком городишке столько народу?!

(Фото № 41 — П. Комсомольский, квартал Заполярный 3)

И вновь поворот. Теперь машина вылетает в тундру. Дорога идёт среди бескрайних снегов, укрытая тёмным покрывалом ночи, сквозь которое проглядывают маленькие, очень редкие звёздочки. В городе из-за обилия света их и видно-то не было. А здесь гляди-ка, светят! Где-то очень далеко, у самого горизонта, на краю чёрного ночного покрывала и снега, синеет линия слияния земли и неба. Тишина. Один снег и звёзды! И ничего больше. Даже двигатель почти не слышен. И вдруг такси ныряет куда-то вниз. Впереди глубокий обрыв. Но он весь в снегу и понять невозможно, насколько глубока разверзнувшаяся бездна. Машина вылетает на мост. Внизу замёрзшая река. Сейчас она молчит, спрятавшись под толстым и тяжёлым панцирем льда. Вот и противоположная сторона. Испугаться не успеешь, а волжана уже летит вверх по серпантину дороги к звёздам, настолько крутой подъём. Не удивительно. Это же предгорье северного Урала. Карское море чуть больше шестидесяти километров отсюда.

За стеклом мелькнул посёлок и вновь тундра. Где-то очень далеко справа маячит вышка геологической экспедиции. С другой стороны тоже, кажется, вышка, однако, рассмотреть её не успеваю. Вроде вагончики тех же геологов выглядывают из сугробов, занесённые по самые крыши. Дымков из труб не видно. Тёмное на тёмном трудно углядеть. И опять сплошной снег. Как прекрасно здесь летом! Но сейчас зима и все холмы спрятались под белым, пушистым одеялом. А как здорово прыгать и кататься по склонам, покрытым глубоким, мягким мхом. Ведь там ещё и ягоды спрятались. Разные, голубенькие, красненькие, жёлтенькие.

Воспоминания прерываются встречной машиной. Она слегка гасит фары, как делает и наш водитель, а потом мигает малыми габаритными огнями. На мой немой вопрос шофёр отвечает:

— Желает поскорее добраться домой, и выпить рюмку с семьёй.

Как много было сказано в простом мигании двух маленьких лампочек. И снова сноп света загорается впереди по нашему пути. Здесь дорога прямая, ни единого поворота. Машина идёт ровно, спокойно, удерживаемая надёжной рукой. Снова встречная. На этот раз рейсовый автобус. Он так же глушит большой свет и мигает габаритами.

— Эх! Не хватает на вашу голову гаишников. — Говорю я.

Водитель только смеётся. А через мгновение смеюсь и я. Навстречу, следом за автобусом выныривает милицейский бобик. Он, как и первые два водителя, гасит большой свет и приветственно мигает габаритами. Это же надо?! Впереди что-то темнеет. И вскоре мы догоняем вездеход. Он еле ползёт на своих гусеницах. Мы, весело сигналя, обгоняем его и уносимся в ночь, в снежную пустыню тундры. Справа, далеко, далеко вверху, вспыхивает маленькая звёздочка. По мере нашего приближения она всё растёт и растёт. Наконец в чёрном ночном небе прорисовывается контур террикона с прожектором. Именно его я принял за сверхновую звезду.

(Фото № 42 — На Северном кольце)

А вскоре начались постройки посёлка. Ещё миг и машина, промчавшись мимо автобусной остановки, вылетает на перекрёсток и, не снижая скорости, делает левый поворот. И тут же резко тормозит. Впереди летит разудалая, всамделешняя русская тройка с бубенцами. В санях, как пчёлки в ячейках сот, сидят детишки. Они визжат от удовольствия и размахивают ручонками. Возница помогает им, лихо подсвистывая, время от времени размахивая громадным кнутом, которым, впрочем, ни разу не ударил ни одного из запряжённых коняг. И здесь у каждой развилки стоят украшенные ёлки и неизменные стражи: деды морозы со снегурочками. На следующем перекрёстке тройка сворачивает вправо и мы, поддаём, было, газу, но лишь для того, чтобы тут же сбросить его, так как навстречу нам из-за дальнего поворота вылетает упряжка оленей. Сзади к нартам паровозиком привязана целая вереница детских санок. Вдоль импровизированного поезда с обеих сторон идут несколько аборигенов (толи ненцев, толи комяков), оленеводов. Один управляет упряжкой стоя в нартах. Девять оленей, красавцы с ветвистыми рогами, разукрашенными по случаю праздника серебристой фольгой и какими-то висюльками (вероятно

национальными украшениями). Идут не спеша, чинно, как будто знают, какой ценный груз едет сзади. Водитель свернул к обочине и остановил машину. Мне удалось пересчитать количество «вагонов». Их оказалось более пятидесяти штук. Но и нарты не были пусты. Когда процессия весёлой гурьбой промчалась мимо, мы покатили дальше.

(Фото № 43 — П. Комсомольский, начало 60-х годов общий план на улицу Комсомольскую, ребёнок на санках — А. А. Кузёма)

Левый поворот и такси замирает у здания средней школы № 11. Вот она цель моего путешествия. Почему это начальное учебное заведение среднее? Не знаю. Может, там по среднему учили? А может оттого, что слева через дорогу находился овощной магазин. А справа от школы, но с двух сторон перекрёстка, расположились две ёлки с двумя дедами морозами и снегурочками. Провода над дорогой, меж лесных красавиц, сияли разноцветными огнями гирлянд. Оба катка и горки были перенасыщены молодёжью. А окна здания горели жёлтыми огнями ламп накала. Точно так, как когда-то в далёком и уже недоступном детстве.

Воспоминания нахлынули сами собой. Именно здесь впервые в своей жизни я увидел деда мороза, настоящего, живого. Поверил в сказку, чтобы через полчаса потерять эту веру на всю оставшуюся жизнь.

Громаднейший спортивный зал был переполнен. Посреди стояла зелёная, очень зелёная ёлка. Верхушка её упиралась в высокий потолок. Белый снег, множество игрушек и цветные лампы украшали эту гостью из тайги. Детвора толпилась хороводом в пять кругов. Родители оставались где-то в коридорах, так как места не хватало. Красивая снегурочка крутилась среди детишек, подбивая их кричать и звать зазевавшегося деда мороза. Ой, как громко мы кричали, а ей всё казалось, что слабо. И вот он, дед мороз. Большой и синий. Только вот холодом от него ну никак не веяло. Следом за ним появился мужичок в шапке ушанке с опущенными клапанами, с малюсенькой гармошкой в руках, а следом бежал подпрыгивающий на бегу и пляшущий медвежонок. Веселье набирало силу. Ну что за праздник без свечей?! И мы, подзуживаемые зимней парочкой, требуем: «Ёлочка зажгись!» Она долго капризничает, не желает уступать нашим воплям, но не выдерживает и вдруг вспыхивает! Все и всё на миг замирает, а в следующую секунду толпа отшатывается и бросается со всех ног к выходу. Я стою и смотрю на происходящее. Одна за другой лопаются несколько ламп. От них загорается ком снега,

лежавший на верхних ветвях ёлки. Постепенно от него воспламеняется другой ком. Потом первый падает на более низкую ветку. Ёлка воспламеняется самым натуральным огнём. Дед мороз стоит ко мне спиной. Он не видит, что я ещё не ушёл. В этот момент, рвущаяся к громадным двустворчатым дубовым дверям толпа, чуть не сбивает меня с ног. С трудом удерживаюсь и чувствую под ногами что-то не то. Наклоняюсь на свой страх и риск. Буквально вырываю из-под чьей-то ноги прекрасно выполненную корону снежной королевы. Странно, только вот несколько минут назад я не видел ни одной снежной королевы тем более с такой шикарной короной. Котов в сапогах, зайцев, медведей, полу мушкетёров, клоунов, новых годов, снежинок, даже одного казака, в вышитой сорочке, в широченных шароварах, у которого одна штанина ярко-красная, а другая синяя (это я сам был им), но, ни одной снежной королевы. Корона, вырезанная из толстого цветного картона, была обклеена серебряными снежинками, цветными стекляшками (призванными изображать алмазы, и надо сказать очень удачно), ещё какими-то иероглифами и так далее, и тому подобное. Я засмотрелся на игру света от цветных стекляшек, и только окрик: «быстро вон!» заставил меня вздрогнуть. Я обернулся. Дед мороз, подняв свой посох, ударил по горящей ветке. Куча искр взмыла вверх. Вниз полетели горящие комья ваты. Дедова волшебная трость вспыхнула подобно спичке. В «Морозке» она не горела, наоборот. С самой верхушки упал ком огня на воротник шубы деда мороза и он, как и его посох, вспыхнул мгновенно. Я ожидал увидеть что угодно, только не это. Не мог дед мороз гореть, ведь он из снега! Но он горел. Меня, особо не церемонясь, вышвырнули из зала, захлопнув дверь.

В коридоре стояли все те, кто пять минут назад плясал у горящей в эту минуту ёлки. Рядом пожар, а они стоят и не уходят. Странно всё это выглядело. Но понять подобное поведение людей мне довелось лишь очень много лет спустя.

Продираясь сквозь толпу, я бесцельно брёл. Зачем? Не знаю. Наверное, хотел найти эту самую снежную королеву, так как корона продолжала находиться в моих руках. Один раз я даже остановился и примерил головное украшение к себе, однако кривые усмешки, оказавшихся по близости пацанов, заставили меня быстренько исправиться. Почти у самого вестибюля под сине-зелёной, крашеной стеной стояла девочка и рыдала. Вокруг расположились, топчась, переходя с места на место испуганные, взбудораженные, но не плачущие люди и дети, а эта девчушка плакала. Мама, вероятнее всего это была именно мама, утешала её. Мне стало жаль обиженного кем-то человечка, и я протянул ей

корону. Какого было моё изумление, когда девчонка тут же перестала плакать. Её огромные глаза недоумённо взглянули на меня. Потом она осторожно протянула руку, как бы не веря в то, что это могло произойти, и взяла свою потерянную вещицу. Помню, я лишь попросил надеть её. Уж очень мне хотелось увидеть настоящую снежную королеву. Девчонка, сначала очень робко, а потом смелее, покрутила бесценную находку в руках и надела, в один миг преобразившись из плаксы в маленькую принцессу. И хотя лампы коридора не давали такого света, какой был в пылающем зале, всё равно, вид был потрясающий. Даже прилипший к правому виску завиток чёрных, как смоль, волос не испортил, а скорее наоборот, добавил пикантности этой картине.

Вот так я в один вечер поверил и тут же на всю оставшуюся жизнь разуверился в настоящих дедах морозах. Зато поверил в существование настоящих маленьких принцесс.

(Фото № 44 — П. Комсомольский, квартал Заполярный 4)

— Из города в посёлок мы ехали по «Западному кольцу», немного тундры, через второй микрорайон (там развилка дорог направо — маршрут автобуса Северное кольцо), он похож на город, поворот на Мульду (шахта № 29), едем мимо, затем тундра, мимо шахты № 25, а могли и заехать на их подъём, могли ехать низом через известную остановку с буржуйкой, а могли ехать верхом через сам посёлок. Видимо, таксист ехал низом по кольцу, свернул на улицу Строительную, затем поворот на улицу Шахтинскую. «В одно мгновение и новая картинка» при поездке, скорее всего, была дрёма, ведь на улице хоть и считается день, но темно, ещё убаюкивает мотор. О горящей ёлке — это мы встречали 1967 год в старом клубе за памятником Ленину. Я в зал ещё не попала, мы были в каком-то коридоре, переодевались в снежинок, как повалила тонкая струйка белого дыма, крики ёлка загорелась, суматоха и меня с Иркой забрала старшая сестра. Подарки с конфетами нам потом отдали в школе после каникул. Долго отмечали: кто успел получить на празднике, кто — нет. Было совсем не празднично и даже не буднично, а тоскливо. — Грустно комментировала Тамара Скиба. — На переднем плане клуба лежат доски, я их называла тоже трапом, они были только по этой одной стороне улицы Комсомольской. Ирка помнит, как её заставляли подметать их. Я часто болела и меня этим не нагружали.

(Фото № 45 — п. Комсомольский, Дом Культуры (общий план) издали)

Детские сады

— Няня Женя, медсестра Дорохова Нина Фёдоровна, воспитатель Бородина Вера Георгиевна (бывшая соседка по улице Стадионной). — Вспоминала своих воспитательниц Тамара.

— Детские садики: «Красная шапочка», «Белочка», «Смородинка»… Их было 2 недалеко от школы № 2. Один в конце улицы Комарова (Печёрской), возле тундры и второй, по-моему, возле гастронома на остановке «второй район», неподалёку от домовой кухни в начале улицы Суворова. Я ходила в «Красную шапочку», а в те времена родители были обязаны по графику дежурить всю ночь в садике. И это были счастливейшие вечера для нас, малышей! Пока мама чистила картошку на кухне или ещё что-то делала, я заходила в свою группу и в моём распоряжении были любые игрушки! Это смешно сейчас, но тогда я была рада, что все игрушки свободны, ведь днём были даже драки из-за игрушек. Почему-то всегда хотелось ту игрушку, которую уже взяли и тот карандаш, которым уже рисуют! В садике появилось первое чувство влюблённости, там же я получила свои первые подарки за мой труд (имею в виду мои рисунки, танцы, чтение стихов).

— А я жил в этом доме, где детский сад «Красная Шапочка», и учился во второй школе, а моя сестра как раз ходила туда. И когда они, дети, гуляли на улице, мы с другом конфеты на ниточке им спускали, а они прыгали как собачки!

— Я ходила в садик «Белочка».

— А ещё помню специальные детские автобусы, которые развозили нас по детсадам — родители только доводили до автобусной остановки, а женщина из автобуса уже потом разводила по садикам. Так весело в этих автобусах было, водитель надевал нос на резинке, пели песни и сам автобус был весь разрисованный.

— Воркутинские реалии спасли меня. Воркуту часто вспоминаю, наш северный народ!

— Мне было 5 лет и мой старший брат, на котором была полностью ответственность за меня, в очередной раз перед школой вёз меня в детский сад. И вот я в санках вся укутанная, и спящая еду, а в городе сильная пурга. Он поднимается в гору, и я падаю в сугроб, при этом продолжая наслаждаться сновидениями. Когда Игорёк пришёл в сад, то меня не обнаружил! Пошёл искать, и нашёл, а я всё сплю. От мамы была ему взбучка!

— Давным-давно жили всей семьёй в Воркуте. Я был ещё очень маленьким, учился в каком-то экспериментальном нулевом

классе. Вроде и не школа, но и не детский садик. Почему то запомнил, что воспитательницу звали Любовь Семёновна. Жаль номера школы не запомнил. Сперва мы жили в посёлке Заполярный, но позже переехали в другой посёлок, и жили там в пятиэтажке. Там уже я пошёл учиться во второй класс.

Недалеко от моего дома так же был детский сад. Возможно этот:

(Фото № 46 — Ул. Шахтинская, рядом детсад (виден забор) и виден мой дом, сделано с его стороны)

Я там никогда не был, в смысле, в сад я никогда не ходил. А вот по его двору, конечно же, бегал и не раз. На самом деле во дворе этого садика играть было скучно потому, что там ничего не было. Единственное, что меня привлекало, так это детский домик.

— Если ты говоришь о деревянном домике в детском саду № 2 «Теремок», то его заказывала моя мама для детсада как подарок от шахтоуправления. — Делилась воспоминаниями Тамара. — Она тогда работала на лесопилке. Домик имел два окна и дверной проём. Все хотели в нём играть, потом кто — то из детей там нагадил, а убрать взрослым было сложно, не проходили по размеру. На улице мы гуляли только летом, когда начинали цвести одуванчики. Я была смелая девочка, могла за одуванчиками вылазить в дырку забора и собирать их возле старой поликлиники. Во дворе садика был и корабль. На нём мы играли в бабку Ёжку. Ёжкой почти всегда доставалось быть мне, я гонялась за всеми, а они от меня убегали врассыпную. Из двора садика были видны Уральские горы и радуга, если стать на ступени.

Домик был такой интересный, деревянный, маленький, как раз для таких малышей, как я. Хотя если честно, себя малышом я не считал. А вот те, кто ходил в сад, по моему мнению, были малыши. Я заглядывал к ним в окна, когда они спали. Сторож гонял нас, но он был один, а нас много!.. Тогда я не знал, что в это время в этом же садике находилась девочка Тамара, с которой мы встретимся спустя сорок лет… и не здесь, а, как это не дико звучит, за границей.

Был у меня один случай, когда одна девочка выкарабкалась из садика, вернее, удрала через дырку, и встретила меня. У неё что-то было с рукой, толи поцарапалась, когда пролезала через дыру, толи порезалась обо что-то, не помню. Помню лишь, что я привёл её домой (детский садик этот был совсем рядом с моим домом, не берусь утверждать точно сколько домов, но предположительно не более четырёх, а то и того меньше) и попросил маму перевязать девчонку. Мама перевязала ей руку,

потом накормила нас обоих, и я отвёл девчонку назад в сад. Там все спали, и она в окно показала мне, где спальня. Там были какие-то странные кроватки, или раскладушки, тут уж точно не помню. Ещё помню, что все были в белом, и я практически не видел лиц.

Помню ещё, что завидовал девчонке, потому что у неё была повязка из белого бинта, а у меня такой не было. Я тогда ещё обижался, мол, когда я порежусь или поцарапаюсь, то меня никто не бинтует, наоборот, зелёнкой мажут, если дома йода не находилось. А вот какую-то чужую девчонку перебинтовали. Я просил лишь зелёнкой её помазать, или йодом! Теперь смешно. Когда я заглядывал в окна детсада, то смотрел я не с фасадной стороны, разумеется, а с тыла. И взрослых не видел. Видел только завёрнутых в белое детей. Почему я так подробно рассказываю всякие мелочи? А вдруг мы где-то пересекались, и могут всплыть какие-нибудь подробности.

— Сегодня жена разбирала бумажки всякие, документы, прочую хрень. Несёт тут какую-то и ржёт. Оказалось — характеристика из детского садика!!! Раньше при выпуске такие выдавали для школы. Там написано: «Общительный, хорошо кушает, и играет». — Подколола: «Ты совсем не изменился».

Какое всё-таки счастье, что я не посещал детских садов!.. И подобных характеристик не получал!.. Возможно, не было мест, потому меня туда и не отдали, но скорее всего потому, что отец не разрешал матери работать, говоря, что жена должна сидеть дома и воспитывать детей.

— А кто помнит неоновую вывеску над «Диеткой», типа мама с ребёнком дорогу переходит и светофор? Там на площади раньше такси стояли и диспетчерская была…

— Улица Ленина вечерами «горела» неоновыми рекламами. Для того времени это было очень современно. Я фильм детский, японский посмотрел, потом всё нашу улицу Ленина с огнями Токио сравнивал. С грустью сделал вывод, что там лучше.

— Я мелкий был, представлял, что на вывеске светятся я и моя маманя…

— Я точно уже не помню, что там было изображено, но хорошо помню, реклама была. А из старого сейчас, пожалуй, осталась на Детском Мире, с торца, буквы — «ДМ». Зато помню время, когда по городу ходили лошади, запряжённые в сани. В наш детский садик «звёздочка» на Ленина приезжала каждый день — вывоз мусора.

Внимание, лошади!

— А улицы барачные там были Водопроводная, Луговая… И ещё, если кто помнит, в пожарке был конь по кличке Тавриз (это я имею ввиду старую пожарку!), и он был для нас лучше московского зоопарка…

Как-то мне довелось попасть в зоопарк в Воркуте. Там по клетке бродили три серенькие курицы. Народ утверждал, что это павлины. Мне лично они казались обычными индюками, пока один из них не раскрыл свой хвост. Вот тут я убедился, что это настоящие павлины. Такой красоты мне до тех пор видеть не приходилось!.. Других зверей не помню. Не вызвали они у меня никаких эмоций, а потому и не запомнились. Немного позже, оказавшись в Санкт-Петербурге (тогдашнем Ленинграде) мы с отцом посетили знаменитый зоопарк. Сколько было сделано фоток!!! Да вот незадача, при переезде потерялись и негативы, и сами фотографии.

Был я и в нашей конюшне. Только очень уж плохо её помню. Какая-то она невзрачная мне тогда показалась. И стойла, где держали лошадей, были какие-то неуютные.

— Я жила на Суворова 19 «а» там, где была почта и прокат. Училась в школе 13. Помню, как по району совхозные лошади гуляли — это был мой первый опыт верховой езды…

Я на лошади впервые проехался в деревне на юге. Мы с отцом шли с трассы в деревню. Идти вокруг леса надо было семь километров, а через лес всего 3. Отец пошёл вокруг в надежде, вдруг какая-нибудь попутка случится?.. Я, честно говоря, ни разу попуток по этой дороге не видел. Но это никого не волновало. И вот, идём мы с ним, и вдруг нас догоняет двуколка. А в ней наш деревенский почтальон. Вот тогда-то я и вкусил прелести наездников без седла. Меня посадили на лошадь верхом, почтальон так и остался сидеть в коляске, а отец шёл рядом, придерживал меня, чтоб случайно не свалился. Сидеть без седла было больно, хребет лошади давил на самые укромные места. Слез я с лошади куда шустрее, чем забрался на неё.

— На улице Суворова раньше находился ТРЕСТ «Воркутауголь», потом его перевели в город. Возле старой тринадцатой школы была конюшня, где стояла лошадь Марта, которая «работала» в дизентерийном отделении, что было за 13 школой. Потом там была неврология. А что там теперь находится, я не знаю.

— Значит, в твоём доме был и книжный магазин. Боже, я помню, какой книжный бум был в те годы!!! Мы записывались

перед завозом накануне вечером, дежурили и отмечались всю ночь, утром — перекличка, а потом — давка!!! Меня один раз чуть не раздавили! Книга имела магическую силу тогда!!! А напротив вашего дома был овощной магазин, где вечно пахло мёрзлым картофелем. Покупали десять килограммов, а после чистки хватало на суп и большую кастрюлю пюре. А вот яблоки мороженные я любила.

Наша соседка тётя Рая, жена дяди Серёжи Смирнова, работала на конюшне. Не знаю кем, только мне доводилось видеть, как она развозила обеды по школам.

— Тётя Рая, может, и развозила завтраки по школам, а меня сбил какой-то дед на санях, который развозил завтраки по больницам. Я очень не хотела идти по хлеб. — Возражала Тамара. — Был мороз. Мне лет десять или одиннадцать. Хлеб я купила, потом перешла на ту сторону дороги, так как увидела нашу отличницу Лену Голенко. В своё время она научила меня писать сочинения. Она была маленького роста. Я стояла спиной к дороге и Ленке тоже было не видно из — за меня, что на ней делается. По Комсомольской проехала машина грузовик (в кои веки) и посигналила, объезжая повозку. Лошадь понесла. Что-то сильно толкнуло меня в спину, я лбом стукнулась по Ленкиному лбу. Мы упали в сугроб. К нам подбежали люди, стали нас поднимать, и мы увидели, как по улице вверх несётся лошадь с санями и дед орёт тпру-тпру! Лоб болел, и я решила его потереть. Под ладонью лоб поднялся сантиметра на 2. Я поплелась домой. Дома увидели шишку, и Ирка сказала: ничего себе за хлебушком сходила. Синяка почти не было, но с выдвинутым лбом ходила долго. Про обезьян мы ещё не учили, телик смотрели редко, поэтому никто не дразнил. Второй раз шишку на лоб получила самостоятельно. Шла через поле возле спортзала в аптеку. Снега валом. Провода обледенели и обвисли. Я задумалась, и со следующим шагом стукнулась лбом о кабель.

Утверждать не берусь за давностью лет, но то, что я видел телегу тёти Раи возле столовой старшей школы, так это точно. Вероятно, таких развозчиков было несколько, и развозили они не только по школам, но и по профилакториям, столовым, буфетам всяким и так далее, ведь машин в посёлке практически не было. Одни грузовые, да и то проездом. В общем, не знаю, однако, возле нашей школы я как-то её застал.

К нам во двор она практически никогда не заезжала. Да и дворик наш был маленький. И всё же один такой случай был. Лошадь стояла запряжённая в телегу у самого стола и жевала удила. На улице трещал мороз и эта железная гадость прилипала к её губам. В уголках рта видна была кровь. Бедное животное

пыталось избавиться от этой неприятной штуковины, но у неё ничего не получалось. Да и не могло получиться. Тут вышла из дому тётя Рая, и я сказал ей, чтоб она вынула изо рта лошади эту дрянь, ведь ей же, лошади, больно! На что мне ответили, что лошадь ничего не чувствует, и что ей это нравится. С тех пор тётя Рая никогда не приезжала во двор на своей лошади.

Ещё раз я видел её у здания старшей школы. Худая, невзрачная лошадёнка, запряжённая в телегу доверху набитой бидонами, вяло помахивая хвостом, понуро стояла возле угла. А вокруг ни души. Я же застыл у стадионного забора, и смотрел. Лошадь была мне знакома. И тут из двери школы вышла тётя Рая. Она боком завалилась на телегу, подхватила вожжи, хлестнула ими лошадь и уехала, даже не взглянув в мою сторону.

Бытовые блага

Ещё я слушать столбы любил. Вы когда-нибудь слышали поющие столбы на севере?

— О поющих столбах не знаю. — Удивлялась Тамара. — Я в Воркуте считала столбы электропередач, которые мелькали за окном поезда. Смотрела тайгу. Какие там высокие ели росли. На остановках ела горячую картошку и солёные огурцы.

— Так это обычные фонарные столбы! — Пояснял я. — Только к ним надо было приложить ухо и послушать. Они так интересно пели… Мы однажды застряли на каком-то разъезде. Проводники ходили, просили пассажиров помочь наколоть дрова для паровоза. Во раздолье было! Пока народ рубил, кто-то таскал брёвна, а мы, малышня, вдоль тайги побегали! Не, здорово было!

— Я — бывший житель Хальмер-Ю.

— Мы тоже бывали у вас в Халмер-Ю. Я лично помню галантерейный магазин, барак, где мы жили, Дом культуры красивый. Сейчас страшно смотреть, что от клуба, да и от посёлка осталось…

Примечание: К сожалению, это фото не имеет никакого отношения к дому культуры бывшего посёлка Халмер-Ю

(Фото № 47 — Дом Культуры, парадный вход, съёмка из сквера).

Слыхал я и об этом жутком событии. Разумеется, о нём по радио не кричали. Зачем? В мире это событие не обсуждалось за его незначительностью. А ведь кто-то же отдал приказ разбомбить посёлок самыми настоящими боевыми ракетами?! Для чего???

— В год, когда наша семья получила квартиру на Лермонтова 24, где была 91 аптека, торец дома смотрел в тундру, были гаражи какого-то управления. Через два года приехали какие-то специалисты, и за лето построили на месте гаражей фундамент, ходили слухи, что это будет экспериментальный дом. Каково же было моё удивление, когда спустя 10 лет на этом фундаменте построили 9-ти этажный дом с квартирами в 2 яруса.

Нет, в таком высоком доме тогда мне бывать не довелось. Как-то однажды мама пошла к одной из своих сослуживец в гости. Та жила на пятом этаже. Это было моё первое посещение высотного дома. Кстати сказать, с той поры мне везёт на пятые этажи. Где бы я ни жил, этаж всегда оказывался пятый!..

Вот это место, правда, спустя много лет:

(Фото № 48 — П. Комсомольский, квартал Заполярный 1)

Во времена моего посещения здесь была сплошная стройка, в стороне находилось два или три пятиэтажных здания.

Располагалось это чудо за кинотеатром.

Но вернёмся к сотруднице.

В квартире имелся балкон, застеклённый, оттуда я некоторое время разглядывал раскинувшуюся внизу тундру. Снег слепил на солнце, насколько хватало глаз только снег и ничего более. Я ушёл с балкона. Бескрайние просторы меня не интересовали. Я их и так каждый день видел. Правда, не с высоты птичьего полёта, но всё же!..

В квартире было куда интереснее. На кухне стояла железная коробка, которая время от времени тряслась и жутко гудела. А внутри её был неестественный снег. Я очень удивился! Зачем в квартире снег, если на улице его больше чем достаточно. Да и был он здесь какой-то серый, крупный, как соль в пачках, льдистый, Если так можно выразиться, грубый, что ли?.. Не такой, как на дворе. Кристаллический какой-то!..

Там же я познакомился с ванной. Она меня не впечатлила. Нет, конечно, мыться в тазах было очень неудобно, но если занять душ!!! То удовольствие куда выше, чем бултыхаться в собственной грязи. Так что к достижениям цивилизации моя детская душа осталась равнодушной!..

— Я жила по Суворова 5а, это как раз за тем корпусом музыкальной школы, в котором находились ещё и библиотека и телефонный узел связи.

Телефон вблизи я впервые увидел в Ленинграде, нынешнем Санкт-Петербурге в гостинице «Украина». Отец сидел по ночам возле аппарата, пытаясь дозвониться до матери, которая в это время должна была находится в одном из магазинов. У нас ведь телефона не было. Да никто и не мечтал о нём. Мне так он вообще был без надобности. В квартире я проводил минимальную часть своей детской жизни. Всё основное время я отрывался на улице.

— Мне было удобно ходить в эту школу: две минуты — и там. Но было и неудобство! Прогуливать было сложнее: мама после работы вполне могла на минуточку зарулить к учительнице… А с другой стороны дома, почти рядом находился телецентр, в котором я провела лучшие годы своего детства: мы вместе с Павликом Ивченко и Серёжей Опфером были в последнем наборе в детскую студию: детские программы, КВНы, спектакли. Последним, потому что потом запустили спутник, и в Воркуте стали показывать московские программы. Но свой первый «взрослый» гонорар 4 рубля 20 копеек, я получила всё-таки там за передачу о нашем городе, посвящённую 30-летию Воркуты.

(Фото № 49 — Телецентр).

— А я там училась 7 лет по классу скрипки. Что, её

действительно снесли? Подскажите, а новое что-нибудь строят там или нет?

— Я тоже окончила музыкальную школу по классу скрипки.

— Как нет?! Музыкальная школа старая, та, что находилась на остановке Суворова, сгорела давно, точнее, её снесли, а новая музыкалка сейчас находится в здании управления ДОКа, хорошая, добротная, двухэтажная школа.

— Я рада, что музыкальная школа где-нибудь, да есть!

— Я и не знала, что музыкальная школа сгорела, что её уже нет больше… Хотя конечно, такой домик деревянный не мог стоять вечно…

— Я так же училась в музыкальной школе. Похоже, мы все в одно время решили получить музыкальное образование. А помните, какой замечательный рояль стоял в зале!!! И атмосфера в школе!!!

— Рояль действительно замечательный!!! У меня даже где-то сохранилась фотография, где на его фоне выступал наш скрипичный ансамбль.

Сума сойти! Сколько музыкантов, оказывается, было в наше время!.. Тамара вот тоже, говорит, что ходила в музыкальную школу. А я даже не знал, где она находилась?.. Хоть сам позже закончил и ДМШ, и музыкальное училище отделение народных инструментов. Но всё это было уже позже, и не на севере.

(Фото № 50 — ДМШ, вывеска крупным планом)

— Насчёт студии «Весёлый ветер» — многие одноклассники моей старшей сестры тоже в ней участвовали. Мы ходили смотреть какую-то новогоднюю сказку, помнится, и грандиозный спектакль «Робин Гуд». Помню, в 26 школе был большой скандал, что мальчишки ходили с длинными по плечам причёсками, и руководитель студии писала специальное письмо в школу, чтобы мальчишкам разрешили не стричься для спектакля.

— Новогодний утренник в Театре кукол огромный зал и под конец утренника танцульки под сияние зеркального шара под потолком.

— Я жила до 15 лет по улице Суворова 5а, около всё той же музыкальной школы, но учиться там так и не пришлось! Папа мой работал на телецентре, а мама боялась, что телебашня в пургу упадёт на наш дом. Потом наш дом снесли, и я жила на улице Пирогова. Училась в 13 школе.

— Ваша школа была одной из передовых. В спортзале там было нестандартное оборудование, а директор школы была депутатом. А однажды зимой, я помню, в пургу, с вашей школы сорвало часть крыши, и частично заморозили батареи. Сейчас удивляемся радости учащихся, когда у них незапланированные

выходные, а тогда…

А тогда буквально сходили сума от радости!!! Ещё бы!!! Нет урока!!! Или нескольких!!! Во радости-то было!!! Сейчас это уже буднично и не интересно. Слишком много выходных. Суббота и воскресенье — официальные, да ещё среди недели… Мы учились шесть дней, и выходной у нас был только один — Воскресенье!

— Я училась во второй и двадцать шестой школах и никогда в 13-ой. Но я знала про школы всё, потому что работала в ГорОНО. Но ты прав, что лучшая школа та — где ты учился.

— Я люблю свою вторую школу, хотя там раньше не было даже спортзала, уроки физкультуры проводились в фойе! Но там было очень уютно. Когда я перешла в пятый класс — построили школу номер 26, и нас, не спрашивая, перевели туда. Но я умудрилась через 2 года вернуться во вторую школу и закончить там 8 классов. И опять пришлось возвращаться в двадцать шестую школу, в девятый класс… Целая эпопея!!

Наш спортивный зал я помню очень плохо. Был он толи в подвале, толи углублённым слегка. Окна там были под потолком. На противоположной стене от двери находилась швейцарская лестница. На неё ставили край скамьи, надо было взобраться на верхотуру и оттуда съехать по скамье вниз. И проделывалось всё это по секундомеру, на скорость, ловкость. А ещё на полу рисовали круги в два ряда, в них клали картошку (видимо больше ничего не было из инвентаря), нас делили на две команды, давали первым стоящим по холщёвому мешочку. Надо было быстро пробежать до конца и собрать все картофелины в мешочек. Вернуться, передать мешочек первому, стоящему во главе команды, а самому стать в конце очереди. Следующий бежал и раскладывал картофелины. И так до тех пор, пока не закончится очередь.

(Фото № 51 — П. Комсомольский, Дом Культуры рядом памятник В. И. Ленину)

— Оля Нику занималась гимнастикой с моей сестрой — двойняшкой Ирэной. Оля Дёмина была красавицей своего класса, ходила в короткой школьной форме. Я их и запомнила.

Ещё помню, что именно в спортивном зале нас посвящали в школьники. В углу за ширмой кто-то сидел, и читал замогильным голосом. Потом ширма открылась и, вышедший оттуда старшеклассник, принялся раздавать нам буквари. — Вспоминала Тамара.

Домашние любимцы

— А ещё у Вас был говорящий попугай. Я как-то раз помогал твоей маме попасть в квартиру, когда она потеряла ключи, спускался по верёвке с четвёртого этажа на ваш балкон и открывал дверь изнутри. Почему и помню про попугая? Просто просили не выпустить, когда балконную дверь открою.

Как-то раз купил попугайчика дочери, а он почему-то погиб. Пришлось купить ей другого, а он и трёх дней не прожил. Тогда я решил, что нельзя нам иметь птицу в доме. И на тебе, дочка случайно поймала в парке затерявшегося птенца попугайчика. Принесла домой. Мы назвали птенца Патриком. После выяснилось, что это самочка. Пришлось сокращать имя, и Патрик превратился в трюху, от словосочетания: патрюшка. «Па» убрали, и получилась Трюха.

Я тогда ещё мало чего понимал в попугаях. Накупил литературы, давай изучать. Пошёл на базар и купил пару Патрику, вот тут-то мы и узнали, что это не мальчик, а девочка. Пришлось снова идти и покупать мальчика. Но теперь девочки принялись устраивать драки между собой. Иногда доставалось и Гарику, так звали самца. Чтоб прекратить это безобразие пришлось Ритку с Гариком продать, оставить только Трюшку.

Но попугайчиха погибла из-за того, что не смогла снести яйцо. Оно застряло в яйцеводе, и никто не смог ей помочь. Это была ужасная потеря для нас. Трюшка прожила рядом с нами около шести лет. Вот тогда я зарёкся иметь попугаев.

Однако, как назло, или на счастье, к соседке с этажа ниже залетел птенец. Ей попугайчика держать было негде, и она принесла его нам. Мы назвали его Керри.

Это был изумительный попугай. Во-первых, он научился говорить. Во-вторых, он постоянно был со мной, никого не признавал, и ни к кому не шёл, если я ему не разрешал. Народ до сих пор не верит, что попугая можно так выдрессировать. А я не дрессировал. Я просто знал, что он меня понимает, и всё. Я звал его, держа руку так, чтоб ему было удобнее сесть, а если руки не подставлял, то он усаживался на плечо, и летел, хоть откуда, но на мой голос. Он играл с дочкой в догонялки. Она убегала от него, а он её нагонял. Она падала на пол, а он по инерции пролетал мимо, разворачивался и вновь бросался вдогонку. Так продолжалось недолго. В конце-концов птица понимала, что её откровенно дурят, и летела не спеша. Стоило дочери упасть на пол, как Керри усаживался ей на спину и радостно верещал. Вот так они бесились!!! Он не любил летать по другим комнатам, тем

более по чужим квартирам. Однажды к нам зашла соседка, попросила что-то, я подошёл к двери, а он за мной и промахнулся потому, как я вышел в парадную и отнёс к соседке то, что ей надо было. А он за мной так и прилетел туда. А там накурено! Он у нас не любил курильщиков. И давай наворачивать круги. Его зовут, а он ни к кому не идёт. Ведь сесть ему негде. Ну, тут я вернулся за ним, так он бедненький еле отдышался после таких перелётов. С тех пор вообще больше к входной двери ни разу не приближался. Испугался.

Он у нас не боялся клетки. Кстати, клетка всегда была открыта. Спать он туда сам ходил. Я клетку не закрывал. Он утром никогда не шумел до тех пор, пока не замечал, что я поднялся и принял вертикальное положение. Вот тогда он мог пошуметь, попищать, повозмущаться…

Однажды я совершенно случайно забыл спичечный коробок подле его клетки на столе. Он лежал почти на самом углу. Попугайчик, увидев это безобразие рядом со своим домом, вылез из клетки и сбросил спички на пол. После чего, с чувством выполненного долга, вернулся в клетку. Тогда мне пришла в голову мысль поиграть с ним таким образом. Подняв коробок, я положил его ближе к клетке. Керри это не понравилось. Он вновь покинул свой насест и сбросил на пол опасную игрушку. Но не тут-то было!.. Коварный хозяин в моём лице поднял коробок и водрузил рядом с клеткой, но так, чтоб он не мог сбросить его со стола, то есть с обратной стороны. Хитрый попугай сталкивал коробок в любом случае. А чтоб по сто раз не залезать в клетку, усаживался сверху и наблюдал за моими действиями с крыши дома своего!.. Конечно, он старался сбросить коробок быстро, то есть по короткому пути, но не всегда ему это удавалось. Иногда я нарочно ему мешал и тогда он возмущался. Да так громко, что соседи заходили узнать, чего тут с попугаем делают!!!

Закончилось это тем, что донельзя возмущённый попугай, усевшись на моё плечо, обругал меня всеми своими попугаичьими ругательствами, после чего забрался в клетку и не вылезал из неё весь день. Обиделся!..

А ещё я брал маленький колокольчик, привязывал его на верёвочку и таскал кругами по дивану. А Керюха (так я его иногда называл) гонялся за ним. Причём, он никогда не использовал при этом крылья, то есть не летел, хотя мог догнать в два счёта, он именно бегал по дивану. Не срезал угол, хоть и мог это сделать. В общем, занимался зарядкой.

Вот так он прожил у нас почти три с половиной года. Мы ему даже день рождения отмечали, назначив его на день, когда он прилетел. Потом он погиб. Погиб жуткой смертью. С тех пор я в

доме не держу никаких животных. Очень уж я к ним привязываюсь. Тяжело, когда они погибают, а помочь им не можешь.

— В посёлке у нас были 2 попугая — Маша и Андрюша. — Не без удовольствия делилась воспоминаниями Тамара. — Маша была нахальной птицей, а Андрюша послушный. Они летали по комнате, пока не устанет Маша. Их тоже (как и рыбок) отдали в детский садик из-за аллергии на них у отца.

Когда мы жили в посёлке, отец как-то принёс домой щенка помесь лайки с овчаркой. Хороший пёс был, умный. Но когда мы переезжали, документов на него не дали, и вывести его мы не смогли. Как я узнал позже, отец пристрелил собаку, чтоб не мучилась. Сначала он отдавал пса какому-то знакомому, однако собака дважды сбегала, перегрызая верёвку. Он у нас вообще на цепи не сидел. Поэтому пришлось так поступить. Мать же после переезда занималась только кошками. И поныне ими занимается.

— В доме всегда гостили собаки. — Продолжала рассказывать Тамара. — Папа собирал их по пути домой в пургу. Заворачивал их в свой тулуп за пазуху и нёс домой обогреть и накормить. Они «отходили» и удирали опять бродяжничать. Дома у нас был свой английский сеттер, первый умер от чумки, второго, уже заболевшего, забрал папин друг охотник и вылечил его. Больше своих собак мы не держали, одни коты Васьки. На охоту папа ездил с друзьями на вездеходе, куропаток мы поели. Папа любил выпить и пошуметь, нас это возмущало. Когда он умер, мы стали понимать многие его слова, нам стало его не хватать.

После лайки у нас собак не было. А вот дворовые псы были. Вот ещё одна история с дворовым псом по кличке Бим. Больше всего он походил на собаку из кинофильма «Белый Бим, чёрное ухо». Даже лапа была перебита именно та. Потому, видимо, дети так его и прозвали. В квартире он не жил, не любил ходить по квартирам, но в нашу заходил. Это была единственная квартира, которую он посещал по собственному желанию и без приглашения. Я его потом с трудом выманивал. Конфеты он не ел, сладкое вообще не употреблял. А вот молоко обожал. Однажды дочь разбила в парадной бутыль с молоком. Пока сбегала домой, рассказала, спустились убрать, а там чистенько, даже пятен не осталось. Всё вылезал!

Пёс был очень своеобразный, с характером. Он никогда не переходил дорог, кроме небольших, неопасных, что подле дома были. А вот главные трассы, где машин куча никогда. Никогда он не ездил в трамваях и троллейбусах, тем более в автобусах. Но за год до своего исчезновения он прогулялся со мной, да так

основательно, что я до сих пор с трудом верю в то, чего он вытворил. Ну, во-первых, он перешёл вместе со мной трассу, к которой никогда ближе ста метров не подходил. Он влез со мной в переполненный автобус, уехал чёрти куда, на другой конец города. Отбил у стаи собак, пожелавших попробовать меня на вкус, и не позволил мне ни одну из них обидеть. Потом он вернулся вместе со мной, но, уже используя троллейбус и трамвай, попутно разогнав безбилетников, чем помог контролёру и заслужил благодарность. В общем, получилось грандиозное путешествие. У меня в тот день была высокая температура, а ехать надо было срочно. Так вот он и помогал мне, поддерживал. Потом он исчез.

— В школе у преподавателей были любимчики, но меня это не задевало, так как сама школа тогда интересовала мало. — Вспоминала Тамара. — Мне нравились собаки. Одна у школы младших классов прокусила мне губу. Я вышла с занятий и увидела, как она ест косточку, не прямо держит, а ест с угла. Я решила поправить в её пасти. Она порычала, я не поняла её рыка и тогда она меня цапнула. Кровь шла, нет, лилась рекой. Я пошла домой и старшая сестра оказала мне первую медицинскую помощь. У нас была литровая банка йода, закрытая резиновым квачем. Вот этим квачем Наташа прижгла мне рану. Кровь остановилась, зато ожёг на подбородке был полгода, если не год. Так и ходила по школе с бордовой бородой и дыркой в губе.

Чрезвычайные события

— Я жила на улице третьей линейной. Училась в Школе № 26. В НАШЕМ ДВОРЕ ЖИЛИ 15 ЧЕЛОВЕК С КЛАССА….

— А я училась в 13 школе. Помню, мы учились, кажется, в седьмом, когда случился пожар в чьём-то доме, и вся школа прямо с уроков побежала смотреть, вроде как на помощь…

Был и в моей жизни пожар. Правда, ночью, когда я спал. Утром проснулся, а родители говорят, что ночью горел дом за сараями. Радовались, что огонь не перекинулся на сараи, тогда бы весь посёлок выгорел, ведь в них хранили уголь, а сами сараи были сооружены из хорошо просушенных годами досок. Вот бы горело!!!

Я выскочил на улицу, не одевшись, поглазеть на пожар, но увидел лишь чёрные, полуобгоревшие стропила крыши дома напротив. Смотреть на это было неприятно, и я, разочарованный, отбыл в тёплое нутро нашего дома.

Второй пожар, как и первый, я благополучно проспал. Проснувшись утром, мне сообщили, что у нас ночью в кухне был пожар. Приезжали пожарники, сорвали пол. Возмущению моему не было предела!!! Как это так??? Без меня??? Почему не разбудили??? В общем, чуть не до слёз дошло. А делов-то было?! Прогорел железный поддон, выпал уголёк в подполье. Начал чадить. Вызвали пожарных. Они сорвали все доски с пола, затушили этот несчастный уголёк, который к тому времени сам уже догорел, и уехали. Доски же с пола долго ещё валялись чёрной кучей перед домом. Как стелили новый пол, увы, не помню.

— Слушаю, и за каждым названием знакомой улицы перед глазами встают картинки из детства. Мы с сестрой родились и прожили в Воркуте. Жили сначала на Некрасова 17, в деревянном двухэтажном доме, он уже сгорел, а потом на Комарова 23 «а», перед которым сначала была тундра, позже вырос тиман. Учились до 8 класса во второй школе, а потом в школе № 26.

— Вот такие воспоминания о наших посёлках и городе, где мы были счастливы несмотря ни на что! Уж какие морозы!!! Пурги переживали, темень и беспощадное летнее солнце!.. А сейчас этого всего так не хватает! Именно там было всё самое лучшее в жизни! Представляете, какая там положительная аура от нас осталась. Ещё раньше-то земля стонала от захоронений, а мы, семидесятники, восьмидесятники, добрую ауру в Воркуте создали!..

— А ещё помню, как хоронили шахтёров. Мы жили на

Бульваре Пищевиков. Была какая-то страшная авария, погибло много людей. Мне лет 8, 9. И вот под окнами проходит процессия, страшная музыка, а посмотрела из окна и УВИДЕЛА… Никогда не забуду пережитый ужас. Потом долго боялась шифоньера. Может, и не надо было писать, но это как из песни слов не выкинешь. — Рассказывала Тамара.

Вот насчёт кладбища у меня дикие сомнения. В нашем посёлке никакого кладбища не было. Да, шахтёры гибли. Умирали дети и взрослые, но где их хоронили, я не знал. Представления не имел. Помню, спросил у отца, а он ответил, что если и хоронят, то очень не глубоко, сантиметров 50 не более, потому что вечная мерзлота, землю киркой не взять. Да и трупы не разлагаются, а замораживаются и могут сохраняться очень длительное время. В таких условиях кладбище должно быть громадным по территории. Позже я узнал, что многие увозили своих погибших и умерших родственников на родину, где и предавали земле. Но кладбища всё же существовали. И не одно…

Я помню аварию на шахте, когда погибло более семидесяти шахтёров. Мы всей семьёй ходили на прощание, которое было в доме культуры нашего посёлка. Перед зданием находился памятник Ленину. Он стоял в небольшом газоне с травкой. Может и не травкой, но очень похожей на траву. На постаменте было выведено золотом «Ленин». Я ещё тогда поинтересовался у отца, кто здесь похоронен? На что отец ответил что-то не очень внятное. Из ответа я понял лишь, что здесь никто не похоронен, а памятник поставили потому, что больше негде было ставить.

Вот он, красавец. Сохранился с тех времён.

(Фото № 52 — У памятника Ленину 1973)

Ностальгия

— А помните, какие шикарные для своего времени, были производственные мастерские у второй школы, туда, по-моему, и из двадцать шестой школы тоже ученики ходили на уроки трудов. Здание мастерских так и поныне стоит, немного перекошенное, а что в нём я не знаю…

— Я помню эти мастерские!!! Такое счастье было бежать туда из здания второй школы на уроки труда! Помню, как нас ругали учителя, что мы без верхней одежды туда бегали! А нам жарко было! Не замечали мы в детстве никаких вьюг и морозов.

— Как можно забыть эти мастерские! Это было двухэтажное здание, на первом этаже были мастерские для мальчиков, и там же постоянно жил кто-то из учителей. А на втором этаже располагались 2 класса, где проходили уроки домоводства. Мы пекли блинчики, шили фартуки, а на переменках мальчишки бегали к нам, потому что хотели чем-нибудь полакомиться. Там всегда была особая, волшебная атмосфера!

— Третья линейная улица находилась недалеко от телецентра и музыкальной школы. Остановка Суворова. За двухэтажками стояли пятиэтажки новые (4 штуки), и большой двор.

— А в этих четырёх домах на линейной была поликлиника? Одну поликлинику я помню. Недалеко от двадцать шестой школы. А какие-то врачи, детский и так далее, принимали, по-моему, как раз на линейной! Тогда и улица Южная где-то рядом должна быть!

Свою поликлинику я совершенно не помню, хоть и знаю, где она находилась. Возможно, я там никогда не был, но скорей всего просто память не зафиксировала сию знаменательную дату.

— Воркута — это прожитая жизнь. Но как хочется вспоминать о ней и тосковать о ней откуда-нибудь из средней полосы, где нормальные времена года, где можно увидеть цветение садов и осенний листопад….

Да, ты прав, неизвестный, бесплотный голос. Но, почему же тогда нас всех тянет туда? Обратно в пургу и мороз? Где холодно и порой голодно, где не очень-то и уютно, и не очень-то комфортно, где люди не такие, как на пресловутом юге, или точнее в средней полосе? Что мы там оставили? Что забыли? Почему желаем вернуться, но не возвращаемся?

Не возвращаемся потому, что боимся увидеть не то, что оставили. Не хотим испоганить память детства.

— Я тоже жил во втором районе. Сначала на Южной, потом

на Суворова в том доме, где была пельменная, после на Лермонтова. За домом был участок СУ-12.

— Я всегда считала, что Сан-городок — это тоже второй район! Помню, как после девятого класса летом осталась в Воркуте, и пошла подрабатывать в СУ № 12. Мне поручили красить перила у лестниц во всём Сан-городке! Так верите ли? Многие больные просили у меня кисть, чтобы «немного поработать»! Им бы лежать, отдыхать, а они!.. Нет! Работать, помогать хотят! Вот такие они, Жители Севера!!

— До сих пор снится наш дом по улице Некрасова(7). Как раз напротив горки, которую строили зимой, возле 2 школы… Любимое место в детстве, там мы проводили свои актированные дни, пока родители были на работе. Замечательная библиотека в школе, надеюсь, и сейчас там сохранились те книги, которые мне посчастливилось прочитать. Хотелось бы узнать, кто же придумал и организовывал для нас «день сладкоежки» в ресторане по выходным?.. Это были настоящие праздники! Много чего можно вспомнить, аскорбинку из аптеки, томатный сок из овощного магазина, который наливали из стеклянных цилиндров с краником внизу, эскимо, которое вкуснее есть в мороз, прогулки возле сан-городка у оврага и железной дороги. Но, самое интересное это то, что снег в Воркуте голубой, вот именно, не белый, а с голубым оттенком.

(Фото № 53 — П. Комсомольский, библиотека)

Голубой? Может быть. Во всяком случае, оттенок есть, это точно. Сам видел и не раз. Особенно по утрам, когда ещё солнце появляется. Выйдешь утром на крылечко, смотришь, а снег искриться миллионами разноцветных искорок. И явная голубенькая чёрточка между воздухом и снегом. Описать такое невозможно, это можно только увидеть. Конечно, если ещё можно!..

Юг и север

— Мы летом всегда выезжали на юг (всё, что накопим — тратили на море). Сколько себя помню, только 2 раза оставались летом в Воркуте.

Мы тоже. Только летом того страшного шестьдесят седьмого мы никуда не ездили, потому что всю весну проболтались там, на юге у чёрного моря. Когда вернулись, я вышел на улицу, а там никого. Низкое, серое небо, пасмурно, солнца нет. И тишина. Ну, точно, как в фильме. Машин в наше время было очень, очень мало. А вездеходы появлялись лишь зимой, когда до нас иначе добраться нельзя было через снежные завалы.

— Мы любили ходить на речку через ЗЖБИ, через тундру и вниз к мосту на 40 шахту. Сначала купались здесь, у водокачки и с другой стороны моста, а по выходным, вместе с родителями отдыхали на противоположном берегу реки. Одних нас не пускали, так как там были большие кусты. Здесь был трамплин, стадион, выездная торговля. Было очень весело!!! И везде — сиреневые цветы-ИВАН ЧАЙ. Целое море цветов!!!

Нечто подобное и я проделывал!.. Ну, если совсем точнее, то наблюдая за купаниями в Днестре и на море, я никак не мог понять, почему мы дома этого не делаем? Ведь речка у нас куда чище?! Вода прозрачная как слеза! На дне камешки пересчитать — не проблема. Чего не скажешь о реках юга. В них грязи больше чем воды. И вот однажды, когда мы приехали из очередного отцовского отпуска, взрослые пошли на речку отдохнуть. Я обрадовался такому удачному совпадению и немедленно решил исправить доселе существовавшую несправедливость. На моё предложение искупаться в реке никто не отреагировал. И тогда я смело вошёл в воду и тут же вылетел как пуля, стуча зубами от холода!!! Вода в реке оказалась ледяной. Может кто-то и купался, но только не в нашем посёлке, и не в нашей речке, которую называли Воркутинка. На море она не тянула. Взрослый человек при большом желании в этом месте мог её просто перепрыгнуть. А глубина по колено. Какое там море?!

Немного отогревшись, я предложил маминому брату немного порыбачить. На что тот невозмутимо осведомился, где это я видел здесь рыбу? Я прошёлся вдоль берега, внимательно всматриваясь в воду. Река отливала синевой. Нигде не было даже намёка на головастика, не то, чтоб крупной рыбёшки нашей кошке на обед. Рыба наверняка имелась, да вот только не в наших краях. Здесь, как я понял много позже, река брала своё начало и имела вид большого ручья, или малюсенькой речушки.

Аттракционы да игры

И всё же детские аттракционы здесь были не такими как на юге. Как много делалось для детей. Да, тут отсутствовало обилие механических развлечений. Во всяком случае, в мою бытность. Зато было такое, чего никогда не было там, в средней полосе.

— Перед Новым годом на центральной площади посёлка из снега строили целый сказочный городок, ёлку высоченную, Деда Мороза, Снегурочку и обязательно огромную горку.

Какие громадные деды морозы, снегурочки и прочие снежные скульптуры ваялись на радость детворе?! Какие громадные гирлянды блистали не только на ёлках, но и на всём, на чём только можно было их развесить!..

Катание на санках, лыжах и так далее, не в счёт. Зимних игр у нас хватало. А вот игра в земли? Играли в неё летом, когда земля была, а не снег. Игроки брали ножи, рисовался круг, делился на количество играющих. Каждый получал свой надел, свою землю. Считались, чтоб определить первого бросающего, после чего начиналась игра. Надо было, стоя в своём секторе, метнуть нож так, чтоб он воткнулся в землю соседа, желательно так, чтоб побольше отрезать земли. Если нож втыкался, и оставался стоять, а не падал, то по направленности плоскости лезвия отрезался кусок земли в пользу удачливого метателя. После чего победитель снова брал нож и повторял бросок. Не обязательно, что следующий бросок будет снова в землю того, у кого уже отрезали кусочек. Если нож падал, то очередь переходила к тому, на чьей земле упал нож. И так до тех пор, пока кто-то не завладеет всем кругом, вернее всей землёй в круге. Покидать свой сектор можно было лишь в том случае, если не было возможности метнуть нож, не поранив владельца. Доходило до смешного!.. Стояли на пальчиках, лишь бы продолжить игру.

Как-то собрались мы поиграть, а ножа нет. Ну, я домой. Приношу столовый нож, а мать дала с закруглённым концом. Кидай, не кидай, фиг он в землю воткнётся. Пришлось ещё кому-то бежать за другим ножом. Про финку дяди Гриши, найденную мной под матрацем на его кровати, я тогда умолчал. И правильно сделал.

Возможно, благодаря этой игре, я научился метать ножи не плохо для своих пяти лет.

Как-то я шёл домой, а Павлик решил меня не пропускать. Я с одной стороны дома, а он там уже меня поджидает. Да ещё и камнями швыряется. Как только я не пытался пробраться домой, ничего не выходило. Терпел я долго, а потом взял да метнул в

него камень. Разумеется, попал. Разбил бровь. Прихожу домой через полчаса, а он на крыльце с перевязанной белым бинтом головой. Я думал, убьют меня, ан, нет. Павлик со страху никому не рассказал, что первым в меня кидаться начал, и что домой не пропускал. Зато в следующий раз он отыгрался сполна.

Приехали мы тогда с юга, от бабушки. Сижу я на стульчике детском, круглом таком (кстати, он и поныне жив, только обшивку сменили), рассматриваю фотографии. Павлик тоже смотрел, а потом убежал. Я так увлёкся, что не заметил, когда он это сделал. Вдруг, дверь открывается, всовывается рожа Павлика с вытянутым языком, и «бебебебе». Я погрозил ему кулаком. Он исчез, а через секунду повторил. Потом третий, четвёртый раз. Почувствовав безнаказанность, он сунул в щель приоткрытой двери всю голову. Вот тут-то я схватил ножку от своего стульчика и метнул в Павлика. Оглушительный рёв был мне наградой. Но потом случилось куда хуже. Мне досталось по первое число, хоть я и не был виноват. Пришлось идти извиняться перед гадёнышем. А он в это время с дядей Серёжей бинты сматывал в рулон, готовил себе перевязку на завтра. Я опять ему лоб раскроил.

Ещё мы любили играть в прятки вокруг дома. А если чей-нибудь сарай был открыт, то с удовольствием играли в шахтёров. Напяливали шахтёрские каски, и давай уголь метать из одной стороны в другую. Лучше было, когда машина кому-нибудь привозила уголь и высыпала у сарая. Тогда мы дружно помогали хозяину, перетаскивать несколько тонн угля в сарай. А поскольку у нас во дворе мой отец и дядя Серёжа сделали для нас качели, то мы с удовольствием в ней качались. Там кузовок такой был, что четыре малыша помещались одновременно. А вот песка в нашем дворе не было. Поэтому когда Павлику подарили трёхтонку, возить ему в ней нечего было. Сначала я ему позавидовал, но потом увидел на колёсах дырки, и очарование игрушкой пропало.

— За 59 домом сейчас стоят гаражи. А я раньше жила по Некрасова 53. ЗЖБИ закрывали, а сейчас открывают, восстанавливают. Возле завода (где были гаражи) организация мостострой. Сейчас в Воркуте тепло. Все в тундре гуляют, на Воркутинском «море».

— Я впервые попал на территорию завода, когда мне было лет 5. С моим старшим другом, ему было 7 лет, мы догоняли игру «Зарница». Боже я до сих пор помню, как мне было страшно, когда поехал козловой кран, а мы убегаем от него по узко расчищенной траншее, там, где рельса крана проходит. После этого я лет до 10-ти боялся туда ходить. А позже на складе, где стояли плиты и железобетонные блоки, как здорово было играть в прятки…

Ломать — не строить

— МОРЕ — это наша речка ВОРКУТИНКА. А дома так давно не строят. Завод года 3 закрыт, всех рабочих сократили, у кого была возможность те уехали. Работы в Воркуте мало. Очень много людей из нашего района спились от безработицы. Почти все двухэтажные бараки по улице Орджоникидзе снесли. Детскую поликлинику во втором районе с первой Линейной и детскую поликлинику с Тимана перенесли во второй район на улицу Пирогова в бывшую взрослую. Очень плохо без Шпектора. Дороги зимой чистят очень плохо. До дома номер 49 после пурги вообще к дому не подъехать без лопаты. У нас там гараж стоял. Зато мы детскую площадку выбили напротив дома.

(Фото № 54 — Комсомольская с верху в низ, по правой стороне 2-этажные дома)

— С трудом сдерживаю эмоции… Знаешь, что вашего дома нет? Если помнишь, я возила свою сестрёнку в садик в такой будочке на лыжах с дверцей, в те дни, когда властвовала пурга… Помню всех кто жил в нашем доме, верю, пока я их помню, они с нами, где бы они ни были, и ваш дом в моей памяти стоит на том же месте.

— А помнишь, в двадцать шестой школе такая огромная столовая была, и там ещё проводили уроки пения! Было действительно интересно, поскольку голос летал по столовой, и казалось, что ты в концертном зале!

— На месте домов № 5 и № 9 по улице Некрасова нет ничего, их снесли, и там пустыри.

— А седьмой номер, по крайней мере, до зимы этого года стоял так же, как и магазинчик возле дома номер 5, вернее осталось помещение в котором был продуктовый магазин. Да, такое не забывается. Наша столовая и уроки пения, и с каким энтузиазмом те уроки проводились. Учитель приносил из дома свои пластинки, чтоб мы могли приобщиться к музыке и полюбить её. Книжный магазин мог быть в пятиэтажке, которая сразу за домом № 9, а № 5, № 7 и № 9 были двухэтажками, по крайней мере, пока мы там жили.

(Фото № 55 — Ул. Комсомольская, дом № 5, Вывеска ремонт одежды)

— За начальной школой № 11 в посёлке комсомольском находился барак музыкальной школы, куда я ходила на мучения к Аракчеевой, — Вспоминала Тамара. — Она била меня линейкой по пальцам за фальшивые звуки, зимой открывала форточку и курила «Беломор». На скрипке я хотела играть с пяти лет, её

купили мне во втором классе, а учительница по классу скрипки появилась у нас в музыкалке, когда я училась в девятом классе. До этого бросила музыкальную школу класс фортепиано. Я пошла учиться на скрипке вместе с семилетними детьми, которые схватывали лучше, научились большему. Помню, выступала вместе с малышами перед шахтёрами, они вышли из забоя все чёрные и не успели переодеться. Мы скрипели и выбивали дикие звуки из расстроенного пианино, ведь играли где-то в здании шахтоуправления. Шахтёры за ЭТО хлопали. Мою учёбу мог вынести только папа за мой упрямый характер. Другие домашние в это время старались уйти из дому, ещё и дразнили. Хочу, чтобы в памяти ещё кого — то осталась фамилия Александры Михайловны Аракчеевой — учительницы сольфеджио. Из-за неё я не хочу быть МУЗЫКАНТОМ! Ей нельзя было преподавать детям. Скрипку без футляра, в тканевом мешке, в музыкалку мне носил мальчик с Воргашора, который был, как, мне казалось, влюблён в меня. С ним позже я пыталась сбежать ото всех. Попытка не удалась. Меня сняли с поезда в Сивой Маске. Разговорились со старшей сестрой о бильярде. Она вспомнила, что в нашей музыкальной школе он был, стоял в отдельной комнате. На нём играли все учителя, особенно любила наша мучительница Аракчеева Александра Михайловна. Она как-то рассказывала, как над ней смеялись дети в школе, она носила крестик, и дети водили её за верёвочку от него на шее. В 30 — е годы она жила в Сибири. На пасху у нас в посёлке всегда был воскресник. Мы ходили на него с удовольствием, разбивали варёные яйца и делились пасхой, дурачились. Кстати, пасхи пекли в ресторане «Космос» и называли для конспирации «Кексами» и «Куличами» в зависимости от размера. Оливье называли мясным салатом и ещё умели печь тонкие как лист бумаги блины размером с этот же лист. Продавали клюквенный морс.

(Фото № 56 — П. Комсомольский, от библиотеки по Комсомольской вверх)

— Как звали учителя пения? Насколько я помню, он был из Прибалтики, уже в возрасте мужчина. Лицо его хорошо помню — как-то мы готовились к выступлению в связи с очередной годовщиной создания СССР. И разучивали песни народов Советского Союза. Так как я с Украины, помню, меня назначили петь на украинском языке песню «Галя-молодычка». Я эту песню раньше не знала, и выучила её лишь благодаря ему.

У меня отец очень любил песню: «Ой, на тому боци, дэ жывэ Маричка». Я терпеть её не мог, а потому постарался сделать так, чтоб пластинка разбилась. Разбиться то она разбилась, но получил за это я. А отец пошёл и купил новую, такую же, да к

тому же ещё и не заезженную. Больше я старался не бить пластинки. Своя пятая точка дороже!..

— Прошло так много времени. Он много со мной индивидуально занимался, забирал с какого-нибудь урока и в этой столовой, на сцене, где стояло пианино, мы репетировали. Помню весной, когда я заканчивала седьмой класс в двадцать шестой школе, на художественном смотре школ, я дирижировала хором и запевала. После этого из музыкального училища мне поступило предложение поступать туда на дирижёрско-хоровое отделение. К тому времени я уже окончила музыкальную школу во втором районе. Но я тогда решила, что это не моё, то есть решение было в силу юношеского максимализма. Нет огонька, не имеешь права.

Уроки пения моя память вообще не сохранила, кроме одного. В класс вошёл толстый мужик с аккордеоном. Правда, что это аккордеон я узнал много-много лет спустя, а тогда меня поразила эта машина своим цветом, светло-серая, с цветными прожилками, блестящая, с двумя рядами белых и чёрных клавиш. Этот дядька легко бегал по ним своими толстыми пальцами.

Что мы пели? Не знаю. Просто не помню. Скорее всего, ничего не пели. Что могли петь первоклашки?! Помню точно, что лично я смотрел на инструмент, и мне было всё равно кто и что поёт.

Ещё помню, что учитель этот принялся обучать нас музыкальной грамоте. Рисовать скрипичный ключ. Нотоносец, на нём ноты. Поскольку у меня, разумеется, не было музыкального альбома, с готовыми линейками нотоносца, пришлось мне рисовать эти линии самостоятельно. Ясное дело, что выглядели они, мягко говоря, кривоватыми… И относительно краёв листа, да и между собой мои линейки пытались слиться воедино!.. Хоть математики утверждают, что две параллельные линии никогда не пересекаются, мои параллельные явно не подчинялись этому закону. Прав был Николай Иванович Лобачевский, прав.

(Фото № 57 — П. Комсомольский, от библиотеки по Комсомольской вниз)

— СУ-12 нет уже очень давно и скорая помощь сейчас в больничном городке. Даже из города от городского рынка скорую убрали сперва на Гагарина, а потом вообще в больничный городок.

— Я жил на Суворова в доме рядом с Детским миром. Отдельное здание «Детского Мира», слева дом, в котором я жил, а напротив лакомка или Кулинария, номер дома не помню вроде 21…на первом этаже этого дома был хозяйственный магазин…

— Всегда вспоминаю магазин «Детский мир» с крокодилом

Геной и Чебурашкой в витрине. В магазине продавались чудесные шарики на резинке, по-моему, наполненные опилками.

Ага, помню я эти шарики!.. Действительно набитые опилками. Сам разрывал и видел. И помню я этот магазин!.. Мне тогдашнему он казался верхом совершенства. Ещё бы! Громадные стёкла, яркие витрины!!! В одной из них я увидел коробку с моделью катера. Рядом расположилась почти такая же по величине коробка с ракетой. Но ракету я не хотел, она была скучной. Запустил один раз и ищи-свищи её потом. А вот катер!.. Его можно было запускать в наших лужах и смотреть, как красиво он движется!.. Дело в том, что вода в лужах была такой чистой, такой незамутнённой!.. В ней отражалось всё, небо, солнце, облака, проходящие невдалеке люди, и катер, плывущий по небу среди облаков!!! Но, увы! Никто даже и не помышлял одарить меня такой игрушкой.

Там же я впервые увидел полный набор железной дороги. Эта игрушка снилась мне очень-очень долго. Уже став взрослым, я до сих пор мечтаю купить себе такую железную дорогу. Но вот беда!.. Именно такой нигде нет. Мальчишки и девчонки толпились подле мячей и кукол, а я глазел на притягивавшие меня игрушки и мечтал. В нашем посёлочном магазине таких игрушек не было. Кроме дурацких, раскрашенных, железных барабанов да глупых пупсиков, ничего не водилось. Поэтому посещать его было не интересно. Нынче это магазин «Риты и Лены». Вот он:

(Фото № 58 — Магазин «Риты и Лены»).

— Я жила за детским миром «Малыш» (теперешний «Евролюкс»), а рядом стояли дома № 19 и № 21.

— Магазин «Малыш» на Суворова напротив старой тринадцатой школы. Нас всем классом выводили в этот магазин, помогать строителям, наводить порядок в помещениях перед сдачей в эксплуатацию…

— А что у нас во втором районе раньше было? Две шахты — вторая и третья? На месте шахты номер 2 теперь стоит ЗЖБИ (он раньше назывался Завод «Породоблоков»), там выходили вентиляционные ствола в кузницу и конюшню. В конюшне находился конь ОРЛИК, который возил арматуру на заводе, а шахта № 3 была за пожаркой (как выезжать на северное кольцо), на её месте обосновалась база. Говорят, что даже на улице Луговой (выезд на западное кольцо) угольные пласты выходили на поверхность…

— Точно, там террикон был, на самой окраине. Мы через него к реке ходили. А куда делся, кто ж его знает. Может до сих пор стоит. Кому он нужен? В Воркуте такого добра хватает. Помню, он

горел. Старшие говорили, что по нему лазить нельзя, потому что можно провалиться в прогар и сгореть. А со стороны ЖБИ тоже был ствол заваленный и затопленный. Глубина была небольшая и вода быстро нагревалась. Поэтому там можно было купаться раньше, чем в реке. Что мы собственно и делали. А возле моста помните? Какой-то домик кирпичный стоял, кажется старая насосная.

— Заводоуправление третьей шахты в 1964 году перевели из Загородного в начальную школу № 14. Там вокруг валялись тысячи шахтёрских самоспасателей и прочей утвари… А моя сестра, идя со школы домой, провалилась в шурф, и только задравшаяся шуба, не дала ей проскочить в бездну!

Видел я эти шурфы, правда, все они выглядели в виде труб, прикрытых колпачками. Взрослые говорили, что это вентиляционные шахты.

— Дорога была и с Луговой, и с горноспасаловки, и с пожарки… А в горноспасаловке мы всегда в футбол зимой ИГРАЛИ.

У нас в посёлке за молочным магазином горноспасательную площадку, или как там правильно, строили зэки за высоченным деревянным забором и тремя линиями колючей проволоки. Так что мне не довелось увидеть, что это такое. Может к горноспасателям это не имело никакого отношения?..

— А ещё у нас в районе была ГОРНОСПАСАЛОВКА — горноспасательная часть. Это в конце нечётной стороны улицы Суворова в районе тринадцатой школы, гастронома. А ещё в том районе был ТИР! Я сама там стреляла и случайно выиграла плюшевого мишку!

Местные достопримечательности

— Поющий таксист — это наша достопримечательность, так же, как и один пожилой грек, который торговал квасом (от ресторана «Шахтёр»). Он всегда подбрасывал и играл со стеклянными кружками, прежде чем налить квас. Мы бегали к нему специально не так кваску попить, как посмотреть на эту игру с кружками. И он всегда кидал эти кружки, независимо от того, кто перед ним — взрослые или дети. Добрейший был дядечка!!! Всё это происходило примерно на месте почты по улице Суворова, там раньше стояли ларьки.

— А мне очень нравилось, когда в Воркуту приходила весна. Тундра распускалась за какие-то часы, везде купальницы запах!!!

— Лучшей достопримечательностью считаю, всё же, тундру ближе к осени. Морошка, брусника, клюква, рыбалка!..

— А наше телевидение! Дикторов знали поименно: Аллочка Родионова, и второй диктор Юрочка.

— Помню, в конце выпуска новостей местного телевидения, давали прогноз погоды, и показывали воркутинцев на улицах города, а потом камера показывала человека без головного убора, лысого, закалённого мужчину. Кругом снег, люди, утеплённые донельзя, сорок градусов ниже нуля, а он!.. Для меня одна из достопримечательностей Воркуты бесспорно!

— Главной ценностью Воркуты считаю замечательных людей. Мы жили на Овражной, в доме на 4 семьи. Все мы были разных национальностей: через стенку от нас с одной стороны жили белорусы, с другой татары. Четвёртыми соседями были литовцы. Полный интернационал, но как все крепко дружили, помогали и в радости и в беде! Каждый праздник, будь то Пасха или Рамазан, другие национальные праздники отмечали вместе, собираясь в маленьких комнатах по многу человек. Жили бедновато, но зато весело!

— Достопримечательность — карликовая берёзка! Запах тундры! Грибы-шляпки большие, а ножки тонюсенькие…

— А для меня самой большой достопримечательностью было озеро в городском парке.

— В годы моего детства в парке была лодочная станция. Давали лодки напрокат и детям. Когда я приезжала к тёте Маше, мы с сестрой Валей ходили туда и брали лодку. Я как деревенская сидела на вёслах. Дома-то нам вёсла ещё не доверяли, а тут я была крута!

Перед школой мои родители вместе со мной поехали в город, то бишь в Воркуту на школьную ярмарку, как я сейчас понимаю.

Времени, по всей видимости, было достаточно, потому что мы почему-то оказались у открытого бассейна. Возможно, это было озеро. Только всё оно находилось в бетоне. По нему плавало несколько лодок. Я так хотел прокатиться!.. Стоял на ступеньках у воды и умолял отца прокатить меня. Тут лодка подошла близко, и какой-то дядька предложил покататься. Отец согласился, хотя мне это не очень понравилось. Я сидел на носу лодки, боясь пошевелиться. Смотрел в воду, и мне было совсем не интересно, ведь я ехал с чужими людьми, а им какое дело до моих переживаний и впечатлений.

— Самая главная достопримечательность это люди. Сейчас вспоминаю, сколько в Воркуте было бассейнов?.. Наверно в Питере столько нет и это в вечной мерзлоте. Самая длинная взлётная полоса на всём севере военного аэродрома. В своё время собирались принимать Буран. Баня № 2 на улице Московская, которую топили дровами. Кому говорю, просто не понимают, приходится объяснять, что леса и дров в Воркуте просто нет.

— А на этом фото Гастроном, где сидел инвалид, только перестроенный, — Говорит Тамара. — Раньше вход был по центру, за ним перекрашенная в зелёный цвет начальная школа, в самом конце улицы виден новый белый дом — новый детский сад, построенный без нас, за ним — старшая школа № 11. Пятиэтажный дом стоит параллельно улице Строительной. За этим перекрёстком до старшей школы шли двухэтажные дома, слева дом № 11, затем № 13, № 15, № 17, № 19, № 21 и № 23. В доме № 15 на первом этаже жила я. Этих домов нет больше десяти лет. Напротив моего дома был дом № 16, стоящий перпендикулярно к улице, за ним вниз был ресторан «Космос», его тоже уже нет, как нет домов на улице Стадионной, нет бараков за школой. Вид от бараков по улице Шахтинской дом № 35. Скорее всего, на улице Стадионной.

А в кирпичном, двухэтажном доме № 19 по улице Строительной, жила ещё одна моя одноклассница Светлана Тимишина.

(Фото № 59 — П. Комсомольский, ул. Шахтинская 35 (начало 60-х) — А. А. Кузёма)

— Магазин, по главной улице, помню. Там справа от двери ещё сидел нищий. Я ему в шапку как-то мелочь кинул. А батя ругался, мол, на водку дал. Это был худой, длинный, одноногий инвалид. Лицо у него было чёрное, будто забыли отмыть от угольной пыли. Он сидел прямо на голом, цементном полу. Я ещё тогда спросил у родителей: «Не холодно ли ему так сидеть?..». Справа от него стоял костыль, опёртый о стену. В шапке было много мелочи и ни одной бумажки. Это я помню точно.

— Инвалида в магазине вспомнила. Это был необычный безногий инвалид. Он слушал разговоры в магазине, а потом его убрали оттуда не случайно. Он был шпионом для «Голоса Америки». На шахте были случаи диверсий. — Вспомнила Тамара.

— Значит, помнишь и то, что у него не было обеих ног до колен. И ходил он с белой, длинной бородой, без протезов?.. Слышали мы эту историю, будучи уже здесь много лет спустя. Увы, но не верю я в эту советскую пропаганду. Много ли узнаешь, сидя в магазине на полу и слушая трепотню посетителей?! Ерунда. Не говоря уже о связи. А что такое советские пеленгаторы я знаю не понаслышке… Самого несколько раз пеленговали. Не, я шпионом не был. Я был немножко радиолюбителем, даже не хулиганом.

Кстати, сидящем в магазине этого дедка, я видел всего лишь один раз. Да и то… Как выяснилось позже, не сидел он, а стоял. И дедулю этого мы, малышня, побаивались. Потому старались сталкиваться с ним как можно реже. Вспоминаю нашу первую встречу… Хотя, вполне возможно, что это была далеко не первая, но зато запомнившаяся. Было это на остановке. Мы во что-то играли. Я убегал, спасаясь от преследования. Выбежал на остановку из-за угла и тут кто-то позади начал ругаться. Вероятно, пробегая мимо, я случайно зацепил кого-то из ожидающих автобус. Обернувшись, увидел пацана чуть выше меня ростом. Но в глаза бросилось несоответствие размеров. Только после этого я заметил широкую, белую, длинную, ниже пояса, бороду. Это был дедушка, только вот почему он был таким низким?! И тут я обратил внимание на то, что стоит дедок на обрубках ног. Проще говоря, колен у него не было, а внизу ватные штаны, видимо зашитые, и обувь странная, без ступней, подошва, как у слона!.. Я так был поражён фактом полного отсутствия ног, что совершенно не обратил внимания на лицо и причёску деда. Может потому этих деталей моя память и не сохранила. Разглядеть обувку я не успел. Дедок замахнулся на меня своей клюкой, и я дал дёру. Удивило меня и то, что в руке у него был не костыль, а опорная трость. То, что она опорная, я, разумеется, узнал куда позже. А тогда эту толстую палку с наконечником мы, дети, воспринимали как клюку, которой можно получить… Отбежав на безопасное расстояние, я принялся дразнить деда. Тот размахивал клюкой, матерился, однако догонять меня не торопился. Странно, только никто из присутствующих мне не сделал замечания, что так поступать некрасиво. Мало того, что он пожилой, да ещё и инвалид. Куда ему угнаться за малышом на двух ногах?! Дед что-то кричал насчёт моей матери. Делал он это

очень натурально, то есть иногда видно, что взрослые ругаются не всерьёз, а так, профилактики ради. Этот же ругался на полном серьёзе. Тогда я подумал, что он может знать, где мой дом. Опасаясь мести и жалоб родителям, я всё же решил не связываться долее и сбежал.

Помню, что никак не мог понять, каким это образом он ходит, и почему ему не больно? Если б мне довелось увидеть его на коляске, может быть, тогда б я не озадачивался подобными вопросами.

Я помню много случаев взрывов на шахте. Помню гибель сразу 70-ти человек. Помню похороны в старом клубе шахтёров. Мой батя горел во многих шахтах. Начиная с 6-ой, 25-ой, 18-ой и т. д. Последний раз, из-за чего он и ушёл из забоя, ему с несколькими шахтёрами пришлось блуждать по штрекам и горизонтам неделю, пока их не вытащили на верёвках через какое-то вентиляционное отверстие с глубины, кажется 150 или больше метров. С какой именно глубины я уже не помню точно. Да и не любил он про это рассказывать. Но седым он так и не стал до конца дней своих. Не знаю, может это свойство его волос, а может то, что повидал он и похуже, чем взрыв метана в шахте.

— По поводу баек инвалида. — Не унималась Тамара. — Это правда. Мой папа с 1943 до 1953 года служил в госбезопасности, не мог даже жениться без согласия органов. Все знают — нет бывших работников КГБ. Поэтому я знаю, наверняка, почему пропал инвалид из магазина. Знаю действительную причину взрыва на шахте в 1968 году. Папа поседел из-за того, что знал, не сможет доказать причастность к взрыву одного шахтёра. Фамилию его уже забыла, а папа умер в 2004 году.

Да, там ещё было две достопримечательности, которые вы пропустили. Не доходя перекрёстка, на стороне хлебного, всегда лепили деда мороза и ставили ёлку, а за перекрёстком, перед горкой, стоял такой же дед мороз и ёлка. Снегурочки не помню. А вот каток там тоже был. Его перед морозами заливали, сам много раз видел это. Ещё там на столбе прожектор висел, чтоб не так темно было, а на столбе непосредственно выключатель был. Потом его сняли, так как пацаны баловались, и выключали свет, который освещал всю площадку вместе с горкой. А через дороги, то есть перекрёсток, от шахты № 18 и на комсомольскую перебрасывали гирлянды с цветными лампочками и звёздами. Уточняю, через обе дороги, под углом 90 градусов получалось.

(Фото № 60 — П. Комсомольский, вид на магазин товары для дома, справа трёхэтажные дома)

— По воле судьбы я жила по улицам Лермонтова в домах

15,16,17. И точно знаю, что раньше улица Лермонтова официально называлась «Бульвар Лермонтова»!

Насколько я знаю, улицы, правда не все, и у нас переименовывали. Центральная улица, называвшаяся в мою бытность комсомольской, была переименована в Свердлова. Может ещё какие были переименованы, не знаю. А вот коммунистическая была, и на ней находилась пожарка и поликлиника. — Припомнила Тамара Скиба.

— А у нас в районе воинская часть квартировалась… И на Загородном, по-моему. Они были нашими шефами и проводили у нас в школе иногда вечера. Заодно, участвовали с нами в Зарницах! Это было интересно и полезно.

— А надпись «кафе Ажурное» было как раз на уровне окна моей комнаты.

— Мы с мамой тоже во втором микрорайоне жили, если я не ошибаюсь, на улице Пирогова, дом номер 5, напротив которого стояла поликлиника. Там — то моя мама и познакомилась с моим папой, с которым в дальнейшем и развелась. А ещё, как я помню, в конце улицы Пирогова находился спортзал, полукруглый такой, я всё маленькая мечтала в нём заниматься, а детский садик у меня был через дорогу, в сторону телецентра, хотя я могу и ошибаться, давно это было…

Телецентр и я помню. Ещё бы!!! Где-то там недалеко была больница, на седьмом этаже которой в хирургическом отделении, мне довелось полежать несколько дней. Женщину-врача с печальными глазами и неестественно белым лицом. Девочку, которая любила теребить уши, но взрослые ей не разрешали этого делать. Я позволял… До тех пор, пока однажды не проснулся от тычков… Оказывается, мне так было хорошо, что я сонный перебрался к ней в постель. Наши кровати стояли рядом. У неё была сломана нога, оттого она постоянно лежала. А спал я очень крепко, и будить меня ей пришлось довольно-таки продолжительное время.

Вот возле этой больницы, если мне не изменяет память, я и видел эту тарелку. Тут я утверждать ничего не берусь, так как расположения не помню совершенно. Помню лишь здоровенную чашу, наклоняющуюся время от времени под различными углами. До сего момента эту самую тарелку я видел лишь в заставках перед телетрансляцией местного телевидения. А тут на тебе, можешь её потрогать!.. Если, конечно, дотянешься!.. Я стоял и глазел, разинув рот, не замечая холода. На дворе стоял февраль…

Как нас учили

— Наша классная руководительница преподавала географию. Иногда она выдавала перлы типа:

«А где твой учебник?»

«Я забыл…»

«За ЗАБЫЛО бьют по Рылу!».

— А вообще была очень добрая и справедливая женщина. Относилась к нам как к своим детям…

— Нашему классу я вообще, считаю, повезло с учителями. Это были лучшие учителя школы. Язык и литература!.. Сколько раз мы у филологички дома чай пили. Она имела звание «заслуженный учитель». Математика всегда была любимым предметом. Физику никогда не знала, но учитель был потрясающий. Историчка была умная интеллигентная женщина. Наша классная, воспитывала, как могла. Её знаменитое «Турок американский» запомнила на всю жизнь. Биологичка курила, но нам, девчонкам, всегда говорила: «Девочки, я бросить не могу, но вам курить запрещаю. Целовать курящую женщину всё равно, что облизывать пепельницу».

Да!.. Помню я свой первый поцелуй… Было это за дежурным магазином в сарае. Как мы познакомились, не помню. Кто познакомил, тоже не помню. Помню лишь, что сначала мы зашли к ним в дом. Расположение комнат оказалось совершенно другим, нежели в нашем бараке. Для начала сестрички устроили мне экскурсию по дому. Потом показали спальню родителей. Я тогда не понимал, чего от меня требуется. А старшая сестра этой девочки неоднозначно намекала, что надо лечь на родительскую кровать и делать то, что делают взрослые. Что делают взрослые, кроме работы, я не знал, а потому до меня не дошёл смысл сказанного. Старшая сестра объяснила, что надо целоваться. Я с сомнением посмотрел на аккуратно застеленную постель, на красиво выстроенные в два этажа подушки, накрытые прозрачными кружевными накидками, на свои грязные штаны с рубахой, и отказался. Жалко мне было портить такую красоту. Кстати, тут и сама девочка помогла, сказав, что родители, заметив беспорядок, ругаться будут. Тогда мы пошли в ближайший сарай, видимо, он был ничейным, потому что наполовину был без крыши и замка на двери, даже намёк на него отсутствовал. Дальше валялись кучи переломанной мебели, почти до самых краёв стен. Над дверью сарая крыша была, достаточно плотная. Поэтому любопытные мальчишки пытались заглянуть со стороны отсутствующей крыши. Но сделать это было крайне

неудобно. Надо было лечь либо на имеющийся кусок крыши, свесившись при этом над кучей ломаного хлама, либо висеть на противоположной стенке, чтоб попытаться хоть что-нибудь увидеть. А это было крайне неудобно. Только здесь, где была крыша, было темновато, и сестра девочки стала так, чтоб перекрыть видимость любопытствующим. Девочке завязали глаза (по её же просьбе), и я принялся целовать. Девочка стояла и улыбалась. А что при этом испытывал я? Обиду на мальчишек, подглядывающих с крыши?.. Не знаю… Сомневаюсь…

Непреднамеренное воровство

— Да, да! За двадцать шестой школой, в тундре на лыжах по кругу, это каждый год обязательно. Мы на лыжах и в походы подальше ходили, в тундру за ТЭЦ.

— А я помню, в наши годы притащишься в школу с лыжами, лыжным костюмом в авоське, а, оказывается, ветер сильнее, чем надо или температура ниже, чем можно, и физкультура отменяется. И вся школа таскается из кабинета в кабинет на переменах со всем своим скарбом лыжным до конца уроков, после всего ещё домой… Тоска…

Ага, сам попал как-то в такую же историю. Прихожу в школу, а там все на улице, чего-то ждут. Ну, я быстренько выяснил, что к чему. Говорят, в теплицы на экскурсию едем. Таскаться с портфелем мне очень не хотелось, а главное, я надеялся, что наша прогулка затянется надолго и уроков не будет. О! Как жестоко я ошибался?!

Носить в руках вещи я никогда не любил. Это видно врождённое у меня, а потому, недолго думая, я сорвался со всех ног домой. На моё счастье сестра играла во дворе. Я швырнул ей портфель с наказанием отнести домой, а сам поспешил назад, чтоб успеть занять хорошие места в автобусе. Конечно, опоздал. Все места у окон были заняты.

В теплицах было хорошо!.. Жарко!.. Много света. Все порастёгивали свои шубы и пальто.

— Теплицы, как я помню, были рядом с баней, которую помнишь ты. — Подтвердила Тамара. — Ещё теплицы были на 17 шахте, там была ферма коров и лошадей. Нас периодически отправляли классом в тундру рвать траву мятлик для их корма. Уже в 10 классе знакомые мальчишки там воровали лошадей покататься верхом.

Хм!.. Травы не помню… Мох да, сколько угодно, а травы нет… Не помню… Тепличных растений и прочего я не запомнил, а вот стеклянный потолок и громадные лампы, запечатлелись на всю жизнь. Может там цветы выращивали, может огурцы, не знаю. Но в школу мы вернулись вовремя. И тут выяснилось, что я в пролёте! Потому как портфеля у меня нет! Тусклые лампы, окружённые тройными металлическими кольцами, перевёрнутыми пирамидками со срезанными верхушками, свисали из-под потолка и совсем не впечатляли после яркого света теплиц.

Первый урок пришлось мучиться с соседом, а на второй я всё же решил сбегать домой. Галина Ивановна не отпускала меня,

говорила, мол, всё равно опоздаешь, за перемену не успеешь. Однако я позволил себе с ней не согласиться, уверяя, что бегаю очень быстро, а мой дом чуть ли не за углом школы. И отправился за учебниками. А когда прибежал, выяснилось, что прошло уже пол урока. И всё же я был горд, что сумел-таки вырвать несколько минут перемены.

В конце урока учительница принялась объяснять звонкие и шипящие согласные. Чтоб не запутаться, я открыл учебник, нашёл упражнение и вместо точек принялся расставлять правильные буквы, стараясь вписать их максимально незаметно и очень-очень тоненькими едва видными мазками авторучки. За этим занятием и застала меня Галина Ивановна.

— Воруешь, — сказала она, — прямо на глазах воруешь.

Ох, как я тогда на неё обиделся. И не потому, что она отобрала учебник, заменив своим, лишив меня тем самым возможности сделать задание хотя бы на четвёрку. Слово «воруешь» обидело меня куда сильнее. Не воровал я никогда, и не любил тех, кто это делает.

Нет, не так. Был случай. Однажды меня послали за хлебом в магазин. Бывший когда-то баней, потом мясным, позже гастрономом, теперь, говорят, толи молочный, толи книжный. Так вот. В этом магазине стояли автоматы по продаже хлеба. Даёшь продавщице денежку, а она взамен вручает тебе жетончик. Толстенький такой, ребристый и блестящий. Хлебный автомат привлекал меня тем, что там, если бросить жетончик, появлялась полочка с хлебом. Бери, иди домой. Никаких тебе проблем. Только вот моим родителям почему-то не нравилось пользоваться подобными достижениями науки и техники. Они утверждали, будто хлеб там всегда чёрствый и старый. Поэтому я стоял в очереди, и ждал, когда гнусная тётка, торчавшая впереди уже полчаса, наконец-то отойдёт, уступив место следующей, за которой ожидал своей очереди я. Продавщица пощёлкала счётами, перекинула несколько костяшек и тут положила на прилавок жетончик. Тот самый, вожделенный жетончик! Некоторое время его никто не трогал, и я решил, что это мне подарили. Схватив жетон, я крепко зажал его в кулаке, чтоб никто не отобрал. И тут тётка принялась что-то искать. Продавщица утверждала, что поклала сюда, и показала, куда именно. Тут до меня дошло, что этот жетончик дали той самой вредной тётке, а я его стащил. Мне стало так стыдно!.. Удивительно, но никто из очереди, стоявшей за мной, не сказал ни слова. Неужели никто не видел?! Я не знал, что делать? Как вернуть, и чтоб главное не ругали. Немного помучавшись, осторожно протянул руку и разжал кулак, поинтересовавшись при этом, не эту ли штуку они

ищут? Продавщица, кажется, обрадовалась, тётка, наверное, тоже. В общем, я не помню, чтоб меня ругали. Видимо, не ругали. Врождённое чувство справедливости сыграло со мной в дальнейшей жизни плохую шутку. Но это уже совсем другая история…

— А мясомолочный магазин я знаю прекрасно. — Поддерживает разговор Тамара.

Мало кто помнит, что там сначала была баня. Окна стрельчатые, высокие, узкие. Там одно время был хлебный, но не очень долго. А потом сделали молочным. Он как раз был за мостом, а дальше слева строили зэки горноспасательный городок. Во всяком случае, так говорили. А что на самом деле там было, или построили, я так и не знаю.

— Если дальше пойти по дороге, — продолжала Тамара, — то справа и был роддом. Два здания, одно напротив другого.

— Роддом, хирургия — всё это было, по моей памяти, в двухэтажном доме за посёлком отдельно в тундре. В сторону (к кольцевой дороге) на город. Моей сестре там оперировали аппендицит, причём наша соседка со второго этажа — Нина Яковлевна, она до сих пор живёт на Воргашоре, её сын Виталька тоже врач, терапевт. А когда-то мы с ним лазали по крышам сараев и прыгали с них в сугробы. Мне о них написала Киндяшкина Ира. Я её так и не вспомнила, хотя она училась в параллельном классе. Мои одноклассники или их сёстры, братья родились в нашем посёлке.

— Нет, — возражаю я, — роддом был напротив, он фасадом к тундре стоял, но перед ним и была эта самая хирургия в два этажа. Но точно этажность больницы не скажу, а роддом был четырёх этажный. Это я помню наверняка.

— Баню помню только ту, в которой позже был молочный магазин возле садика. — Уклонялась Тамара. — Внутри всё помещение было в плитке, но саму работающую баню не помню. Помню, меняли жетончики с 2 углублениями полоской стоимостью по 15 коп за бутылку на молоко или мороженое.

— Ага, — перебиваю я, — эти жетончики сначала были не для этого. Там слева стояли автоматы, в которые и надо было опускать эти жетончики. А за это открывалось окошечко, и там оказывался хлеб. Я сначала никак не мог понять, как там появляется хлеб? Откуда автомат знает, какой хлеб мне нужен. Длительные наблюдения дали свои результаты и я увидел, что там обыкновенный вертикальный транспортёр. Потом родители запретили мне пользоваться этим автоматом, потому что хлеб там всегда был чёрствый. А мне так хотелось иметь этот жетончик!..

— О жетончиках, за которые покупали хлеб в автоматах. Это я вспомнила. — Говорит Тамара. — Хлеб был чёрный за 16 и серый за 19, белый за 20 копеек. Чёрствыми были булочки, а оказывается и хлеб! Медные копейки не считали, а взвешивали, так как одна медная копейка весила один мг. 3 копейки 3 мг, 5 копеек 5 мг, мы их прикладывали к синяку. Хлеб по транспортёру вверх, картошка горизонтально по транспортёрной ленте в овощном — передовые технологии в Советском Союзе. Как хлеб подавался — меня это тоже интересовало, я зашла за эти автоматы и увидела, как в них кладут хлеб. Напротив хлебного была деревянная горка. По ней мы катались кто на санках, кто на картонке. Только успевали отскакивать, следующий мог крепко удариться в спину.

Хорошо помню случай, когда днём я пришёл на эту горку (каникулы были), а подле деда мороза толпа стоит. Выяснилось, что тут девочка упала с деда мороза и потеряла глаз. Все искали глаз, хотели найти и вернуть ей. Саму же девочку увезла скорая, которая приехала из-за хлебного. Возможно, это и был тот самый случай, о котором писала мне когда-то Тамара Скиба.

До меня лично долго не доходило, как девочка могла взобраться на ледяного, высотой выше дома в два этажа, деда мороза? Да ещё и на плечо?.. Я даже попытался повторить её восхождение, следуя подсказкам мальчишек, которые якобы присутствовали при этом. Увы, мне не удалось подняться даже на полметра над землёй. В конце-концов общий азарт поиска отвлёк меня от моих крамольных мыслей, и я принялся за розыск с таким энтузиазмом!.. Короче, я искал дольше всех. Когда уже все разошлись, я продолжал искать. Нашёл цветную пуговицу, издалека решил, что это глаз, обрадовался, схватил, глядь, а это пуговица… Очень огорчился. Ещё помню, что спрашивал, где она живёт, на тот случай, если найду глаз, то куда отнести?

Уродливые двойки

Обидевшись на Галину Ивановну, я решил, во что бы то ни стало обязательно получить пятёрку, дабы ей, учительнице, стыдно стало за свои слова!.. Беда была ещё и в том, что у меня никак не получалось вывести нормальные двойки. Что я только не делал?! Как ни старался, но, увы!.. Из-под пера выползали чудовища. Кроме того, мне было жутко завидно, что моя соседка постоянно имела красную звёздочку!.. Такую мягкую!.. Такую желанную!!!

Дело в том, что на тетрадки учеников, получивших отличную оценку, Галина Ивановна, наша классная, прикрепляла ярко-красную, бархатную звезду на белоснежной ленте. Одна девчонка постоянно имела эту звёздочку. И этой девчонкой была моя соседка по парте!.. Вот я и решил отобрать у неё первенство. Старался я долго и мучительно. Наконец-то научился писать двойки, выводить некоторые буквы с правильным наклоном (ещё не все, но несколько). И пришёл тот долгожданный день. Учительница раздала проверенные тетрадки. И! О, ужас! Звёздочки у меня не было!.. Она по-прежнему красовалась у моей соседки. Я торопливо, и что там скрывать, нервно, раскрыл свою тетрадку и обомлел!!! На меня смотрела блёклая, хилая, едва видимая на белом листе, я бы даже сказал издевательская, пятёрка, верхний хвостик которой был небрежно черкнут над самой оценкой!.. Но звезды не было на обложке!.. И такая же обида поселилась в моей детской душе, что с тех пор я больше никогда в жизни не старался стать отличником. Мир был супротив…

Нет, не совсем так. В девятом классе на меня нашла блажь, и я целую четверть рыл носом землю, дабы стать отличником. Увы. Ничего хорошего из этого не вышло. Учителя, познав о моих намерениях, делали всё возможное, чтоб я таковым не стал. Историчка принялась спрашивать меня на каждом уроке. Я же в отместку отвечал через один. Поэтому пятёрки с двойками чередовались недели три подряд. В результате, вышла тройка в четверти.

— Да, наши учителя самые классные… Кажется, что сейчас так не учат… Наша филологичка была бы просто поражена, как в Калуге преподают русский и особенно литературу… Когда рассказываю детям, как нас учили, они не верят… Поражаются, что прошло столько лет, а знания, вложенные в нас, до сих пор живы…

М-да!.. Это уж точно!.. Учили нас на славу. Сам до сих пор не

понимаю, как в меня сумели вложить столько информации???

Помню, как в первом классе учились мы писать цифры. У всех цифирь, как цифирь, а у меня уродство сплошное. Аж до слёз обидно. У соседки по парте такие красивые единички, картинные двоечки, пузатенькие троечки, гордые четвёрки, надутые пятёрки получались, а у меня кривое, хвостатое чудовище!.. Не скажу, на каком это было уроке, но то, что в самом начале моего обучения, так это точно. Достали все свои чернильницы, и давай буквы выписывать, цифирь всякую. А у меня за пером какая-то кривая вырисовывается. Толи нитка прицепилась к перу, толи ещё что, не знаю. Я вытираю то промокашкой, то подушечкой, да только всё напрасно. Не получается и всё тут. Учительница посмотрела на мои мучения, и предложила свою авторучку. И, о чудо! У меня начали получаться каракули. Правда, ещё не совсем чёткие, но догадаться уже можно. Вот так я перешёл с перьевой ручки на авто, когда весь класс ещё почти год писал перьевыми, завидуя мне. Но двойки всё равно не получались. Зато учительница, как мне тогда казалось, с огромным удовольствием ставила мне здоровенные, красные, жирнющие двойки! Однажды на уроке рисования я подсмотрел, как моя соседка выводит линии. Достал тетрадку по чистописанию и принялся изучать оформление двойки.

На следующий день я представил в качестве домашнего задания целых три строчки великолепных, стройных, красивых двоек, за что получил двойку, так как нам надо было учиться писать пятёрки!..

История с двойками на этом не закончилась. В октябре 2010-го года на одной из конференций, меня попросили дать автограф. Раскрыв книгу, принялся писать, и в этот момент вспомнилось мне, как я выписывал двойки. Верите или нет, но я так и не смог вывести правильно дату, двойки вышли точно такие, как много, много лет тому назад в моей первой тетрадке. Мне было смешно, но объяснить свой смех я не мог. Пришлось бы долго и скучно повествовать о своих злоключениях с цифирью. И всё равно это не объяснило бы моих кривых двоек теперь.

Самоотверженный сообразитель

— Может секрет нашего обучения в том и состоял, чтоб дойти до всего своим умом, понять, сообразить, уметь применить. К сожалению, нет такой статистики, но мне кажется, что учившиеся на севере намного смекалистее и более приспособлены к жизни, чем их сверстники, учившиеся в пресловутой средней полосе.

Не могу сказать, что соображалка у меня работала хорошо. Не помню я таких героических поступков за собой, кроме, разве что, одного, да и то сомнительного качества. Скорее это было проявление чувства взаимопомощи, сильно развитое на севере.

Было это в Одессе. Меня устроили в школу-интернат, прошло всего ничего, дней пять, может шесть. Я толком никого не знал, никак не мог привыкнуть к тому, что больше никогда не вернусь в свою родную одиннадцатую!.. И тут вдруг один мальчик чуть постарше меня попросил принести газированной воды. А где я её ему возьму? В магазине? Ага, тот случай. С каких это пор в магазине без денег дают. А мальчишка и говорит, мол, помнишь, мы ходили на завод?

— Ага, — говорю, — помню. И что?

— А там, на проходной, стоит автомат с газированной водой. Кнопку нажимаешь, и набирай себе воды сколько угодно. Никаких денег не надо.

— Давай, — говорю, — бутылку. Схожу, наберу.

— Нет, — говорит он, — бутылки у меня нет, зато есть пластмассовый стаканчик.

— Ну, и как же я принесу тебе воды в стаканчике? Она же выдохнется, пока я её донесу.

— Ничего, — говорит, — и так сойдёт.

Взял я стаканчик и потопал. На самом же деле до этого завода или фабрики было совсем не близко. Наш переулок, потом целая трамвайная остановка и ещё пол улицы. Да только тогда я ещё плохо себе представлял расстояния. И уж никак не ожидал, что мои права на передвижения по городу будут ограничены какими-то правилами.

Нашёл я эту проходную, набрал воды и отправился назад. А тут навстречу мне наша пионервожатая. Увидела школьника, разгуливающего по французскому бульвару, цап меня за шкирку, воду вылила, и в райком комсомола потащила. Дела у неё там были. Сама ушла внутрь, а я как дурак сижу на лавочке, солнце жарит, воды нет!.. И думаю, чего же я теперь принесу? Чашку она отобрала, воду вылила. Пацан ругаться будет. Хорошо, если не побьёт. А то ведь может!.. Он старше и сильнее.

Короче, пришли мы в школу часа через два. Там все на ушах стоят. Меня к завучу. Чего там было в его кабинете я уже и не помню. Зато удирать со школы, чтоб никто не заметил, научился. А главное, посещение кабинета завуча спасло меня от объяснений с мальчишкой. Позже я неоднократно сбегал, но, ни разу больше не был пойман.

Физра

Физкультура — физическая культура! А как мы называли этот предмет в школе? Правильно — физра! Так короче. И любили мы нашу физру совсем не так, как прочие предметы, если был хороший учитель, значит, ходили с удовольствием. Если учитель делал всё по-своему, не обращал на нас никакого внимания, мы, разумеется, возмущались, и демонстративно игнорировали урок. Находилось миллион причин, дабы увильнуть от занятий. Но с каким энтузиазмом бежали мы на урок, в ожидании хорошего настроения!.. Если, конечно, наши желания совпадали с учительским стремлением!..

Педагогов по физкультуре за время нашего обучения в школе было много. Текучка кадров была громадной. Почему? Не знаю. У каждого учителя находилась своя веская причина отработать год и исчезнуть в неизвестном направлении. Были среди них весьма интересные люди: Рем Андреевич Зуев, Виктор Петрович (фамилии не помню), Инна Климовна; Были и просто проходимцы: Павел Самойлович Лебедев, Борис Абрамович Кузнецов (смешно, не правда ли?)… Я всех даже и не упомню.

А вот Павел Самойлович (не из лучших) запомнился таким случаем.

Седьмой класс… Урок физкультуры… Не знаю, по какой причине, но в тот день мы занимались кто чем хотел, но только не учительским заданием, которого, вполне возможно, не было. Точнее даже не так. Учитель сидел с девочками на скамье и болтал о чём-то, может рассказывал, может слушал, не помню. Шура (Александр Билык из Евпатории) учился держать равновесие на буме. Я катался на канате, хоть по технике безопасности это было строжайше запрещено. Андрей с Васькой играли в футбол, вернее, Андрей по кличке палий (Андрей Палиенко из Запорожья) просто бил пенальти Ваське билю (Василий Димитрюк). Воротами служили парные брусья, поднятые на максимум. Но даже с такого небольшого расстояния бьющий постоянно промахивался, за что получал ехидное Васькино хихиканье, мой комментарий сверху: «мазила», и многозначительное хмыканье педагога Павла Самойловича. Шин (в миру — Володя Алёшин из Севастополя) возился в углу подле козла, пытаясь перепрыгнуть через него без мостика, Гаврыл (Коля Гавриленко — цыган, кстати) висел на лестнице, вытягивая позвоночник. Фарла (Владимир Фролов из Николаева) тихо мутузил борцовскую куклу в правом углу за швейцарскими лестницами, воображая себя великим боксёром. Кто-то скрипел

пружинами эспандера, кто-то пыхтел, отжимаясь, а кое-кто отбивал ритм, сидя на коне… В общем, каждый был при деле.

Зал наш не был большим, метров двадцать, может чуток больше. Но для нас тогда он казался громадным. Построен он был в виде баскетбольной площадки. Имелись щиты с корзинами в нужных местах. Заодно имелись шесты для натягивания волейбольной сетки. Справа от двери находились швейцарские лестницы, слева — те самые брусья с матами под ними. У противоположной стены в правом углу стоял козёл с мостом, в левом — конь. Между ними, вдоль стены, тянулся бум, на котором работал Шура. Вся левая стена представляла собой сплошное окно, точнее, сетку. Вдоль неё тянулись бесконечные скамьи, где сидели девочки с учителем. С этого места прекрасно было видно электронные часы под цветным стеклом, висевшие высоко над дверью. По ним определяли окончание урока, потому как звонок сюда не был слышен. Одиннадцатиметровая отметка ориентировочно располагалась почти у самого бума. Разбежаться толком было негде, два-три малюсеньких шага, не больше. И всё же Андрей пытался это сделать самыми невероятными финтами. Но, по воротам он либо не попадал, либо мячи легко брал вратарь. От неудач Андрей нервничал, что не повышало точности его ударов, скорее наоборот.

«Держись!»- Кричал он Ваське и бил.

«Держусь», — Отвечал Васька, и спокойно ловил мяч.

«Пеле кривоногий», — Комментировал я очередную неудачу сверху из-под потолка.

«Заткнись, комментатор!»- Огрызался Андрей, и снова устанавливал мяч.

Так длилось довольно долго. Наконец, Павел Самойлович не выдержал.

— Дай сюда мяч. — Потребовал он, покидая скамью.

Вообще-то мы не ожидали такой вольности от очкарика (педагог был в очках, оттого мы его так и прозвали), и затаились, в предвкушении зрелища. Тем более что мы видели настоящие удары, настоящих футболистов. Ведь один из педагогов в прошлом был игрок московского «Локомотива». Иногда старшеклассники, ещё в старой школе, просили его побить им по воротам. Разумеется, Яков Ионович Лейрнер (так звали нашего воспитателя средних классов, заодно и школьного библиотекаря) бил не во всю мощь своих возможностей, дабы не травмировать учащихся. А тут какой-то учителишка!.. С пузом на километр!.. В общем, все замерли в ожидании.

Андрей удивлённо отошёл от установленного мяча, Васька обрадовался, что теперь-то ему придётся по-настоящему

поработать, девочки отнеслись равнодушно, им совершенно было наплевать на то, что происходило в спортзале, Шура замер в ожидании на буме, а я приготовился комментировать.

Павел Самойлович подошёл к мячу, поправил его, сделал два шага назад к стене, и, как бы разбежавшись, ударил!!! В следующий момент произошло то, чего никто никак не ожидал. Мяч, направленный верной ногой, угодил прямёхонько в электронные часы. Звон разбитого дорогого стекла возвестил о более чем снайперском ударе.

— Чёрт, — выругался Павел Самойлович, и направился к двери. — Сейчас уберу.

Он вышел. Потом вернулся с веником и совком, немного покряхтел, и снова вышел. Только после этого в зале раздался вздох потрясённых учеников. За такие часы по головке не погладят…

Некоторое время в зале продолжала висеть напряжённая тишина. Каждый боялся её нарушить. И тут Андрей опомнился, схватил мяч, установил его на одиннадцатиметровую отметку, сделал два шага назад и, подражая учителю физкультуры с воплем «Учись, сынок, как надо бить», врезал по мячу.

В эту самую секунду дверь зала распахнулась, и вошёл Павел Самойлович. Раздался звонкий шлепок, а за ним глухой звон разбитого стекла.

— Вот это удар! — Не удержавшись, заорал Васька. — Пеле и рядом не стоял!

Оглушённый, прилетевшей плюхой, оставшийся без очков, Павел Самойлович стоял и хлопал глазами, не понимая, кто посмел его ударить? И почему дико хохочет класс.

Но это случилось много позже, а тогда!.. В далёких шестидесятых всё было несколько иначе.

— А лыжная база у ЖБИ была палочкой выручалочкой перед уроками физры, всегда можно было взять там лыжи… Бегали туда постоянно… А в двадцать шестой лыжи не приходилось таскать за собой, они хранились в спортзале… И лыжи, и ботинки… Для нас, перешедших из второй, это было в новинку…

• Наш физкультурный зал по всей вероятности был невелик. Конечно, мне тогдашнему маленькому он казался просто громадным. Однако на самом деле всё было не так радужно. Переодевались мы после урока в классе. Где это же делали девочки, не помню. Но скорее всего они переодевались первыми, а мы ждали под дверью. Потом менялись местами. И вот однажды пока я возился со своим одноклассником, выясняя очередные отношения вблизи доски, на камчатке что-то случилось. Мы

прервались, и моему взору предстала жуткая картина. Некто Шелков или Шёлков (фамилии не помню, кстати, как и имени хоть и крутится в памяти Саша, но не уверен) обыкновенным шарфом душил Бубликова. Не утверждаю, что это была настоящая фамилия, скорее прозвище. Возможно, это был Олег Баранов; очень похоже на то… Самое удивительное во всём этом было то, что Бубликов не сопротивлялся, создавалось ощущение, что он сам об этом попросил Шелкового. Тот аккуратно, не спеша затягивал шарф всё сильнее и сильнее, толи о чём-то спрашивая, толи что-то приговаривая. Глаза Бубликова закатились, лицо побелело, голова откинулась назад. Что произошло дальше, не помню. В памяти сохранилось лишь лицо Бубликова в окне, которого отпустили с уроков. С тех пор ни Шелкового, ни Бубликова я никогда в жизни не видел. В класс они больше не приходили.

Берегись, танк!

— А кто помнит, как делали из белой лапши электропровода и пластилина для центровки, типа саночек, модели современных «Дрегстеров». Это я сейчас так их называю. Прокладывали трассы на склонах дворовых сугробов, и гоняли их на спуск на время? Причём, соревновались дворами, у кого сложнее трасса, и быстрее съедет?

— Конечно, помню такие гонки!!! У меня одна из моделей была сделана на базе какого-то танка…

— Хоккей во дворах. Двор на двор. Улица Шахтёрская Набережная возле реки… Катания вниз к реке, на чём придётся… Морозы… Особенный запах тундры весной и осенью… Димитрова её девятиэтажка называемая «пентагоном»… Да всё и не перечислишь. Остаётся только память…

— А про пограничную часть ни кто не помнит, которая была в конце Орджоникидзе. Мы с утра специально вставали, чтобы с погранцами на зарядку бегать. Они по району бегали, и мы с ними, мелюзга дворовая. Они нам карды дарили. А в овраге у них было стрельбище, и мы туда ходили собирать гильзы.

Нет, у пограничников мне не довелось побывать. А вот танк однажды встретил. Вышел я из дома, в магазин меня послали. Заворачиваю за угол, смотрю под ноги, бегу, тороплюсь назад поскорей вернуться. Толи кино там должно было быть, толи играли мы во что-то?.. Не хотелось мне в магазин, вот и не крутил башкой по сторонам. Подхожу к перекрёстку, и вдруг что-то как зарычит! Я испугался, смотрю, а на дороге, прямо передо мной, точнее между мной и магазином, стоит танк!!! Самый что ни на есть настоящий!!! С башней и гусеницами, со звёздами на борту!!! С дулом пушки, развёрнутым назад по ходу движения!!! От изумления я потерял дар речи. Ещё бы?.. Где это видано, что б на танках в магазин ездили?! Много позже Михаил Жванецкий напишет свою знаменитую миниатюру про танк на привозе. А тогда сие диво-дивное было, особенно в наших краях. Глазел я на это чудо, совершенно забыв, зачем иду, и куда?! Стою по колено в снегу и продолжаю в сугроб погружаться. И тут вдруг танк развернул пушку, прямо в меня целится!!! От страха мне даже показалось, что дуло прямо в меня целится. В общем, струсил я откровенно, и дал дёру, оставив оба своих валенка в глубоком сугробе!.. В одних носках по морозу до самого дома бежал, благо недалеко было!!!

— Пограничную часть отлично помню. Мы туда за приключениями лазили… По чуть-чуть находили. А ещё на ЗЖБИ

тоже ходили. Разбитые коленки, синяки. То есть тоже гонки устраивали. Весело было, потому что ДЕТСТВО.

Первые одноклассники

Что может быть лучше детства?! Мало кто помнит его таким, каким запомнил я. Почему? Сам не знаю. Мне говорят, что нельзя столько запомнить, тем более так подробно. Увы. Я ничего не могу поделать. Может быть, это плод моего воображения? Тогда пусть скажут те, кто там жил, были ль те места, о которых я писал? Был ли случай со сгоревшим дедом морозом? Была ли вообще Галина Ивановна, классный руководитель первого «Б» класса?! Много, очень много лет спустя мне повезло, и одна из моих одноклассниц отозвалась, вспомнила меня. Мало того, у неё обнаружилась фотография, о которой я ничего не знал. Сейчас, держа снимок в руке, распечатанный на цветном принтере хоть изображение чёрно-белое, я вспомнил тот случай, вспомнил, как девочку с третьей парты фотографировал какой-то дядя, я ещё мешал, всё время в объектив попадал. В конце-концов ему пришлось сфоткать и меня. Но кто сидел рядом? Отзовись!!!

Вообще-то школьные события в моей памяти практически не сохранились. В детстве, когда я попал совершенно в другую среду, мне было очень тяжело вспоминать свой класс, своих друзей и врагов!.. Хотя какие там враги?! По словам моей одноклассницы, Ольги Нику, я был драчуном. Согласиться с ней мне трудно, однако и спорить нет резону, потому как задирой я был, это точно.

Однажды мне повезло, и я нашёл где-то старый, почти вытертый значок, на котором виднелись барельефы людей и чёткая надпись «1918». В те годы значки для меня не имели такого уж большого значения, как гораздо позже. Поэтому я с лёгкой душой перед уроками обменял его у моего вечного соперника на стеклянную трубочку, красиво переливавшуюся. На уроке обнаружилось, что трубка с дефектом, то есть надколота с одной стороны. Когда прозвенел звонок, я был полон решимости вернуть себе неправедно обмененный значок. Увы!.. Мальчишка не пожелал этого сделать, объясняя, что мой значок очень старый, и что на нём ничего не видно. Проще говоря, что он с дефектом ещё большим, чем его трубка. Кажется, в дополнение он ещё что-то мне дал. И я на этом успокоился. Только ненадолго. На следующем уроке я всё хорошенько обдумал, и сразу, как Галина Ивановна вышла за дверь, накинулся на обидчика, который, кстати, почувствовав, что ему сейчас влетит, попытался ускользнуть из класса вслед за педагогом. Увы! Он не успел. А я опять оказался наказанным за драку.

Ольга утверждает, что Галина Ивановна меня выделяла?

Может быть. Но история со звёздочками на тетрадке не подтверждает этого. Хотя сейчас с высоты стольких лет, как педагог педагога, я её понимаю. Тетрадка была грязной, с вырванными листками, кляксами, криво подписанная… В общем, на образцовую она никак не тянула. А больше и вспомнить-то нечего. Не помню я ни того, как первый раз пришёл в первый класс?.. Не помню имён и фамилий своих бывших одноклассников.

— По улице Комсомольской был сан-городок, рядом гинекология, хирургия, лаборатория молочка, снесены! И даже МОРГ, на месте которого сквер у новой первой школы…

Ямы, канавы

— А овраги?! Замечательные горки из них получались, в своё время. У нас сразу перед домом был огромный овраг. Ужасно скучаю по огромным, пушистым, белоснежным сугробам, по белым ночам, по северному сиянию, по горьковатому запаху нашей тундры…

— Многие помнят катание на лыжах в овраге. А кто помнит лыжную базу возле ЖБИ? И ведь раньше катались в той стороне…

— Когда училась в ВГТ тоже кататься на лыжах ходили в овраг, а потом жила на Оржоникидзе. Во втором районе был ещё хороший ресторан «Кавказский». После приезда Косыгина в Воркуту в этом районе стали дома строить.

— А вы помните, там, в начале улицы, между домами, был раньше ЖЭК и продуктовый магазин, а сбоку палатки, где продавали осенью арбузы! Ох, и вкусные были арбузы!!! Не то, что нынешние… Да и в очереди стоять было одно удовольствие. Честно, сам всё добывал, и радовался этому…

Арбузы продавали на углу магазина. Там загородку делали почти у самой колонки. Много арбузов разбивали, и нам (пацанам) доставались бесплатно.

— Снос Орджоникидзе начался с дома № 11, где я жил. Вдоль дороги решили проложить теплотрассу. При прокладке, бульдозер раскопал старую узкоколейку железной дороги, проходившую когда-то вдоль улицы. После прокладки короба с трубами теплотрассы, началась просадка мерзлоты. Дома в том месте стояли на болоте. Наш дом начал падать и его подперли брусьями. В результате долгих боёв с властями, всех переселили и на его месте построили новый дом. Но и он долго не простоял.

Через дорогу от моего дома так же прокладывали теплотрассу. Громадный экскаватор долго грыз землю ковшом-лопатой, пока прогрыз в ней канаву. Не скажу, глубокая она была или нет, для меня тогдашнего она казалось глубоченной. На одной половине дороги лежала куча земли, по второй мы ходили в молочный магазин. У перекрёстка канава сворачивала и шла опять же по ещё одной громадной луже за здание милиции, где снова под трапом сворачивала влево к котельной. Эдакая буква «П» на квартал. Другой же конец уходил в сторону бывшей бани, впоследствии ставшей молочным магазином. Смешно и то, что канава проходила как минимум ещё через две громадные лужи и помойку, пересекала дорогу к поликлинике, шла мимо детского сада, проходила вдоль моста через ручей, скрываясь где-то в районе родильного дома и больницы. Деревянный трап, что шёл к

школе, оставался на своём месте. По нему ходили люди в шахту и обратно.

Когда в короба уложили первые трубы, мы заглядывали внутрь. Интересно было!.. Потом появились рулоны смолы. Мы отрывали куски и жевали. Воняла она нефтью, однако жвачки в то время у нас не было. Да и была ли она вообще?!

— А ещё во втором районе кроме «горноспасаловки» была и пожарка, с её пятиэтажной каланчой, самое высокое строение в районе после телевышки! В ней (каланче), на уровне нижнего перекрытия пятого этажа, лежали несколько незакреплённых брусьев на которых сушили пожарные рукава… Было особым шиком справить хотя бы малую нужду с этих брусьев и не ухнуть вниз… Хотя и такое бывало!.. Один наш товарищ с горноспасаловки ухнул вниз, но ведь снега-то до второго!!! Результат-5 минут обморока.

Помню и я нашу пожарку. Находилась она наискосок от остановки из города, или через дорогу от остановки в город. Как-то раз мы туда совершили набег, очень уж хотелось полазить по деревянным домикам, лестницам и прочей чепухе. Но нас быстро прогнали. Так что получить удовольствие нам не удалось.

А вот со второго этажа дома дореволюционной постройки, прыгнул. Не в снег, а на асфальт. Поспорил, и прыгнул. Развели, как дурачка.

Родные места

— Мне до сих пор каждую ночь снятся сны про мой город! хотя уехала оттуда очень давно! Очень скучаю по нашим людям, природе, такого больше нет нигде, и уже никогда не будет!

— Я уехала из Воркуты в 13 лет. До сих пор помню, как плакала на вокзале, и просила маму остаться. Говорят, что годы стирают воспоминания, но забыть родной город невозможно.

Нет, для меня Воркута не была родным городом. Я был туда привезён на показ отцу, пока был жив. Мать была уверена, что не довезёт меня до посёлка. Я оказался хитрее. Не только дожил, но и выжил в том климате. Можно сказать, что мой посёлок стал моим вторым родным домом.

А вот сестра моя так она родилась в посёлке. Я даже помню, как ходил смотреть на неё. Да что можно было увидеть снизу?.. мать была на третьем или четвёртом этаже, показывала из окна какой-то кулёк. Разве рассмотришь с такого расстояния?!

Смешное произошло когда сестра получила аттестат!.. Имея в деле копию свидетельства о рождении, какой-то малограмотный завуч, видя место рождения Коми АССР, написал в графе национальность — комячка! Во, проблем было!.. А сестра плакала. Ей обидно было, что её, русскую, в комики записали.

Вообще-то в нашей семье поверье какое-то было с этими национальностями. Может поэтому я такой интернационалист, и ненавижу нацистов. Когда я родился, а надо сказать, что матушка моя родила меня в селе, а не в родильном доме, бабка пошла в сельсовет, зарегистрировать это потрясающее событие. Председатель и спросил:

— Национальность?

Бабка моя неграмотная была, читала по буквам, складывала их в слоги, после слово целиком произносила. А тут такие словеса!.. Ну и говорит:

— Да откуда же я знаю?! Сначала здеся были русские, и мы были русскими. Потом румыны пришли!.. А теперь и не знаю!..

Председатель видимо уже сталкивался с подобными случаями, говорит:

— А ты-то сама, бабушка Ефросинья, кто по национальности: русская или украинка?

Бабуля, забыв, что родилась в российской империи при Николае втором, не долго думая, говорит:

— Ну, коли я на Украине живу, то, стало быть, украинка.

— Значит, и внук твой кто по национальности? — Обрадовался такой смекалке председатель.

— Украинец. — Ответила бабка, не подозревая, что делает.

Когда она пришла домой с этой бумагой, мать сначала разозлилась, а потом от хохота никак не могла отделаться. Всё смеялась:

— Папа рус, мама рус, а Иван молдаван!..

Пришлось ей идти, переделывать метрику.

Жители севера

— Вспоминаю наш двор на улице Гоголя, продуктовый магазин в нашем доме с самым вкусным мороженым. Как перебегали дамбу, идя в школу номер тридцать, и, возвращаясь домой, катались с горки на портфелях возле подземного перехода. Помню огромные сугробы, в которых выкапывали целые лабиринты. И прав тот, кто говорит, что на севере особенные люди: добрые и отзывчивые! Поверьте, таких я больше нигде не встречала. И забыть свой самый любимый и родной город невозможно. Только очень жаль, что нет возможности приехать туда ещё хоть ненадолго!

— Помню, ехал в поезде ЭР-200. Из Москвы в Санкт-Петербург. В вагоне-ресторане подсели два педагога. Один из политехнического, другой из Горного. Говорю, что учился в ЛГИ, только в Воркутинском филиале. Как он обрадовался, что я из Воркуты. И рассказал историю из восьмидесятых годов. Как однажды попали в пургу… Как оставили машину… Как было тяжело и страшно… На их счастье с ними был Воркутинец.

«Еле дошли до посёлка, где заснеженные бараки, из которых торчали одни антенны. В первое окно, где свет горел, постучались. Открылась дверь и на пороге стоял огромный…

„Наверное, шахтёр!“ — Сказал преподаватель.

Вот тут и произошло самое страшное! Воркутинец попросился в туалет!.. Я думал, нас, за эту выходку убьют! Но ничего подобного!.. Нас пригласили, накормили и дали возможность переждать пургу. Да! Какие замечательные люди — эти Воркутинцы! — И добавил, — Попросись в туалет в Москве или в Санкт-Петербурге, в лучшем случае пошлют… Или скинут с лестницы».

Да, там, за полярным кругом на 67-ой параллели, иначе нельзя. Там пьяные по улицам не валялись. Каждый знал, что, не дай бог, он окажется в таком же положении?! Поэтому помогали друг другу, спасали друг друга. Продукты хранили в общем тамбуре на полочках, и никто никогда не брал чужого. Замков в дверях не было. А зачем они нужны? От кого закрываться?!

— А ещё Воркута конца 50-х — начала 60-х — это мощный культурный слой. Писатели, артисты, музыканты. Не все же уезжали сразу после освобождения…

— Помню, это было в шестом классе. Наша классная руководительница Тамара Ефимовна Бачило повела весь наш класс на творческую встречу с московскими писателями. Был жуткий мороз. Всё проходило в каком-то деревянном доме

культуры, не то строителей, не то железнодорожников. Дерево трещало от низкой температуры. Мне хорошо запомнился молоденький, начинающий писатель Аркадий Арканов. Он читал свои юмористические рассказы, а за спиной его на сцене важно восседали московские писатели, и смеялись вместе с залом. Вдруг Арканов остановился на полуслове, ему что то шептали его товарищи, он бросил свою книжку и пулей выбежал на улицу. За ним, немного помявшись, короткими перебежками, последовали все писатели со сцены. А затем и весь зал. Толпа замерла, и устремила свои взоры на небо. Там в ясном и чёрном небе, играя невообразимыми красками, гипнотизируя всех и вся, полыхало СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ. Арканов заплакал…

— СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ! — С восторгом вспоминала Тамара. — Такого больше нет нигде. Ночью пришёл папа со второй смены в шахте. Разбудил нас, совсем маленьких. Мы обули валенки на голые ноги и кроличьи шубы на ночнушки, и на улицу в крутой мороз. А там!!! Небо живое, всё переливается цветными стёклышками! Небо гуляло почти 20 минут. Мы стояли разинув рты и не ощущали холода.

А я не помню северного сияния. Видел его не раз, но совершенно ничего, как топором вырубило. Помню лишь, когда в первый раз это случилось, все взрослые весёлые были, кричали: «беги на улицу, смотри!». Я выбежал, как тут уже говорили, в валенках на босу ногу, в трикотажных тоненьких спортивных штанишках, в пальто почти на голое тело, без шапки!.. Забежал за угол дома, там, говорили, лучше видно, но дальше ничего не помню…

— Вспоминаю, конечно, уже не часто. Но если что-то вспоминается, то только хорошее. Помниться как рыли норы в снегу, потом их закрывали чем придётся что бы не завалило снегом, играли в хоккей, ходили на лыжах по району, как домой не мог попасть потому, что руки отмёрзли.

— Да, ходы в сугробах! Когда объявляли актированный день, играли в них целый день. Там было тепло. Мы прорывали ходы в сугробах, где-то с метр высотой, под небольшим уклоном, потом накрывали траншеи досками, от товарных вагонов, снег продолжал сыпать, и получались лабиринты под снегом. Жил я в посёлке Горняцком. Мороженное круглый год в магазинах! Каток на шахте «Комсомольской».

У нас было два катка. Один напротив хлебного магазина, с торца, другой визави через дорогу. На обоих, как только выпадал снег, строили снежных дедов-морозов, раскрашивали, и всё это делалось за ограждением из досок. Потом их, доски, убирали и на свет появлялись громадные, цветные деды-морозы. Чуть позже

привозили ветки, которые прибивали к специально вкопанному столбу, получалась большая ель. На неё вешали гирлянды из обычных крашеных лампочек, которые включали по ночам. Иногда на ветках можно было видеть игрушки. Простенькие, но всё же приятно было среди зелени обнаружить блестящего петушка или белочку. А через дороги перекидывали другие гирлянды, со звёздами в центре, и цветными лампочками на проводах, что держали эти звёзды.

Второй каток не освещался, хотя возможно, что я просто не помню этого. А вот первый освещался. На столбе у дороги висел большой прожектор, направленный на каток. На столбе внизу был выключатель. Очень интересно было выключить его, когда на горке и катке сотни детишек!.. Такой визг поднимался!.. Потом выключатель сняли. А может, перенесли куда, не знаю.

— А мы рыли во дворе на Пищевиков 1 норы в сугробах и блиндажи, и я там боялась застрять внутри! Когда приходила домой, рукавицы снежные сами с рук падали! У нас строили девятиэтажку во дворе, огородили площадку, оставив узкий проход возле дома, и там был такой сквозняк, что меня ветром сдуло, по льду катило так, что я остановилась только за углом возле предварительных билетных касс!

— А меня один раз чуть не завалила снегом снегоуборочная машина!

— А я всё время пропадала на катке Северном седьмая шахта, и на Промышленном тридцатая шахта. На Северном было лучше, особенно буфет. Ходили босиком, в носках вязанных, воробьи летали, самовар большой и пончики с повидлом. В три часа дня уже темнело.

— Никто, кроме воркутинцев, не поймёт воспоминаний о лучшем на свете детстве!!!

— А я ещё 13 лет назад жила на Бульваре Пищевиков дом 33а. Помню, как играли в царя горы, как в овраге катались на лыжах и санках, и боялись скатиться в речку вонючку. С великой тоской вспоминаю Воркуту, но понимаю что, в одну реку 2 раза не войдёшь.

— Мы жили в посёлке Северном!.. Вспоминаются каток, северное сияние, высокие сугробы до второго этажа, Мороженое в фольге, высокая ледяная горка, как прыгали с сараев в сугробы. Варежек, носков штанов было по две-три пары, за ночь не успевали сохнуть.

— Я помню, как прыгали в сугробы через забор с беседки в детсадике на Маяковского, где я жила, после чего из пим дома снег с ледышками вываливался!.. А потом, пока спала, мама в носки горчицу насыпала, чтобы я не заболела.

— До сих пор снятся сны, мой дом детства в посёлке Комсомольском. Северное сияние, полярный день и яркий красный шар над горизонтом. Мы гуляли летом долго, жгли костры и пекли картошку. Играли в какие-то игры: в «Чижа» и в «Выбивалу», в прятки. Летом ходили в тундру, собирали щавель, морошку, голубику, грибы и просто рвали прекрасные букеты из цветов, колокольчики, купальницы и так далее. А какой это был прекрасный, неповторимый аромат. Таких цветов больше нигде нет в мире. Я даже засушила веточку колокольчика, она до сих пор лежит у меня в блокноте. Осенью, когда возвращались после каникул к учебному году, всё кругом было усыпано белыми ромашками, как снегом. — С грустью в голосе рассказывала Тамара Скиба.

— Я конечно постарше вас. Но помним мы Воркуту и наши дети, вашего возраста тоже помнят. И сугробы, и окопы и тундру. В Воркуте прошла наша молодость, дети пошли в садик, а потом в школу в 5 в посёлке Октябрьский. А мы жили на горке у части. Всё помним, но разочаровались, когда в 2007 году приехали в Воркуту. Нет уже той Воркуты, всё разваливается, да и ромашки, о которых вы все пишите, нет их. Жаль и очень жаль.

Актированные дни

— Радио дома слушали с 6 утра. Актированные дни же объявляли, когда мы уже умылись и надели форму, погладили галстуки, но завалиться спать вновь это не мешало.

— А актированные дни! Ждёшь, когда его объявят актированным, и гулять!

— А зимой, сколько было всего интересного зимой?!! Катание с горок на санках и на лыжах с карьеров и ещё с трамплином. А в сугробах рыли пещеры, целые квартиры.

— А помните, была сильная метель? Когда и людей унесло в тундру… И сугробы были, что даже из подъезда не выйти…

— Да, мы уехали лет 13 назад. Первый год с сестрой плакали бесконечно, потом ничего свыклись с участью жить в чужом городе. Он, кстати так и не стал нам родным, а Воркута, это супер, вечные актированные дни в школе и соответственно можно было наиграться до упада в «танчики».

— Актированные дни наверняка все помнят?! По радио передавали в семь часов, в 7-30, и в 8-00, ждали с нетерпением. Самое интересное до школы две минуты ходу, актируют, а мы целый день на улице гуляем! Погода нипочём! Однажды актировали две недели по 11 класс, мы в школу не ходили, радовались, а потом нам сказали, что весенних каникул не будет, вот облом был.

— А для нас самым любимым развлечением был каток за линией, за бульваром. Ходили туда в любую погоду, даже в актированные дни. Самые модные коньки были беговые «ножи». Каток был для нас тем, чем потом стала для молодых дискотека. Там так же, как на танец, приглашали прокатиться круг. На большее обычно нас не хватало, надо было бежать в теплушку, отогреваться. Ноги замерзали так, что было дико больно. Но даже на этом катке тогда была маленькая секция фигурного катания. А это был конец пятидесятых, и мода на фигурное катание была ещё далеко.

— А как-то было, что после Нового года, благодаря актированным дням и эпидемиям гриппа, каникулы были аж до моего дня рождения 19 января. Это было счастье!

— Помню какую-то эпидемию, так долго длилась, что стали по телевизору задавать домашнее задание.

— Актированные дни невозможно забыть, а в тундре на лыжах, палкой ударишь, а там замороженные брусника, пьяника!!! Объедение!!!

— Да!!!! Актированный день — это было здорово. Мороз -40,

а мы на ледяную горку. Кто на санках, кто на картонках. А однажды мы нашли крышку от лакированного чемодана. Вот это была скорость, дух захватывало! Родители на работе, а в «актированный» на горке детей полно… До сих пор удивляюсь, как не отморозили себе ничего?!

— Актированные дни — уже с утра ждёшь у радио, объявят или нет. Если объявят, то за подружками и гулять. А когда сильные пурги — летающий шифер, сейчас, наверное, не летает уже, а раньше ещё как летал!

Ещё конечно, помнится горка около Олимпа, интересно, много костей там переломали или не очень. Всякие фигуры ледяные, и пурги, особенно одна, когда мне лет 9 было, тогда реально думали, что конец света настал.

— Помню школьные годы, страшные метели, когда терялись люди в тундре. После работы многих забирали на вездеходе в посёлок Цемзавод. Актированные дни, хотя многие даже и не знают, что это такое. Северное сияние. Как жаль, что этого всего я больше не смогу увидеть!!!

— Я жила на Воргашоре по Шахтостроительной 12-а. Из моего окна были видны ясли для грудничков, сейчас там Церковь, моего дома нет, а дальше бескрайние просторы тундры, это запечатлелось в памяти… Даль… Горизонт. Где тундра соприкасается с небом, ну, и, конечно, посёлок, любимый и родной…

— Помню всё, никогда не забуду. Наши пурги, мы делали пещеры длинные. Морозы. Северное сияние! Полярная ночь! Полярный день! Добрые отзывчивые люди. Таких нигде не встретишь! Снежный городок в нашем дворе, на Воргашоре. Детство на двадцать пятой шахте. Высокие горы. Катание на лыжах.

— Снежный городок у нас был классный. Прямо под моими окнами. На моём любимом Юр-Шоре.

— Попрощалась я с Воркутой, когда мне было лет десять… Больше всего помнится, конечно, тундра с её грибами и ягодами. Много снега, северное сияние, каток, большая горка, покрытая льдом и огромные раскрашенные фигуры сказочных персонажей. А ещё — друзья детства, которых помню и люблю до сих пор.

— А зимой так много снега, что мы с мальчишками прорывали в высоченных сугробах всякие ходы и даже комнатки делали внутри, натаскивали картонки и вели интересные длинные беседы…

— Вспоминаю наш двор на улице Гоголя, продуктовый магазин в нашем доме с самым вкусным мороженым… И забыть свой самый любимый и родной город — Воркута?! Невозможно.

Только очень жаль, что нет возможности приехать туда ещё, хоть ненадолго!..

— А я работала в магазине на Гоголя. А когда приезжала в Воркуту — магазина уже не было. И Воркута уже не та. Так жалко юности и прошлой жизни.

Летняя тундра

— А я запомнила много ромашек, я всегда их любила и сейчас обожаю. Тундру, пеструшек, которых ловили руками. Чучело оленя с которым все фотографировались в парке, а потом и возле фонтана на улице Ленина.

— А мятлик не забыли, как собирали по тундре? Норма была 400 грамм, а семена лёгкие-лёгкие, и мы подсыпали немного песка для веса. Трогаю указательный палец сбоку, немного грубоватый, толи от мятлика, толи от ручки.

— Замечательные места! Родина! И этим всё сказано. Так хочется хоть на недельку вырваться туда. Всё вспоминается с теплотой — и как в младших классах собирали мятлик (а это оказалась щучка), и летом футбол, зимой хоккей во дворах. Посёлок Тундровый, улицу Угольную, как соседи лук выращивали в огородике, и как редиску рвали на Тепличном. Всё, сейчас расплачусь, извините…

— Я помню, как собирали в школе мятлик — такие метёлки с травы — в целлофановые пакетики. Бродили по тундре в овраге. Так и не знаю, зачем и куда этот мятлик нужен?

— Мятликом мы называли метёлки с семенами — это травка, которую кушают коровки. Его собирали как семена, которые высевали в совхозах на Сейде, Мескашоре, и на Молоканке, станции «Песец». Причём он давал неплохие урожаи.

— Мятлик я тоже помню. А ещё ходили по квартирам и собирали макулатуру. А после первого сентября обязательно всей школой ходили на природу на седьмое небо возле рудника.

— Вспоминаю: сугробы, как мы прыгали в них с крыш сараев в посёлке рудник, кто дальше; как катались на лыжах в мороз по тундре, а осенью месили глубокую грязь в резиновых сапожках, и шли след в след; как мама завязывала меня поверх шубы пуховым платком, когда я шла в школу в пургу и мороз, как в школу не шли, а катились на пятой точке с горы прямо до окон школы! Огромные тучи комаров в тундре, и красивые грибы!!! Конечно седьмое небо рудника, и, конечно, мятлик…

— А как насчёт «плавания» на плотах весной в тундре? Снег тает, воды много… Обуваешь резиновые сапоги, хотя они не помогали, всё равно воды наберёшь, запасаешься длинными палками, чтобы было чем отталкиваться, и вперёд, «в плавание». А ещё, помню, любили ходить по трубам.

Дворец пионеров

— А когда строился Дворец пионеров, мы старшеклассники, убирали строительный мусор! Бегали на каток за линию, на улице Шахтной, прыгали с крыш с сараев за 7 магазином, в актированные дни ходили в кино «детям до 16 лет». Или катались по городу на автобусах «Городское кольцо», когда из-за морозов, гулять совсем было уже не возможно. И «Лакомка»… Всё это было… Было… Было детство, юность, и мы были так счастливы!

— Зимний сад во Дворце пионеров. Ужасные походы всем классом к стоматологу, ледяной городок был как раз напротив нашего дома по улице Ленина. Мы с братом гуляли в овраге и приносили домой грибы и голубику. Очень хорошо помню первый день в тридцать пятой школе. Это был пятый класс, и я уже приготовилась к положению новенькой, вся такая колючая и настороженная. Но меня так просто приняли, что в первый же день, и впервые в жизни, я получила замечание в дневник. За то, что рисовали с Анжелкой карикатуры на Евпатия Коловрата. Мама была в шоке!

— Город детства и юности. Вспоминаю с грустью и теплом! Как там было хорошо! Мы любили школу, наших учителей, любили дворец пионеров, построенный для нас, и где мы чувствовали себя хозяевами, приходи, когда хочешь, в любой кружок, секцию или студию, и тебя примут, и тебе рады!

Дворец пионеров помню. Был я в нём дважды. Первый раз, когда там шла стройка, и ничего хорошего там не было. Второй раз, когда нам делали экскурсию по нему. Боже, как там было красиво! А какой спортивный зал!!! Больше ничего не помню, настолько он меня поразил.

— Да, дворец Пионеров помню хорошо! Меня не взяли в танцевальный кружок — якобы толстая, не прошла кастинг! А из бассейна тоже вылетела — несоблюдение дисциплины. Тренером там была тётка жуткая, и не помню, как звали! Но больше всего во дворце пионеров, помню, кафе — там было такое классное, мороженое, и мы его после бассейна, с мокрой головой, ели, а тренер приходила и гоняла нас.

Футбол и мореплаватели

— А деревянный стадион, который сожгли. Я ещё помню, как с папой ходили на футбол. А деревья, которые просто проросли в парке.

На футбол ходил и я. Сам матч я, разумеется, не помню. Одного не мог уразуметь мой детский ум, какого фига 22 взрослых идиота бегают за одним мячом?! Скучно мне стало. Так вот, о первом в своей жизни футбольном матче. Там, за полярным кругом. Люди везде и всегда остаются людьми. Правда, игры меняются. Но тут уж ничего не попишешь — каждому времени свои игрушки. Кому атомные бомбочки, а кому нейтронные. Как пел Юрий Антонов «Всему своё время, каждому своё».

Опять меня занесло. У нас тогда очень любили волейбол. Просто, легко, доступно, по деньгам каждому. Играли в него сутками напролёт. Да и как иначе?! Ведь лето всего два месяца, а потом опять снега, снега, снега! Пурга да метель. Тут уж не до волейбола. В шубе не попрыгаешь. Да и руки к мячу прилипнут, если этот самый мяч вообще смог бы выдержать тамошний мороз. И как бы то ни было, молодёжь отдыхала. А что ещё можно было? Один кинотеатр на весь посёлок, да и то в нём одно и то же показывают. Всё по сотне раз пересмотрели. В тундре не погуляешь. Комары сожрут. Хорошо если хоть скелет домой добредёт!..

Кстати, о кинотеатре… Помнится, моё детское понимание мира никак не могло понять, зачем люди по окончании фильма аплодировали? Это же не театр? Актёров здесь нет, разве что на экране!.. Кто-то мне объяснил, что это уважение к тем, кто создал фильм, и киномеханику, за хорошо проделанную работу. В то время часто плёнка рвалась, некоторые киномеханики пускали плёнку задом на перёд, или вообще путали куски. Так что были основания обижаться на них, были основания и хвалить.

Теперь, спустя много лет, приходится наблюдать за деградацией кинотеатров. Если раньше туда ходили отдыхать, посмотреть хорошее кино, приятно провести время, то нынче!.. Пожрать попкорна, попить пивка, поплеваться семечками, позажиматься с девицами и так далее, и тому подобное… Раньше в кинотеатрах по громкой связи правила поведения читали, знакомили, так сказать, с культурой поведения в общественном месте. Заходя в помещение, мужчины должны были снять головной убор, женщинам дозволялось оставаться в платках. А нынче, кто об этом помнит?!

— В конце улицы Комсомольской, позже улицы Свердлова, по

правой стороне находился кинотеатр «Мир». — Вспоминает Тамара. — Если завернуть за него направо — будет спортзал «Юность». Дальше, на параллельно Комсомольской, улице находился новый Дворец культуры и школа 33. Вверх по этой же улице слева находилось 2 новых пятиэтажных дома — основа будущего квартала Заполярного для современной поселковой молодёжи.

Да, комаров кошмарных помню… И волейболистов… Кстати, ещё один ориентир — напротив милиции и вечерней школы находилась ещё одна детская горка. Это почти у моего дома было, через дорогу. Там же перед горкой была волейбольная площадка. Я любил сидеть на заборчике и смотреть, как взрослые играют.

И, тем не менее, я лично очень любил ходить в тундру. Забирался на самый высокий холм и смотрел, смотрел, смотрел. Как будто впитывал в себя всю эту красоту. Обожал валяться, кувыркаться во мху. Вы никогда не пробовали? Жаль. Вот это действительно жаль. Куда там матам и борцовским коврам. Да и спрятаны они в спортивных залах. А тут сколько тебе угодно, без ограничений. Катайся себе и никуда не свалишься. Нет, тут я не совсем прав. Всё же надо быть осторожнее, так как можно случайно скатиться в речку, которая тихо журчит у подножья холма. Вы скажете, что можно с другой стороны холма кататься? Конечно, но речка хитрая, она своими рукавами-ручейками огибает практически каждую себя уважающую сопку. Утонуть не утоните, а вот остынете мгновенно. Очень эффективное средство для отрезвления горячих голов.

— Помнишь памятник Ленину, вот за ним и был дом Оли Дёминой. Она жила в коммуналке с Генкой Ковалёвым. Я жила не в центре, а ближе к старшей школе. Центр у нас мог считаться продовольственный магазин. — Рассказывала Ольга Нику.

Но, вернёмся к футболу, о котором ещё ни одного слова не сказано. В тот день было жарко, где-то градусов 19, а может и все двадцать. Меня с утра уведомили, чтобы далеко от дома не уходил, не вымазывался, вёл себя хорошо. Ну, как Серёжа из стихотворения Евгения Света.

Нарядили меня в синенькие штанишки, с беленькой рубашечкой. Нашли, во что пацана наряжать. Вышел я такой красивый во двор, а там Павлик с рыжиком давай надо мной хохотать. Ещё бы. Они-то в трусах непонятного цвета — лазай, где хочешь. А мне ходить и то страшно. Стою столбом на крыльце, дурак дураком. Они на качели, а я завидую. Они каски с коногонами напялили, и давай уголь в сарай лопатами кидать, а я слюнки глотаю. А тут, как назло, мой одноклассник появился, Вовка Червяков. Может Димка, не помню. Увидел меня и кричит:

— Пошли на паровоз!
А я ему:
— Какой паровоз?
— Да на запасные сегодня ночью загнали.
— Не могу. — Говорю, а у самого аж слёзы от обиды.

Эти два дружка мгновенно уловили суть. Бросили свои качели с лопатами и к Вовке. Тот хвост распушил и повёл их к заветному паровозу. Какая душа вынесет такое издевательство?! Я не стал долго раздумывать, а просто спрыгнул с крыльца и за ними. Ну что может случиться плохого, если я только одним глазком взгляну на паровоз. Рубашка от этого чёрной не станет. А то, что со двора ушёл, так это мелочи, главное — чистым остаться. Вот так размышляя, догнал своих друзей и мы побежали, чтобы успеть вернуться домой, и никто не заметил бы нашего отсутствия.

Паровоз действительно стоял в тупике. Только загнали его туда явно не этой ночью, а с недельку назад. Впереди блестела очищенная от копоти и грязи звезда. Да и весь он был какой-то подозрительно чистенький. Я осторожно потрогал поручни и посмотрел на руки. Сажи почти не было, ну совсем чуточку… Тут над моей головой раздался ликующий вопль Павлика. Он из кабины выбрался в тендер и теперь сидел на краю очень высоко над землёй. Я не выдержал и влез внутрь…

Вы никогда не бывали в паровозной топке? Зря!.. Нет!.. Нет!.. Разумеется, не в горящей!.. Как вы могли подумать!.. Классно! Представляете, как там хорошо играть в прятки?! А сколько там интересного!.. О! Вы много потеряли. Если вдруг выпадет такая возможность, то не примените заглянуть. Получите массу впечатлений.

Поиграли мы совсем немного, темнеть только начало. Хотя здесь это понятие весьма относительное. И тут появились моя и Павлика мамы… Этот дурачок выскочил из паровоза и в рёв, а я в другую дверь, да задами, за сараями, по свалкам домой, мол, никуда не уходил, ничего не видел, ничего не знаю. Возвращаются тут они, погоняя несчастного Павлика длинной хворостиной, как козлёнка какого-то, а я спокойненько так сижу себе на самом краешке качели, с понтом дела, катаюсь. И вдруг они замерли соляными столбами. Стали и глядят на меня, как будто никогда в жизни не видели. А я так им:
— Что случилось? Куда вы все подевались? На футбол пора

идти, а вас никого нет.

Наверное, правы были предки, говорившие, что «молчанье — золото». Но я тогда ещё об этом не знал. В общем, футбол прошёл без меня.

А на следующий день меня вновь вырядили, как чучело огородное. В гости мои родичи собрались. Я, разумеется, наученный вчерашним горьким опытом, как шёлковый вдоль крыльца хожу, ни к чему не прикасаюсь, никуда не присаживаюсь. От грязных мальчишек на десять шагов держусь, подальше. Им тоже скучно со мной. Пошептались они, да и сгинули куда-то. Хожу я так по двору, как зэк по камере. Тут тётя Рая, Павлика мамка, высунулась в окно и зовёт этого оболтуса. А я так это ехидненько, нема, мол, вашего красавца. Тут и моя мама вышла на крыльцо. Смотрит, какой я приличный, да порядочный, и говорит, поди-ка найди этого паршивца. Ну, я и пошёл. Иду по посёлку, заглядываю во все дворы. Нет его нигде. Шёл довольно долго. Когда гляжу — забор. Не такой, за каким заключённых содержат, другой, с дырками. А за забором стадион. Ну, поле такое громадное, а вокруг скамейки в несколько этажей. Но не это меня привлекло. Там, за одной из трибун находилась пожарная яма. Очень глубокая и довольно-таки обширная. Вода в ней от мазута не отличить. Хотя может именно он там и был. И плавает в этом рукотворном бассейне здоровенная шпала. На ней, как на коне верхом, сидят 5 пацанов. Весёлые такие! У меня аж челюсти от зависти свело. Кто ногами, кто руками, кто досточкой, гребут, к берегу пытаются причалить. Но корабль у них капризный оказался. Он плыл куда хотел, да только не туда, куда желали новоявленные мореплаватели. А на берегу стоит и вопит во всю глотку мой сосед Павлик. Тот самый, которого меня послали найти. Опасаясь быть втянутым в эту грязную лужу, я решил спрятаться и подождать событий здесь за забором. Благо, меня никто не видел. Покорители морей сидели ко мне затылками. Павлик, правда, мог увидеть, но ему не до того было. Он требовал пришвартоваться немедленно. Но шпала крутилась ровнёхонько в самом центре водоёма, делая круги, как кит вокруг селёдки. Лишь время от времени, слегка приближаясь к пустынным берегам. Павлик надрывался. Он среди нас был самым сильным. Грозился! Но что могли поделать моряки, если шхуна потеряла управление?!

(Фото № 61 — П. Комсомольский стадион начало 60-х годов — А. А. Кузёма)

Я уже было, вознамерился высунуться и позвать соседа

домой, но тут импровизированное судно снизошло до требований, оставшегося на берегу, капитана и приблизилось к суше настолько, что Павлик от радости запрыгал на месте. Шпала медленно, очень медленно подкралась почти к самому берегу и в тот момент, когда Павлик занёс ногу, чтобы вступить на палубу, резко увернулась и решительно стала отдаляться от берега. Тогда мой сосед сделал героический поступок. Он просто прыгнул. И вы знаете, удачно! Его ноги коснулись просмолённой поверхности доски, и!.. Ну не учёл он того, что скользким окажется путь моряка. От соприкосновения бригантина вздрогнула и перевернулась, сбросив с себя весь экипаж. Туча чёрных, грязных брызг фонтаном ударила в небо. Я от неожиданности выскочил из своего укрытия и бросился к луже. Некоторое время по поверхности расходились масляные, жирные круги. Потом из чёрной мути возникла первая голова. О том, что это голова, можно было только догадываться. Вслед стали появляться другие. Они выныривали и вновь уходили под воду. Плавать из них никто не умел. Я сам не владел таким искусством. А потому стоял, разинув рот, и не знал, что предпринять, и кого позвать на помощь. Чёрные руки пытались ухватиться за скользкую шпалу, но это лишь придавало последней дополнительное ускорение, от чего она решительно, сначала приблизилась, а затем и причалила к берегу. В этот момент я боковым зрением, каким-то невероятным чутьём, увидел огромную катушку с кабелем. Со всех ног бросился к ней, схватил кабель двумя руками и потащил на себя. Катушка покатилась прочь к трибунам, раскручиваясь. Я же ринулся к луже. Стоя у самого края, как только мог, размахнулся и швырнул конец кабеля в воду. Кто поймал первым, не знаю. Да и не смог бы я узнать его, ни при каких условиях. Цепляясь за провод и друг за друга, все отважные моряки выбрались на «необитаемый остров». И первое, что они сделали — это бросились меня обнимать…

Воспоминания

— Город детства и юности! Только хорошее… Друзья бескорыстные, с которыми можно было обо всём… Город в огнях. Улица Ленина, Ленинградская, Ломоносова, Московская… Да, и многие другие. Можно было гулять ночью и не бояться ничего, восхищаться лёгким падающим снегом, который таял на губах… Боже, как это было прекрасно!.. Всё помню!.. Ценю и никогда не забуду!..

— А на Новый год вокруг фонтана у ДКШ делали огромные ледяные фигуры зверей, и по ним можно было лазать!!!

— Кинотеатр «Родина» на московской. Попкорна не было, зато полные карманы семечек и пломбир в вафельном стаканчике.

— Я помню очень многое. Помню, как ездил на военной санитарке в Загородный детсад, как получили, а потом переехали в двушку на бульваре Пищевиков 18 «А», как ходили с друзьями во дворец пионеров на спортивную гимнастику к Зыкову Виктору Ивановичу, в плавательный бассейн. Сколько было интересных кружков в доме пионеров. Помню свою школу 35, в которую пошёл в первый класс в 1970 году, свою первую замечательную учительницу Алевтину Васильевну Попову. Помню всех своих одноклассников. Помню, как ходили с Эдиком Мазно в дом Шахтёров в филателию. Мятлик, пеструшек, снежные лабиринты, хоккей в сорокаградусный мороз, «Эскимо» по 11 копеек, кинотеатр «Родина», особенно первый показ «Джентльменов удачи», лодки в парке, тундру, короткое лето, длинную зиму, спутник в руке памятника возле горного техникума. Всё вспоминаю с любовью и со слезами на глазах. Ностальгия.

(Фото № 62 — Кинотеатр «Юность» — А. А. Кузёма)

Да, такого эскимо, как в Воркуте, я не видел больше никогда, не говоря уже о том, что на вкус даже близко не попадалось. В золотой фольге, на круглой палочке, срезанный конус, если, конечно, так можно сказать. А под фольгой такой желанный, манящий, вкуснячий шоколад!.. А под ним!..

— Воспоминания лишь тёплые… И почему-то грустно от них… Сияние северное!.. Этим всё сказано! Да мы просто счастливчики, что видели это чудо природы!!!

— Белые ночи… Оленеводы… И, конечно же, наша мощная пурга!

— Ну а каток в посёлке Северном, куда мы почти целым классом отправлялись каждое воскресенье в 6 утра — это вообще

тёплые воспоминания. С мальчиком за ручку, музыка поёт, я даже помню какая. А ещё Воркутинский вокзал, когда после лета приезжаешь, какой — то особый запах и серость, серость… И ночи, которые будут ждать тебя ближайшие 10 месяцев.

— А ещё ходили за Северную шахту по висячему мосту снежные лавины пускать. После пурги нависали большие сугробы. Встанешь на край сугроба на горке, и прыгаешь, пока всё не рухнет. Летишь кубарем с кучей снега и народа, кто где. Только руки и ноги мелькают. Ну и, конечно, на санках и лыжах с горы!.. Здорово!..

— Уехали из Воркуты, когда я окончила седьмой класс. Те, кому за сорок пять, пятьдесят, наверное, помнят такую фамилию Коган Аркадий Израилевич. В его руках было всё снабжение Воркуты. А мой отец был сварщик от бога, только он ремонтировал Кагановские машины. И вот когда мы уже были на вокзале, приехало столько машин и все сигналили долго-долго. Я была невероятно горда за такие проводы… Так хочу вернуться в детство…

— Жила на квартале Заводском. Тундра совсем рядом, с ребятами жгли костры, жарили сало с хлебом, пекли картошку… Здорово было!!! Также охотились в детстве за леммингами, искали их норки. Всей семьёй ходили по грибы по мягкому, родному мху, морошку и голубику собирали. А вкус морошки незабываем!!!

— Благодаря Воркуте, знаю тундру, и помню, как мы с папой привозили столько грибов, так много я нигде не собирала…

— Летом запомнилось неприятное — атаки гнуса! Этих садистов запомню на всю жизнь — злейшие комары-мутанты, нападают стайкой, жужжат громко и очень больно кусают.

— Запомнилось, что ехал в автобусе, покупали билет в центре салона, там стоял прозрачный купол типа копилки и бобина билетов.

Хм!.. Не помню, где именно был аппарат, но я лично в окошко с билетами не посмотрел. А оно пустым оказалось — билетов не было!.. В автобусе был кондуктор. Услышав, как загромыхала монета в пустом чреве кассы, она обернулась (в момент оплаты женщина стояла к нам спиной, разговаривала с водителем), улыбнулась и, подойдя, оторвала билетик, вынув бобину из сумки. Только после этого я обратил внимание на пустое окошко. Увидев моё расстроенную физиономию, женщина ещё раз улыбнулась, извинилась, показав на бумажку, прикреплённую на стекле над кассой. Только тогда я ещё читать не умел. Отец достал другой пятак и заплатил. Кондуктор отказывалась, но отец объяснил очень просто, мол, мы сами

виноваты, сначала делаем, потом смотрим, что вышло.

А мне так хотелось получить билет из кассового аппарата!..

— Помню, как с подругой поехали в город на железнодорожный вокзал, а там продавали тушь немецкую с зеркальцем… Вот счастья-то было, импортная, не Ленинградская!..

— Вспоминаю поезд «Москва-Воркута», каждый год весной до Москвы, через три месяца назад до Воркуты. Перестук колёс, перезвон чайных стаканов. Овраг на Яновского — однажды там, в глине, увязла.

— Я вспоминаю, как летом на море на самолёте летали. У трапа верхнюю одежду снимали и родственникам отдавали потому, что на море лето, а у нас ещё зима продолжается. А потом рассказываешь кому, не верят, что так бывает!

— Помню воркутинский аэропорт. Любила на самолёты смотреть. Я там, у папы, частенько бывала. На вездеходе переправлялись, и на вертолётах полетала… А ещё помню, как папа полные тазы алюминиевые с рыбой северной хариус, омуль!.. Вот это рыбка!!! По соседям раздавал. Мы тогда на Маяковского дом 4 жили.

Пурги, метели, а мороз минус сорок пять!!! Настоящая ЗИМА!! Помню, как руки мёрзли, но так было весело играться в сугробах, ходы делали. А ещё, помню, ПИМЫ. Ноги, как в тапочках, и тепло, горячо ногам как!!! А ЛЮДИ это особая статья. Добрые, открытые и в трудную минуту всегда помогут. Вот и получается, что Воркута это не только память Воркута втекла в нашу кровь и в душу, и останемся мы воркутинцами, где бы мы не жили навсегда!!!

— Я вспоминаю белые ночи летом в Воркуте, и почему-то Воргашор. Когда туда заезжаешь с Запада. Как солнце освещает светло-синие, полукруглые дома… Хотя сама жила в городе.

— Годы, прожитые на севере, по-моему, это никогда не забыть. «Лакомка». Такого аромата кофе и пирожных нигде не встречала. Дворец пионеров, занятия в хоре, каток на «Северной». А белые ночи? Вот где чудо, помню, готовилась к экзаменам до утра, а солнце так и не зашло за горизонт. Кому потом рассказывала на «большой земле» не верят, некоторые даже и не знали в те годы, что есть такой город. А он был, есть и будет!

— Пишут тут про белые ночи. Нет, не белые ночи, а ПОЛЯРНЫЙ ДЕНЬ!.. Город приобретает фантастический вид, тени такие длинные, как будто их и вовсе нет. Светло, на улицах не души… Или вот мелкий осенний дождичек, казалось, ничего нет лучше, чем этот дождичек и ромашки крупные, воркутинские. Помню, подъезжаешь к Воркуте, и непременно этот дождик, и

радуешься ему, и вдыхаешь полной грудью этот воздух с кислинкой. Да, и человек в одном костюме и зимой и летом, и «Лакомка», и чебуреки. Господи, когда же всё это было?..

— Летом, если жарко и можно купаться, ездили на поезде в сторону Халмер-Ю, на карьер, народу! Будто весь город собрался! Тут же рыбалка, а по осени и грибы там и ягоды, и хватает на всех.

— За грибами тоже ходили, но меньше. В основном ездили под Инту. Красноголовики, подберёзовики, белый. А волнушечки солененькие со сметанкой. Эх, сейчас бы под сто грамм волнушечку слопать. Как это можно забыть?

— Да. Походы в тундру за ягодами летом?! Голубика, черника, морошка, брусника. Особенный кайф, когда удавалось найти княжевику. А тундра вся синяя от иван-чая?!

— А у меня столько в памяти о прожитой жизни в Воркуте. К примеру: отец ходил на охоту и всегда приносил куропаток и уток. А когда ездили в тундру, это было запредельное счастье. Небо низкое. Аромат. Голова кругом. И хочется прилечь… И уснуть в такой колыбели… Пока родители собирают ягоды. А ещё собаку с собой брали, которая носилась по тундре без остановки, как ошалелая, а потом охотилась на куропаток.

— А я после техникума работала на сороковой шахте. Там были дома деревянные, а в особо холодное время по помойкам посёлка бегали песцы. Я сначала думала, что это бродячие собаки!.. Оказалось — песцы. Это воротники белые и пушистые, а на самом деле они грязно-серые.

Парады

— До 83 — го года моя семья жила на Ленинградской, по той улице тогда все праздничные парады проходили. Вот собираемся на парад. Настроение у всех зашкаливает. Вдруг, с улицы доносится шум толпы… Музыка… Опаньки!.. К окошку!.. Идут! И мы выходим из дома и в строй! А там!.. Все знакомые!.. Друзья!.. Все свои, как одна семья! По городу играет музыка!.. Шумно, весело!.. Кругом шарики валяются под ногами, как листья!..

Ага, помню. Как-то на седьмое ноября мимо нас колонна проходила. И на перекрёстке её почему-то задержали, прямо перед нашими окнами. Ну, я тут же выскочил, давай на камеры глядеть, в объективы заглядывать. Поначалу меня вяло отгоняли, предлагали на лозунги посмотреть, да на флаги поглазеть. Но мотоцикл с коляской и флагом, в руках сидящего в коляске, меня лично совершенно не интересовал. Народ стоял, переминался с ноги на ногу. Чего-то ждали. Ветра не было, и все флаги обвисли. Их воткнули древками в снег вдоль дороги. И я из-за одного таких столбиков выглядывал, пока киношник меня не прогнал потому, что ему бутылку с водкой туда сунуть вздумалось, дабы начальство не видело. Под флаг вряд ли кто стал бы заглядывать!.. А вечером в новостях моя любопытная рожица в круглых очках мелькнула на экранах телевизоров.

— Да, какие демонстрации у нас по праздникам были!!! Помню, не могла никак решить, то ли с папой идти в колонне, то ли со спортзалом… вроде успевала и там, и там…

— А мы как то ходили в поход классом на какую-то шахту, уже не помню на какую. Ночь ночевали в школе на матах в спортзале. А утром спускались в саму шахту по лестнице. И, так как мы почти всю ночь бесились, для нас эта лестница была очень тяжёлым испытанием!..

Впервые в театр

— Читаю и слёзы на глазах… Вспоминаю, как в тундру ходили… С поджигов стреляли… На Усу ездили, когда там плотину строили… Как копали ходы в снегу… На улице Горняков, маленькое здание, деревянное? Но, какое же уютное было! Там был в этом здании фонтан и зимний сад! На улице мороз или пурга, что света не видать! А там фонтан и живые цветы! Такая красота была! И на его сцене мы танцевали спектакль — балет «Дюймовочка».

Однажды к нам в дом пришла старшеклассница. Она распродавала билеты на представление. Билетики были самые, что ни на есть, настоящие, с печатью. Сколько они стоили, не знаю. Но помню, что в этот год как раз «Кавказскую пленницу» по телику показывали. А там девушка Нина танцевала с мужиками, а потом обманула их и удрала. Эта сцена мне так понравилась, что я тут же поинтересовался, а будет ли там эта сцена? Мне ответили, что будет. И я пристал к матери, чтоб купила билет.

В субботу я направился на это самое представление. Состоялось оно в тундре. Вместо стульев — старые сиденья из грузовиков, явно списанных сто лет тому назад. Кое-где обшивка лопнула, и оттуда торчали ржавые пружины. Никакой сцены не было и в помине. Даже простых занавесей не удосужились подвесить хоть на колышках, что ли?! Старшеклассники пели и танцевали, читали стихи. Им хлопали, правда, не очень охотно. Солнца в тот день не было. Скрылось за тучами, но было достаточно светло. Был там и дядька с аккордеоном. Почему с аккордеоном? До сих пор не понимаю. Видимо, тогда мода была на аккордеоны. Номер из «Кавказской пленницы» всё же показали, но был он сделан так не профессионально, так некрасиво, что я обиделся за оплаченные деньги. В кино девушка исчезала из-за платка незаметно, а здесь все видели, как она слегка присела, а потом просто отскочила в сторону и убежала за аккордеониста. Спряталась за его спиной. Больше я никогда не ходил на подобные спектакли.

Неприятные достопримечательности

— А ещё помню неприятную достопримечательность — вышки с солдатами и заборы с колючей проволокой вокруг строек, где работали зэки…

Был я на одной из таких зон. Не в самой зоне, конечно, лишь за первым рядом колючей проволоки. Было это на девятое майя. Меня оторвали от телевизора, не позволили посмотреть военный парад с красной площади. Поэтому я был зол. Мне пообещали, что я там посмотрю свой парад. И мы отправились в зону.

Кто и как открыл нам первые ворота, я не помню. Помню лишь домик деревянный, стоящий на высоких столбах с такой же деревянной лестницей ведущей к дверям. Вышка эта стояла между первым и вторым рядом колючей проволоки. Что было там, за третьим рядом, я не знаю. Потому как там ещё и забор деревянный, высокий имелся.

Мы поднялись по лестнице внутрь. Там нас встретила строгая тётка, с которой моя мать принялась разбирать какие-то марки и расклеивать их по каким-то книжкам. Мне стало страшно скучно. Тут про меня вспомнили, и отправили во вторую комнату, имевшую место быть. В ней был небольшой телевизор, но военный парад уже закончился. Поэтому я сидел, безо всякого интереса разглядывал физкультурников, шагавших строем по брусчатке, и поглядывал в окно. А там кроме укрытой снегом тундры не было ничегошеньки интересного.

— А вот ещё картина из детства… Колонна машин перевозивших зеков. В брезенте окошечко из металлической решётки и мы детвора машем им, как будто провожаем и они нам отвечают тем же. Это был почти ритуал, потому что выстраивались мы всегда, как только видели колонну, и с ними были два солдата с автоматами. Нам было жаль этих людей, наверняка многие не заслуживали того, чтобы их перевозили, как животных. И такое видели мы только в посёлке Октябрьский, может потому, что жили рядом с дорогой?.. Страшно!.. Но, это тоже было…

Нет, не только в посёлке октябрьском видели эти машины. Помню, смотрел я на эти железные клетки на колёсах, а кто-то из кузова возьми да и выброси конвертик. Я подобрал, отнёс домой. Мать посмотрела, сказала, чтоб пошёл к магазину и бросил письмо в почтовый ящик. Отец поддержал. Только добавил, чтоб никому не болтал. Я так и сделал.

А через некоторое время из машины вылетел свисток. Очень красивый был свисток, резной.

— Хочу рассказать случай, свидетелем которого был в очень раннем детстве, но который помню и сейчас. Как вы знаете, раньше на площади перед кинотеатром «Родина» стоял памятник Сталину. Так вот я наверно единственный свидетель покушения на него. Дело было зимой. Года сейчас точно не вспомню, но скорей всего 1960–1961. Мы с родителями пошли в кино — единственное развлечение в те далёкие годы. Они пошли в кассу, за билетами, а я стоял на высоком крыльце кинотеатра, напротив памятника. Вдруг, с улицы Ленинградской на огромной скорости вылетел старый «ГАЗ-67», и, не сворачивая на Комсомольскую, на полном ходу, сбив столбики ограды с цепями, врезался в постамент. Из машины выскочили двое мужчин и бросились в проулок между детской больницей и аптекой, что располагалась по улице Комсомольской. В это самое время, сигналя сиреной, вылетела милицейская машина. Из неё вывалилось несколько милиционеров и, дуя в свистки, бросились догонять беглецов в сторону Песчаной. Чем закончилась погоня, я не знаю. Но вскоре все статуи и памятники Сталину убрали. На Комсомольской, возле старого здания комбината «Воркутауголь» (впоследствии музыкальное училище) Статую Сталина просто сдёрнули с постамента, накинув трос на шею и прицепив к бульдозеру. В конце 60-х мы поехали на экскурсию на шахту «Южную», отец нашей одноклассницы там работал и организовал поездку. Так вот, статуя Сталина лежала на территории механического цеха. То ли боялись сдать его в металлолом, то ли ждали смены настроения по отношению к бывшему отцу народов, не знаю, но то, что это была та самая статуя, могу подтвердить. Сталин лежал лицом вниз, и за спиной в левой руке была свёрнутая то ли газета, то ли бумага, правая была у него за обшлагом шинели.

(Фото № 63 — На площади)

— Я с рождения в 1955 году, жил на улице Овражной, не далеко от аэропорта… Так вот, за нашими домами шла железнодорожная ветка от бывшей «Капитальной» и «Южной» в сторону вокзала. Мы мальчишками ходили в тундру через неё, а ещё катались на плотах на озере или пруду, который находился справа от аэропорта. Так вот из этой насыпи, после прохождения гружёных составов, постоянно выкатывались человеческие черепа. Некоторые мы закапывали в тундре рядом с линией, но их было так много…

— Я, когда пришёл из армии, услышал и запомнил рассказ старого работника с нашего участка. Он был ветераном великой отечественной войны, попал на фронт в 17 лет. Но после тяжёлого ранения и контузии был комиссован. Работал в столовой. Видя, как взрослые повара крадут продукты, отсыпал

немного крупы себе (дома была большая семья), но его кто-то сдал, и он попал под суд. Отправили отбывать срок в Воркуту. Попали они как, раз, на строительство железной дороги. Кормили очень плохо. Утром давали подобие чая с куском хлеба, в обед баланду, но уже без хлеба. Хлеб давали ещё раз на ужин. И вот старый каторжанин, попавший в Воркуту ещё до войны, научил его не съедать утром хлеб, а, потерпев до обеда, съесть его с горячим. По рассказу моего старшего коллеги, это было испытанием, при общем недоедании, постоянно думал о корочке за пазухой. Но выдержав это искушение, понял, что действительно так сытнее. И вот он рассказывал, как стали поступать эшелоны с прибалтами, после их принудительного выселения. Крепкие мужики, откормленные на своих хуторах, вымирали сотнями, если не больше, от тяжёлого труда, плохого питания, резкой смены климата… Хоронили на железной дороге всех одинаково, в насыпь, под шпалы… Вот, возможно, их бедные головки и выкатывались к нашим ребячьим ногам. На одном из посёлков (точно сказать не могу, уже покинул в то время Воркуту) стоял монумент от народа Литвы в память о своих земляках, навсегда оставшихся в вечной мерзлоте севера.

— У нас во втором районе жил Николай Кузьмич Лошаков. Он из немецкого плена угнал самолёт!!! За этот подвиг, он получил 10 лет лагерей, и улицу его именем никто не назвал. Когда снимался фильм «Чистое небо», где в главной роли снимался Урбанский, прототипом и главным консультантом был наш Николай Кузьмич. У него было двое детей — Геннадий и Стела. Со Стелой я учился в одном классе.

— Вот история, рассказанная моим отцом. Происходило это всё на участке Р.В.У шахты «Воркутинская». Опаздывает горняк на наряд — это раньше приравнивалось к преступлению, начальник участка, немец Рубин Астафьевич, начинает пропесочивать нерадивого, а тот делает палец «пистолетиком» и говорит громко: «Пиф-паф! Жаль, что сейчас не сорок первый!».

— Это было на самом деле! В году этак 1976-78 шахтёров с нашего Комсомольского посёлка (шахта 18) призвали в «партизаны». Отправить в «партизаны» — значит на переподготовку в армию. Была такая фишка в советское время. Правда, какая от неё польза?! И вот идёт перекличка:

— Бояринов?..

— Есть! (это мой отец).

— Князев?

— Есть!

— Царёв?

— Есть!

— Ну и шахтёрские фамилии, сплошные дворяне!

— Мой папа на севере оказался первым вначале пятидесятых, должен был работать на о. Шпицберген, там проводились атомные испытания, да не прошёл из-за родственников — сестра была угнана в Германию. — Рассказывала Тамара Скиба. — Затем поехал к этой сестре в геологическую экспедицию на Волгу, вместо сестры встретил маму. Поженились на третий день. У мамы была квартира в Горьком, она там работала и ездила в экспедиции на Урал, по Волге. Она всё бросила и уехала за папой. В Горьком остались мамины и некоторые папины родственники. Папа работал на шахте ШУ-2. Им дали комнату в бараке. Нас туда привезли после рождения в Горьком, мама вышла на работу учётчицей в лагерь. Женщинам работы на севере почти не было. Заключенные сразу объяснили, как работать: ошибётся — спалят в печке барака и скажут, что не заходила. Один заключённый нарисовал и подарил маме картину. Эта картина висела у нас в зале, при переезде потерялась. Затем папу перевели на шахту № 18. Мама опять работала вместе уже с вольнопоселенными заключёнными на лесопилке. Потом нашлось место бухгалтера в шахтоуправлении. Условием перевода стало вступление в коммунистическую партию. Маме тогда было 45 лет. Папа родом из Сумской области, там и похоронен, там похоронены дед, прадед, прапрадед. Там родители построили дом и позже подарили старшей сестре. Там летом отдыхали все наши дети. Папа, работая начальником участка на шахте, умудрялся не вступать в партию, всегда был не готов. Я, кстати, тоже отказалась вступить в партию в 1983 году, и мне зарубили карьеру в НИИ «Турбоатом». В нашем классе большинство учеников было из семей, выселенных с Урала, немцев. На фото ресторана «Космос» наши соседи немцы из семьи Франк. Мой отец работал горноспасателем. Когда был взрыв метана на нашей шахте, папа выводил смены, а сам отравился газом и поседел за одну ту ночь, его там стукнуло балкой. Лечился в профилактории, который ты (мне в своём письме назвал столовой) недалеко от садика № 5. Фото папы, играющего в шахматы там, разместили в каком-то всесоюзном журнале. Летом там был пионерский лагерь. Я в нём была… Начал пить, но работать любил и мог. В 10-ом классе ездила посмотреть на тот барак, даже зашла вовнутрь, прошла коридором до общей кухни. Всё трогала стены. У нас много фотографий с ШУ-2. В 10 классе наш дом на Комсомольской поставили на ремонт, позже кто-то поджёг. Нам снова пришлось жить в бараке в здании бывшей одноэтажной поликлиники, которая была возле детского сада № 2.

Да, это практически рядом с моим домом, напротив дома Сашки Рыжего.

— Рядом строили 5-этажку. Рабочие жили в вагончике без окон. Внутри обогревались буржуйкой. Как-то они выпили и не заметили, как загорелся вагончик. Когда сумели снять дверь — они обгоревшие, без ног, с опалёнными волосами как бы стучали в двери, прося о помощи. Запах жжёного человеческого тела стоял неделю. Есть я не могла ещё дольше. Их закрыл снаружи прораб, а сам ушёл домой. Наша же мама уехала к бабушке, мы там и появились, а потом папе пришлось скандалить в аэропорту, чтобы нам дали самолёт на Воркуту. С билетами и погодой было плохо. Самолёт дали служебный, с какими-то двумя военными, мама сушила пелёнки на спинках кресел. Военных оставили в Сыктывкаре, а мы продолжили полёт одни. Позже уже скандалила мама в приёмной директора шахты, оформляя нас в ясли — не было мест. Её просто не могли вытащить из его кабинета, и директору пришлось подписать разрешение. В яслях у нас была любимая няня Таня, да и вообще все работники садика относились к детям ровно и хорошо.

Музеи

— Скульптурный памятник В. И. Ленину. Установлен в 1959 году в честь 25-летия ПУБ на площади Мира. Автор — скульптор М. Г. Манизер, архитектор В. Н. Лунёв. Материал — Бронза (литьё). Постамент — Кирпич, отделка мрамором. Высота — 8 метров. Во время установки памятника, за его спиной отсутствовали строения. На востоке в ясную погоду можно было увидеть, как тянулась чёткая нить вершин Полярного Урала. Первоначальная задумка была как раз в том, чтобы голова Вождя возвышалась над уральскими хребтами. Особое внимание стоит обратить на барельеф, расположенный на стене за памятником, отражающий различные этапы в истории нашего государства Он был установлен в 1960 году. Скульптор — И.Г. Перщудчев.

— А я помню, как мы ездили с северного во втором классе в этнографический музей. Там была большая гипсовая ракушка, бивни мамонта, и чучело росомахи, вот как.

Господи!!! Через сорок с лишним лет я узнаю места, где был совсем маленьким. Да, мы тоже были в этом музее. Очень хорошо помню росомаху. Ветрина была под стеклом. Зверюга изображала, будто взбирается по стволу дерева. Внизу была вата, видимо это была иллюстрация снега. Там же было чучело волка, тоже под стеклом. А ещё была витрина с аборигеном у чума и чучелом оленя подле. Не уверен в количестве оленей поэтому пишу об одном. Вполне возможно, что там была целая нарта, запряжённая оленьей упряжкой. Утверждать не буду. Зато прекрасно помню почему-то тёмные картины, которые произвели на меня куда большее впечатление, находившиеся в самом первом зале, и по коридорам. Там были изображены люди с хвостами, стоявшие у костра…

— А мне в музее запомнились утки «плавающие» в озере, которое было сделано из прозрачного листа пластика…

— Мне особенно запомнилась большая окаменевшая ракушка-улитка.

Нет, улитку и мамонта не помню. Но помню, как нас водили в старшую школу в их тамошний музей. Почему старшую? В двухэтажном здании нашей школы учились только до пятых классов. Поэтому школа была младшей. Потом всех переводили в большое здание в несколько этажей. Не скажу точно, где это находилось, но, кажется, в стороне посёлка строительный. Проще говоря, если идти с шахты номер восемнадцать, то на перекрёстке, где слева был хлебный, а напротив наша школа (относительно напротив, хлебный был ближе к углу, чем школа),

то надо было повернуть направо. Точнее сказать не могу. Просто не помню.

Примечание: Смотрите Фото 29 — Старшая школа 11.

Увы, но никто не вернётся

— Оленей видела из окна своей комнаты. Напротив был суд, и туда приезжали по своим делам аборигены, на оленях. Когда увидела в первый раз — была поражена, какие же они маленькие, действительно, «олешки». А когда каталась на лыжах — из-под снега выпархивали куропатки.

Приезжали к нам на нартах. Катали детей. У кого были санки, привязывали к нартам, а самых маленьких сажали непосредственно в нарты. Сам же каюр шёл рядом с оленями, а за ним на нартах куча детворы, и целый санный поезд позади. Бедные олени! Как они могли тащить такую тяжесть?! — Школу часто вспоминаю… Друзей…

— Люди!.. И независимо от возраста. Я бывал в очень многих местах, но показатель того, что нас делает людьми с большой буквы, самый наивысший был только в Воркуте.

Все хвалят тамошних людей. Все хотят вернуться, но никто не возвращается. Почему? Да, я могу сказать почему, однако опасаюсь быть не просто не понятым, а облитым грязью с ног до головы. Кому приятно выслушивать горькую правду о себе? Вы никогда туда не вернётесь. Потому что всё, что вы любили, что вы помните, ушло вместе с вами во вчерашний день, вместе с прожитыми годами в историю, в минувшее, которое вернуть нельзя. Вы не вернётесь потому, что привыкли к комфорту, к уюту своих, может и не совсем удобных, но, всё же, своих родных, тёплых квартир. Вы можете быть лишь туристами в своём бывшем городе. Посмотреть на те красоты… Повспоминать детство… Прогуляться по улицам, прокатиться на санках, может быть даже на нартах, всласть поругать новое время и уехать. Жить там вы уже не сможете никогда. Север для вас нынешних — возможность заработать большие деньги. И ваши родители, приехавшие сюда когда-то, ехали не за красотами, не за северным сиянием, а совсем по другим причинам. И никто не остался жить там навсегда. И не останется. Ведь жить на севере очень, очень не просто, особенно во времена перемен.

Как очень точно писал Юрий Аделунг:

«Мы с тобой не те уже совсем.
И все дороги нам заказаны.
Спим в тепле на средней полосе.
Избрали город вечной базою».

Я тоже не вернусь. Но не потому, что не хочу, не потому, что быт и прочие неудобства окружат меня, а совсем по другой причине, не зависящей от меня. Север меня отрёк давно и навсегда, не оставив ни малейшего шанса на возвращение. Наше время ушло.

— Действительно, Воркута — самый хороший и любимый. Никогда не забудешь город детства, школьной поры и первой любви. Очень по нему скучаю. И мне очень жаль, господа, что все фотографии, на которых мы изображены, имеют фон не нашего любимого города.

Согласен. Очень жаль…

Не произносите высокопарных слов

Люди любят произносить высокопарные слова, мол, каждый день живите как будто живёте последний день. Хорошо сказать, попробуй сделать???

Меня положили в начале шестого вечера. Палата оказалась достаточно комфортабельной, а если учесть, что было это ещё в советские времена, так вообще можно считать за люкс. Широкая, высокая кровать. На стене, непосредственно под рукой, кнопки экстренного вызова врача, медсестры, выключение верхнего света и ночника. В прихожей располагался туалет и душ. В общем, великолепный образчик медицины тех лет демонстрационно-показного уровня. И в этой палате оказался я, ничем не примечательный студент первого курса музыкального училища. В первый день, точнее вечер, я был настолько измотан беготнёй по кабинетам, что мне и в голову не пришло это несоответствие. Видеть никого мне не хотелось. Поэтому на балкон, где разрешалось курить больным, я в первый вечер не пошёл. Куда проще и приятнее было спуститься лифтом на первый этаж и покурить в парке, окружавшем институт. На второй день с утра и почти до четырёх часов пополудни, меня снова гоняли по кабинетам, собирая данные о моём бренном организме. Намотавшись за день, я не пошёл в парк, а решил покурить со всеми вместе, и заодно выяснить обстановку, что, да как?.. И был ошарашен. Разговор шёл о каком-то безнадёжном, которого поселили в палату смертников. Я осторожно поинтересовался номером палаты. Мне ответили: «424»! Это была моя палата, и безнадёжный смертник в ней был я. Огорошенный такой новостью, я выбросил недокуренную сигарету, чего никогда не делал, и побрёл к себе. Выходя с балкона, услыхал, как один мужик шептал: «Ты думай, чего говоришь. Это же он и был!».

На следующий день моё и без того неважное состояние духа было усугублено невероятнейшей новостью. Записывая результаты электрокардиограммы и каких-то тестов, медсестра негромко комментировала собственные опусы, параллельно беседуя с другой медсестрой. Заметив ошибку, я поправил её, на что тут же получил ответ: «Какая разница?» Я обомлел!..

— Что значит, какая разница? У меня другой диагноз.

— Это не имеет значения.

— То есть как! — изумился я. — мне, к примеру, противопоказано лекарство типа «Папаверин». Я от него теряю сознание. Особенно в сочетании с жидким анальгином.

— Послушайте, молодой человек, не учите меня жить. —

Возмутилась медсестра. — Вам без разницы, какие лекарства принимает Ваш организм, а какие нет. Вы безнадёжны.

Услыхав такое от медперсонала, я был не то, что в шоке, я был в полуобмороке. Мне, восемнадцатилетнему пацану пророчили близкую смерть. Только теперь до меня дошёл весь смысл происходящего. Стало понятно, почему меня поселили в такую комфортабельную палату?.. Если изначально можно было предположить, что не было мест и меня временно поместили сюда, то отныне всё выглядело в совершенно ином свете. Я не удивлялся невежеству или грубости, не знаю даже как это назвать, медицинского персонала в таком знаменитом институте, меня больше всего поразило, что я скоро умру. Поверить в это было трудно. Потому я и не верил. Хотя с каждым днём час операции приближался, и изменить это было нельзя. За одним исключением: можно было сбежать из больницы, благо мне предусмотрительно оставили личные вещи, словно бы специально провоцировали на это. Видать больно уж не хотелось им портить статистику.

В субботу, за двое суток до операции, я выбрался в парк, переоделся, и рванул на вокзал. Но, увы! Билетов на ближайшие три недели не было. Я пошатался по городу, посетил Софийский собор, наелся мороженого, напился соков и пива. Вечером вернулся в больницу и задумался, что же делать дальше?

Вы знаете, это очень страшно знать, что через день ты умрёшь, хочешь ты того или нет. Я знал. Было ли мне страшно? Как ни странно, нет. Я не хотел умирать. Я не верил, что я умру. Не скрою, была мысль ночью выброситься из окна, но!.. Всю ночь я что-то писал. Письма, записки, мысли, воспоминания… Раскладывал их по конвертам, подписывал, заклеивал, чтоб никто заранее не прочёл. Утром отнёс на почту. Благо на территории института она имелась. Вернувшись в палату, в который уже раз за последнюю неделю, задумался. Я вспоминал всю свою короткую жизнь!.. Я мысленно извинялся перед теми, кто, на мой взгляд, был обижен мною. Я клялся самому себе, что ежели вдруг назло всем предсказаниям врачей, выживу, то буду жить совершенно другой жизнью. Я даже знал, как именно я буду жить. С чего начну, когда вернусь домой. Боже, каких только обещаний и клятв я не давал?.. и неизвестно чем бы всё это закончилось, если б в этот критический момент меня не посадили на таблетки. Сознание стало вялым, сонным, безразличным ко всему. Перед сном сделали какой-то укол, от которого я руку поднять не мог, не то, чтоб дотянуться до подоконника, не говоря уже о том, чтоб встать с кровати и выброситься с четвёртого этажа. А утром, меня, молодого пацана, совершенно голого катила на каталке

молоденькая медсестричка, и мне было наплевать, как я выгляжу, и что она там обо мне думает?..

Когда я в первый раз пришёл в себя после операции в реанимации, мне показалось, что я уже там!.. На том свете. Помню, подумал, а говорили что того света нет… и снова потерял сознание.

Оказавшись в палате, и придя в себя настолько, что можно было собрать воедино мысли, разбегавшиеся доселе по углам, я вспомнил все свои клятвы и обещания. Мысленно повторил их, стараясь не забыть ни одной, и ещё раз подтвердил, что жить отныне я буду иначе. Первые капли кипячёной воды показались мне влагой, живительнее которой просто не существует на земле.

Через неделю мне предложили попробовать ту же самую воду, какую давали после операции. Я попробовал, помня её потрясающий вкус. И был убит на повал. Поганее воды, чем эта, я не пил никогда за всю свою жизнь… А ещё через неделю я забыл половину своих обещаний. Через месяц я смеялся сам над собой, над своими страхами. А через три месяца мне было стыдно об этом вспоминать. Жизнь потекла своим чередом!..

Вот так бесславно закончились мои обещания жить иначе. Жить, как будто живу последний день. Давать советы легко, выполнять их трудно. А главное, прежде чем советовать, сами попробуйте!..

Часть третья
Минули годы золотые

История одной жизни

Во дворе, образованном двумя кательцовыми пятиэтажками, построенными в начале семидесятых и стоящими друг к другу фасадами, у четвёртой парадной дома слева собралась довольно-таки большая толпа народа. Из распахнутых настежь дверей, выносят сначала крышку, а затем и гроб, обитый простой, дешёвой, красной материей. На подъездной дорожке ставят два крашеных самодельных табурета и на них опускают свою скорбную ношу шесть пожилых мужчин. Это время прощания для тех, кто не сможет проводить усопшего в последний путь. Родственников всего ничего: жена, сын, дочь, двое внуков, двоюродная сестра с дочерью!.. Вот и всё!.. Не густо!.. Работники похоронного бюро поторапливают, у них очередь!.. Как это кощунственно звучит?.. Вечное жилище временно прикрывают вечной дверью и устраивают в катафалке у ног родных. Рядом стоит автобус, он, на диво, полон. Скорбная процессия начинает своё движение через весь город, за демаркационную линию. Город разбит на две неровные части. Кладбище оказалось под румынской юрисдикцией. Ещё несколько лет назад, кто бы мог подумать, что такое возможно?! Катафалк пропускают на территорию почти к самому захоронению. Автобус нет. Люди идут медленно, тяжело, ведь идти приходится в гору. Гроб вновь устанавливают теперь уже подле могилы. Ждут, когда соберутся все. Нет ни музыки, ни представителей церкви (ни на одних, ни на других денег не нашлось)!.. Вокруг черно и грязно. Поодаль на крестах, никого не опасаясь, расположились вороны. Они сидят тихо, мирно, соблюдая торжественность момента, его горечь. Чуть в стороне ожидает своего кучка нищих. Среди них двое детей, держащихся всё же немного отдельно от взрослых. Мёртвая тишина, только шорох ног идущих людей. Наконец, все формальности соблюдены, крышка водружена на законное место, верёвки могильщиков натянулись!.. Глухой стук первых комьев сырой земли. Ещё немного и в длинном ряду возник ещё один свежий крест с надписью: «Филипп Федосеевич — родился 1935-05-III, умер 1998-4-XII.»! Вот и всё!.. А кругом тысячи, десятки тысяч подобных крестов с одинаковыми надписями. Сколько судеб скрывается за ними? Сколько жизней? Сколько историй? «Родился, жил, умер!». И это всё, что остаётся о человеке!.. Кто-то возразит: «Память останется». Да, конечно, если кто-нибудь позаботится об этом. Чаще всего никто ничего не помнит. Какой интерес? История жизни наших правителей нам важней!!! В погоне за деньгами начинается дутая, журналистская

сенсация, а люди, как всегда, остаются где-то там за бортом. Вот и получается:

Почему? К нам приходит потом
Чувство совести, долга и чести?!
Мы прикрылись надёжным щитом
Славословий, обмана и лести.

Чтобы это узнать и понять
Сколько жизней пришлось потерять?..
Сколько судеб осталось за той,
Неизвестности страшной чертой?..

И, как эхо ушедшей грозы,
Запоздалых признаний раскат.
Гром оваций, и горечь слезы
Никогда не восполнят утрат.
И посмертная слава, как крест,
Над могилой любви и надежд!..
И лавровый венок над крестом
Будет горьким терновым венцом.

Признаём мы богатство и власть,
И высоких чинов правоту!
Но не тех, кто живёт среди нас!
Кто талантлив и верит в мечту!
Говорим, что ему не везло!..
Чья-то чёрная зависть и зло!..
Оборвали высокий полёт…
После смерти всегда повезёт!..

Увы, не всегда и не всем!.. Тот, кто упокоился здесь, под этим крестом, ничем особым не отличился. Он не был президентом страны, он даже маленьким начальником никогда не был. Ни писателем, ни музыкантом, ни генералом и даже разведчиком!.. Никем и никогда не был. И всё же мне хочется заглянуть в прошлое, в его прошлое и рассказать о нём тем, кто захочет услышать.

Родился он в ноябре 1934 года, как раз под Михаила, в селе Александровка Березинского уезда. Да, тогда это была Румыния. Мать его умерла рано. Ему и было-то всего два года и восемь месяцев. Однако он и перед смертью утверждал, что помнит, в чём хоронили маму!.. Причина смерти молодой женщины остаётся тайной и поныне. Лишь родная сестра Химки Анна,

шёпотом говорила, что Федосей забил.

Маленького Федю (так его стали называть, чтобы не путать со взрослыми) взяли к себе дедушка Федосей с бабушкой. Дед в то время имел свою мельницу и в бедняках не числился, хоть и богачом так же не был. Свой дом, подворье!.. Небольшое хозяйство. Да только так продолжаться долго не могло. Приближалась война. Но не это было страшным. А то, что чёрная зависть отца Филиппа Федосея младшего к собственному отцу Федосею старшему была сильнее разума. Встретил он в то время одну цыганку, да привязался крепко. У той же ни кола, ни двора, ни гроша за душой. Дед же после смерти невестки отобрал хату у Федосея. Говорил: «Внуку будет, а то этот гад всё на свете пропьёт!». Вот и решил тогда отец Феденьки устроить передел имущества на свой лад. Взял он ружьё охотничье, прокрался в дом тёмной ночью, да и перестрелял спящих отца с матерью. Сына же собственного не нашёл. Спрятался пацан, успел-таки сбежать!.. А он и не убегал. От страха, от грома выстрелов, забился в угол под кроватью убиенных да там и просидел до самого рассвета, пока соседи утром не пришли с приставом и не вытащили его оттуда всего в крови деда с бабой. Свидетелей убийства не оказалось, за одним исключением, родной сын шести неполных лет видел всё собственными глазами. И снарядили телегу в Стурзены, повезли мальчишку на дознание. Да просчитались. Ехать было мимо леса, а из него родимый батя давай палить из винтовки по сынишке. Первая пуля лоб мальчонке перекроила, от чего шрам на всю жизнь остался. Вторая убила кучера. Больше выстрелить он не успел. Пристав оказался проворнее. Вот так и попался с поличным Федосей, 25 лет получил. А тут как раз и советы подоспели, амнистию учинили, и осуждённый за убийство оказался на свободе. Вернулся он в село, начальником стал, вроде председателя колхоза, но попьяне дал по роже какому-то комиссару и загремел уже в советскую тюрягу. Оттуда в штрафбат. Однако, дальнейшая его судьба мне не известна, почти. Да и не о нём речь.

А Федя, после больницы и суда, оказался на улице, никому не нужный, беспризорный. Дедов много было, аж шесть человек осталось, да только кому лишний рот кормить хотелось?.. Взяла его к себе родная сестра матери. У самой было девять душ детей. Вот тут-то и подоспела война. Вернулись румыны, и всё покатилось по-прежнему, с одной лишь разницей, ходили они теперь по селу вооружённые до зубов. А тётке Ганне тяжело стало кормить такую ораву. Забрали советы мужа её Серёженьку в красную армию и не спросили на кого девять душ детей да двух приёмышей оставили.

Но дети остаются детьми вне зависимости от игрищ взрослых. Так было всегда, и так будет вечно. Первые затяжки, первый глоток вина!.. Всё в нашей жизни бывает когда-нибудь в первый раз. Стремление, поскорее стать взрослым, было есть и всегда будет, его не отнять. А как быть большим? Сигарет в то время не так просто было достать. Тем более в военное время. У румын просить? У них выпросишь!.. Пулю в лоб!.. Вот и пошли в ход самокрутки из кукурузных листьев. Кто не пробовал, лучше не стоит!.. И вздумалось одному подростку заиметь пистолет. А как сие сделать, чтобы не поймали? А если и поймали, так не его? Многие на подобном ловились. Вот и Федька попался. Согласился за пять выстрелов из винтовки парабеллум у штабного офицера стянуть. Любил тот поспать днём под яблоней у деда Курея, где и квартировал. Собака у старого злодея была жутко злая, кавказец. Никого не подпускала близко, сам дед побаивался пса. Федька тоже боялся, но курить и стрелять хотелось больше. Вот и стал он подкармливать собаку потихоньку из своих скудных обедов. Однажды, румын, как всегда, снял портупею и, повесив её на ветку яблони точнёхонько над своей головой, завалился дрыхнуть на кровати специально для этого здесь поставленной. А гадкий пацан тут как тут, в дырочку меж досок подглядывал. Через забор шасть, псине мосол овечий, чтоб не лаяла, кобуру открыл, пистоль вытащил и дёру. Пока «доблестный охранник» грыз брошенную кость, успел удрать. А дальше страшно началось!.. Вышла детвора сельская далеко за околицу, за поля кукурузные, за лесополосу заброшенную, к лесу старому, костерок разожгли, винтовку прикладом в землю упёрли, и давай пулять в небо. А поскольку Федька спор выиграл, ему первому и досталось. И надо было в это время лететь какому-то фашистскому болвану так низко!.. Попал он в этот самый самолёт. Тот и рухнул где-то около Салкуц. Разбудили румынского офицера обворованного. И в селе аресты начались. Федька мал был, не понимал, что происходит, но чутьём своим детским ощущал опасность, а потому пошёл пешком в соседнее село, что в двадцати пяти верстах от Александровки в балке спряталось. Жила там сестра отцова. Пришёл он к ночи, да и рассказал, что да как. И выгнала его тётка, на ночь глядя, за детей своих опасаясь. Пошёл он тогда к другой отцовой сестре в Петропавлоку, что в двенадцати верстах в стороне от всех дорог находилось. Пришёл глубокой ночью, да напрасно пришёл. Его даже слушать не стали, собаками отвадили. Пришлось возвращаться. Да только ночью не днём. Заблудился пацан и у другого села в девяти верстах левее вышел к тракту. Подобрал его утром еврей ростовщик. Привёз к себе в дом. Так оказался Федька в Манже (при советах в Меняйловку

переименовали). По ночам ходил к тётке Ганне проведать, благо близко было. Потом еврея того румыны забрали. Пришлось возвращаться, а тут и красные вернулись. А за ними голод сорок шестого!.. Тётке Ганне тяжело стало совсем. Её дети стали умирать один за другим. Тогда она отдала Федьку вместе с братишкой младшим Ванечкой в детдом. Стал Федька нянькой, за братцем присматривать. Только поздно уж было. Оголодал мальчонка, да и помер прямо в сиротском приюте.

«Помню, — рассказывала Тётка Ганна. — Прихожу к нему, а он за колючей проволокой, как волчонок бегает, просится „Возьмите меня, тётя Гана, возьмите отсель! Ванюшка, вишь, помер, и я помру здесь, возьмите, а?! Тётенька?..“. А кудысь я его возьму? У самой семеро уже на погосте лежат!.. Ухожу, плачу, душа болит, клянусь, что больше не приду, ан всё одно тянуло».

Видать чуяла тётка, что сидеть Федьке за колючкой ещё много лет. В конце сорок шестого в детдоме произошло ЧП, групповое изнасилование. Как в эту компанию втиснули двенадцатилетнего Федьку до сих пор не пойму!.. Но получил он свои «три строгого режима» и отправился по этапу в колонию для несовершеннолетних преступников, в края, где мотал свой новый срок, папаша Федосей! Но видать не судьба была встретиться. Трудно было с вагонами, паровозами и так далее, а потому решили самых малолетних оставить в одесской колонии.

Выпустили Федьку по окончании срока, как положено. Отсидел от звонка до звонка, на всю катушку!.. И вернулся он домой, в село. Хотел на работу устроиться, да не тут-то было. Взъелся на него председатель колхоза, уголовников ему только и не хватало. Портил ему Фёдор статистику. Стал он издеваться, как только мог. Всем трактористам спецовки, а Федьке шиш. Всем к празднику седьмого ноября по паре новых сапог, а уголовничку шиш с маком. Всем зарплату с трудоднями, а этому вбивцу хрен. Обозлился Парнишка, да и накалякал письмо товарищу Сталину. Писать он толком не умел, как и читать, впрочем!.. А на следующий день с утрица пораньше явился в общежитие местный милиционер с пистолетом на боку, с дядькой Матвеем местным почтальоном, по Федькину душу. Всё село из-за занавесок следило, как сироту в сельсовет вели!.. А там их ожидал злой и трезвый председатель колхоза с двумя новенькими спецовками и двумя парами новых кирзовых сапог. Федька от счастья на седьмом небе был, ещё бы! Только вчера написал товарищу Сталину, а сегодня уже всё вернули, и зарплату за последние три месяца. Тётя Ганна обрадовалась, что деньги наконец-то в доме появились. Но на племянника всё равно поругалась, чтоб больше так не делал, не то в следующий раз заберут и не вернёшься.

«У меня ведь кроме тебя да Нинки никого не осталось!» — причитала она весь вечер. А Федька был горд своей проделкой. Да только рано радовался.

Объявили в это время набор на специальные курсы шахтёров. Нужны были добровольцы, вот председатель и сбагрил Федьку в далёкую Горловку. Проучился там Фёдор ровно два года, к концу третьего официально закончилась, а по сути дела только началась корейская война, на которой так же нужны были добровольцы. А кого отправить? Ну, конечно же, самых не благонадёжных. И вот, наш герой уже мчится в закрытом телятнике через весь советский союз, мимо Байкала, через Хабаровский край в приморский, прямо во Владивосток. Ехали больше месяца, а на вопрос: «Что делали всё это время в закрытых телятниках?», отвечал, что не помню. Правда, перед смертью признался: «Да пьян я был, и все мы были пьяны. Знали, куда нас везут, на убой. Вот и пили до потери сознания».

Приехали на место совершенно голые, потому что по дороге одежду на самогон меняли. Помыли их с дороги, приодели, накормили и на плацу выстроили, а затем делить принялись, да странно как-то. Первую шеренгу влево поставили — командирами экипажей назначили, вторую вправо — механиками-водителями, Третью на два шага вперёд — наводчиками башенных орудий, последняя — стрелок-радист. Месяц на учение и!.. Не сказал он мне, как их туда доставили. Даже перед смертью не сказал, лишь усмехнулся: «Я давал подписку о неразглашении военной тайны. И вообще не имел право говорить, где был даже самым близким родственникам».

И началась для Федьки, как впрочем, и для всех тех, кто попал в эту мясорубку лишь потому, что сидел или сирота (не было там добровольцев) вторая, но уже совсем взрослая и настоящая война.

При встречах я всегда приставал с расспросами о войне, но он не любил говорить об этом. Лишь много лет спустя понял почему. А тогда пытался подпоить и вытянуть хоть чего-нибудь, да не тут-то было. Однажды он заговорил, будучи при этом совершенно трезв.

«Чего ты пристаёшь? Ты видел когда-нибудь, как горят живые люди?» — От такого вопроса я опешил. Ну, откуда же мне видеть такое?! «А я видел. — Продолжал он. — Жуткое это зрелище, я тебе скажу. Прям на тебя горящий факел несётся и воет так, что кровь леденеет, сквозь грохот боя, рёв танкового двигателя слышно. Нас тогда бросили одну высотку взять, Сказали, что там кроме пехоты ничего нет. Мы и сунулись. Я тогда был командиром взвода, под моей командой пять машин было.

Пользоваться радио нам категорически запрещали. Ещё бы, не дай Бог, американцы услыхали бы русскую речь?! Поэтому перед боем, на всякий случай, собрал своих, договорились о методах общения, затем разделил взвод, две машины пустил вдоль лощины, две с другого боку направил, а сам за соседним холмиком ожидал, чтобы ежели чего, так обойти высотку с тыла и не дать этим воякам разбежаться. И только мои ребята сунулись по краю овражка, как оттуда два американца выползли и буквально в упор сбоку моих и подстрелили, как куропаток. Я ору наводчику, а он уже давно прицелился. Сбили мы этих двух, они и очухаться не успели, а тут мой механик Лель как даст по газам!.. Я ору: „стой, гад, куда прёшь?! Без приказа!“ Глядь назад, а там, где мы только что стояли „цветок распускается“. Только поблагодарить не успел. Начали нас со всех сторон бомбить. Самолёты налетели!.. Короче, уходить надо было, а как?! Вдруг ребята в тех двух машинах живые?! Растерялся я, давай к ним поближе подбираться. Прикрываю огнём, маневрирую. А их машины горят. Ещё бы, полный боекомплект у них там был, не на учебные же занятия ехали. А тут эти американцы обнаглели. Замешкался наш радист, толи лента у него наперекосяк пошла, толи он увидел этих идиотов, но не стрелял он долго. И полезли те с холма с гранатами к нам, пешком. А тут гляжу, справа ещё одну машину мою угробили. Полыхает. Последняя в стороне вокруг вертится, видно гусеницу снесло. Ну, думаю, каюк, уйти отсюда вряд ли удастся. Помощи просить нельзя. Что делать? Вот тут-то наш полковник и выручил. Вдруг в наушниках слышу русскую матерщину, да такую отборную! Аж не поверил!.. А он ко мне открытым текстом, мол, держись Федька, я полк поднял. Разведка, сука, напутала. Я ему, а как держаться, пулемёт заклинило!.. Вот тогда-то он и приказал расчехлить орудие „1“. Это был огнемёт и стоял он у механика-водителя. Он, как и я, как впрочем, и весь экипаж, слышали все наши разговоры, все команды. Была включена внутренняя система связи. Вот Лель и нажал на гашетку без дополнительных приказов и прочей волокиты. Да и без зазрения совести. Там ведь наши ребята горели. Впереди полыхнуло, да так, что ослепли мы все на мгновение. Представь себе огненную струю, расширяющуюся на конце. Земля сухая была, с травой, вспыхнуло всё как есть. А тут последняя машина давай пулять, как и мы, огнём плеваться! Сами вокруг оси крутятся и всё вокруг полыхает. Как они сами не сгорели?! Не поджарились в этой сковородке?! Надо было удирать, чтобы самим не сгореть. А эти огненные факелы бежали прямо на нас, валились, катились, как перекати-поле, прямо под гусеницы. Мы же не гоночная машина, чтобы успевать

маневрировать. Но американские танки, увидев, что тут твориться! Как горит земля! Огненная волна шириной метров в сто! Стали пятиться. А куда им идти? На высоту. Тут был и смех, и грех. Танки у них были колёсные, на высоком ходу. Им такого подъёма не преодолеть с их высотой и смещённым центром тяжести. Они просто стали переворачиваться кверху брюхом. Но самое главное, по радио заорали на ломаном русском вперемешку с английским, мол, в бой брошены русские войска! И началось бегство. Мы тогда выжили, потеряли три машины вместе с экипажами. Четвёртая, слава Богу, уцелела! А ты говоришь, война!.. Жутко это. Очень жутко. Я за эту войну, за четыре года, что там провёл, потерял три личных экипажа, четыре раза горел. Из последнего боя меня вытащил раненный в ноги стрелок-радист. Все остальные погибли…».

Больше он никогда в жизни ничего не рассказывал. Только за два месяца до смерти попросил сжечь все фотографии, оставшиеся у него в альбоме и привезённые, как впрочем, и сделанные, тайно из далёкой корейской народной республики. Где был живой механик-водитель Лель (латыш по национальности), который не один раз спасал жизнь и ему, и всему экипажу. Была фотография того самого стрелка-радиста, который вытащил его из горящего танка (к великому своему стыду и сожалению не имени, ни тем более фамилии его я так и не узнал). И полковник Огневой, подаривший ему собственные часы после того знаменательного боя. Я и раньше видел эти фотографии, но никто мне не говорил, что это за люди? Почему они оказались в этом альбоме?! Фотографий никто, конечно, не сжёг. Он боялся, чтобы после смерти не навредить своим друзьям, которых больше никогда в жизни не видел, и даже не знал, живы ли они. Может и догадывался, что в том последнем для него бою, погиб механик Лель, и что полковник Огневой, прикрывая своей машиной и собой, позволил некоторым раненым выбраться из горящих машин, и не только самим спастись, но и вытащить живых друзей. Правда, их-то осталось в живых из всего полка только двое — он и стрелок радист!.. А корейские медали «За отвагу и мужество» я потерял ещё в глубоком младенчестве.

«Девять месяцев — это не лет» — Пел Владимир Высоцкий. Ровно столько Фёдор провёл по госпиталям. Ещё бы! Распоротый живот, пробиты осколками ноги, несколько этих гадостных кусочков железа сидели в груди, сильные ожоги. Вообще-то лечащий врач говорил ему потом, что ни на мгновение не сомневался в том, что Федька сможет выжить. Однако выжил. Выжил и вышел на свободу, хотя никто его и не сажал. Ещё полтора месяца добирался до Москвы. Потом домой. Но тут его

никто не ждал. Кому он нужен был? Уголовник!.. Поехал в Горловку. Но и там он оказался не удел. Отправился в Донецк, но с тем же результатом. Здесь он встретил ещё одного подобного себе. И решили они махнуть на север к людям!.. вот так оказался Филипп Федосеевич в тундре, где отбывали свои срока пожизненные и безвыездные!.. Где по всей тундре в пределах видимости торчат не только геологические вышки, но и другого, особого назначения. В количественном отношении последних было намного больше. Но были и терриконы!.. Шахта звала!

Началась новая, странная жизнь. После всех скитаний и ужасов войны, можно было бы за ум взяться. Но что-то не сложилось у него. Не склеилось. Не прошло и месяца, как загорелась шестая шахта. Его вместе со всей сменой завалило. Погибло много народу — он выжил!.. С этой поры, он стал замечать, что сама судьба его бережёт. Вытащили его вместе с сотоварищами, оставшимися в живых. Перевели на другую двадцать пятую, самую большую, передовую! Но и тут поработать не пришлось. Не выносила земля-матушка его в чреве своём. Случился взрыв в штреке, а за ним пожар, продолжавшийся до тех пор, пока все стволы, все вентиляционные отводы не закупорили намертво. Он неделю в «печке» отлёживался, пока неприкосновенный запас еды, и питья не закончился. Потом взял противогаз и выбрался в штрек. Вскоре встретил ещё нескольких шахтёров, уцелевших, как и он. Вместе пошли по горизонтам, пытаясь уйти от огня и удушья. Отыскивали «печи», и шли дальше. Вот так под землёй они прошли более тридцати километров, пока не наткнулись на щуп. Это горноспасатели спускали специальные приспособления для тех, кто мог оказаться в живых, но не знал, как выбраться. Ждали ещё трое суток, пока спасатели не пришли проверять улов. Спустили им туда еды, воды, потом карту дали, куда идти дальше. Там, куда они пришли, было, обыкновенное вентиляционное разветвление, но главное, оно имело прямой выход на поверхность и достаточно широкий лаз. В него на трёхсотметровую глубину (а именно на такой глубине уцелевшие оказались, хоть и спускались на 120 метров) сбросили трос. Первым подняли раненого шахтёра, который уже совсем обессилил. Вот так по очереди вынули из угольных недр, оставшихся в живых пять человек из семидесяти восьми спустившихся под землю. У шахтёров, как и у горноспасателей, есть не писанный закон, пока из штольни не будут извлечены все, хоть обгоревшие трупы, работу не прекращать. И не дай Бог начальнику шахты закрыть такую!.. Разорвут!.. На этот раз был тот самый случай, когда пришлось закрыть не найдя одного шахтёра. Спустя пять лет в шахту

забрела одна смена. По чистой случайности штреки соединили, просчитались. И нашли там скелет того самого бедняги. Выяснилось, что погиб он от голода, а не от удушья или огня. Начальника шахты под суд отдали, хоть он никаких законов не нарушил!.. А штрек срочно пришлось заблокировать, так как снова загорелся пласт. Так до сих пор и стоит законсервированная навечно «полыхающая» двадцать пятая!..

Но шутки судьбы не кончились. Перевели его, после соответствующего отпуска, на восемнадцатую шахту. К тому времени он уже был женат. Ещё когда был на шестой, выписал для друга Кольки свою двоюродную сестру Шурку, с которой Николай познакомился ещё в Донецке. А сестрёнке самой скучно было ехать на север дикий, вот и прихватила с собой подружку. Та в свою очередь от батьки пьяницы и деспота убегала на край земли лишь бы подальше от него, ирода. Вот так и познакомились. Но и на этой шахте долго удержаться не удалось. Обвалы шли один за другим. Снаряды ложились рядышком. Так долго продолжаться не могло. Зато произошло другое горе. Беда пришла с самой неожиданной стороны. Случилось несчастье с его первенцем. И пошло, поехало!.. Запил Федька по-чёрному. Правды ради надо сказать, что и раньше он никогда не отказывался пропустить пару тройку рюмашек, но в запои не впадал. Обстоятельства принуждали сменить место жительства. Вместе с семьёй он оказался подле своего родного села, всего лишь в каких-нибудь пятидесяти километрах. Пошёл на завод, электриком. Но водка не отпускала. Однажды, уходя со смены, зашёл к вахтёру, сдал ключи. А тот возьми да предложи выпить. Позвали сменщика, разлили на троих по гранчаку, тяпнули и по местам. Федька, разумеется, домой, а те работать остались. Утром, ни свет, ни заря, прибежали с завода на квартиру к Федьке, срочно на работу требуют. Собрался он, и поплёлся, злой с похмелюги. Ещё бы, законный выходной отбирали!.. А через полчаса примчался обратно весь взмыленный, белый, как стена. Оказывается, пили они вчера древесный спирт. Вахтёр помер ещё ночью, прямо в будке своей. Сменщика успели в больницу завезти, где он благополучно и скончался. А Федька давай глотать марганцовку!.. Глотает, литры воды в себя заливает!.. Организьм чистит!.. Жена и говорит ему: «Поздно чистить, если бы чего, так уж давно бы помер, как собутыльники твои!..».

С тех пор бросил Федька водку и самогон пить. Только вино да изредка пиво употреблял. А ежели когда и приходилось на беленькую перейти, так только после того, как узнает откуда она, родимая, кто гнал?!

Святостью, как и верностью в супружестве, Федька не

страдал. Но характер имел твёрдый. Раз решил купить мотоцикл, бросил курить и на собранные деньги сделал себе подарок. Правда, долго ездить не пришлось. Любил он всё-таки заложить за воротничок, а друзей по этому делу долго искать не надо, сами найдут, только свисни!.. После того случая, ушёл с крахмалопаточного, в депо отправился. Долго там работал, но с начальством не ужился. Звали его в партию, а ему она, эта партия, костью в горле торчала. Но не будет же он об этом кричать начальнику?! Взял да и уволился. Тут как раз на биохимзаводе место тракториста освободилось. Никто не хотел работать на стареньком «Т74». А он с него когда-то в далёкой юности начинал. Вот и пошёл. Протянул там до самой пенсии. И тут грянула война!!! Опять, война!!!

Так случилось, что жена с внуками накануне уехали за Днестр в Чимишлийский район, к подруге, а ночью в город вошли румынские войска. Началась самая настоящая война!.. В эти дни, когда на какие-то мгновения восстанавливалась связь, мне звонила его дочь, моя младшая сестра. Она сидела под батареей парового отопления у окна, чтобы случайные пули или осколки не зацепили, и плакала!.. Плакала от страха и бессилия, от ужаса, который её окружал. Я слышал щёлканье пуль о стены квартиры, шипение толи ракет, толи мин, и взрывы вперемешку с автоматными очередями. Люди целыми днями сидели в подвалах больших домов, даже не задумываясь, что их могло завалить. Здесь же круглосуточно и безвылазно находились дети. Взрослые по ночам выбирались наружу, проникали в свои квартиры, чтобы пополнить запасы еды. Хлеб иногда подвозили какие-то странные машины. Его раздавали совершенно бесплатно по одной буханке в руки. И никто даже не попытался обмануть и выпросить себе две. Никто не лез без очереди и не вопил, что ему надо больше. Никто не нёс своих детей на показ, чтобы в их ручонки тоже дали по булке хлеба. Люди сами говорили за таких, и просили дать им дополнительную булку.

Этот кошмар длился полтора месяца. Рано утром, в три часа утра 28-го июля, когда солнце ещё и не думало выбираться из своей ночной колыбели, уже пенсионер Филипп выбрался из подвала и пошёл на речку, чтобы поймать рыбы. Есть-то всё-таки надо было, а запасы не безразмерные. Сегодня, именно в этот день, ожидался ввод российских войск в город. И вот, когда первые лучи яркого летнего солнца робко прорезали чёрный бархат предутреннего неба над Днестром, он засобирался домой. Надо было успеть, пока не расцвело. Хоть и был объявлен мораторий, снайпера не спали!.. Идти было не трудно. Серая мгла не давала возможности видеть далеко, зато под ногами кое-как

было видно. Подле угла самого крайнего дома, в пятидесяти метрах от своего жилья он заметил три камня. Они лежали здесь ещё накануне. В темноте он их обошёл, и сейчас обошёл бы, но слишком торопился и вспомнил о них лишь в тот момент, когда нога уже коснулась среднего. Взрыва он не слышал, как и не помнил, что было дальше. А дальше!..

Из подвала этого же дома на звук взрыва выбрались мужики, которые и увидели, как он разрывает прямо на себе рубаху и, образовавшимися лентами, перетягивает ноги выше колен!.. Очнулся он через пять дней в Москве. Без ног, но живой!.. В этот же день, но семью часами позже, я входил в город за штыками русских солдат!.. Ещё ничего не зная о трагедии. Судьба и на этот раз спасла его.

И началась новая, ещё более жуткая, борьба — борьба за существование. Костыли, протезы, деревянные культяшки и так далее, и тому подобное. Жить стало совсем невмоготу. Семья и раньше не страдала от излишек денег, а теперь и подавно. Устроился сторожем в гаражах. А там ни телефона тебе, ни сигнализации какой, ни тем паче оружия. Случилось так, что на одной из смен обобрали одну из машин. Виновных нашли быстро. Ими оказались сторожа. Плюнул Филипп на это и ушёл. Стало совсем плохо. Денег на лекарства не было, да, что там говорить, на хлеб уже частенько не хватало. И слёг он. Совсем слёг. Чуть больше трёх месяцев пролежал и тихо так, мирно скончался. Жил тихо и умер незаметно. И похороны были более чем скромные. Родился при румынах, и похоронили при них же!.. Вот так закончился жизненный цикл одного человека из миллиардов!!!

Спустя много лет

«А снег-это просто такой пешеход,
Который всё время куда-то идёт.
По лицам прохожих, по стенам домов,
По спинам немыслимо чёрных котов,
По стёклам спешащих куда-то машин,
По свежести женщин и следу мужчин.
И где его цель, окончанье пути?
А цель его просто красиво идти!»

Олег Чимиль

— Позвонила своему однокласснику в Краснодарский край, — рассказывала Тамара. — Узнал меня сразу, чем удивил. Спросила за одноклассников, оказывается, многие остались в Воркуте, кто работал на шахте, кто на такси. Он уехал 5 лет назад, получил профнепригодность, пенсия около 1400 гривен на наши деньги, для России копейки. Пока разговаривали, у него было слышно, как мяукал кот. Он своего кота гладит, когда кормит, иначе не ест, видно, что любит старичка. Получила известие от другого одноклассника из Ленинграда, он тоже переживает за своего старого кота. Такие мои одноклассники добрые, умеют жалеть.

Прошло много лет. Осталась память. Ясное дело, что она искажена детскими воспоминаниями. Понятно, что для взрослых тех лет всё было совсем, совсем другим. Но там было наше детство, и этим всё сказано. Там закладывалось в нас нечто, что отличает нас и поныне. Возможно, я ошибаюсь, но уж очень хочется верить, что это так. Во всяком случае, люди, к которым я обращался за воспоминаниями, не отказали мне. Не все, разумеется, не все, но всё же!.. Может быть потому, что они всё-таки моего возраста. Более молодые немного отличаются от тех, кто жил в пятидесятые, шестидесятые годы там, на далёком севере, за полярным кругом.

Время наложило свой отпечаток на нас. Люди, жившие там в те времена, отразились в нас, как в зеркалах. Там, никто никогда не замерзал, будучи в дрызг пьяным. Там никто, никогда не погибал, поломав ногу, идучи с работы. Не было тогда мобильников, да и телефонов не так уж и много было… и, тем не менее, люди там были дружнее. Каждый понимал, что сам может оказаться в таком положении, а потому помогали друг другу, не

задумываясь, надо ли пройти мимо или постучать в ближайший дом и внести бедолагу в тепло.

Сейчас человек может умирать на улице, в больничной палате, дома, да где угодно, и никто не подойдёт, никто не посочувствует, никто не поможет. А врачи сначала спросят, сможет ли бедняга оплатить им их услуги. Хоть и не факт, что помогут.

Безусловно, я не говорю обо всех поголовно, но о большинстве. Увы, но это факт. Не стану приводить примеры, хоть очень хочется. Многие говорят, мол, время такое. Нет, не время. Просто люди решили, будто деньги — это главная цель в жизни, это свобода, это жизнь, это счастье. Как они ошибаются?! Что может заменить чувство бесконечной благодарности тому, кто помог в тяжёлую годину? Что может сравниться с чувством удовлетворения и облегчения за другого человека?! За того, кому помог. Нет, это не чувство выполненного долга, это счастье, что ты оказался в нужный момент в нужном месте. Это такая радость, когда кто-то с твоей подачи добивается каких-либо успехов в жизни, не говоря уже о спасённой жизни…

Жизнь в суровых условиях сплачивает людей, помогает им выжить. Они дружнее. Здесь на юге каждый сам по себе, каждый сам за себя. Замёрзнуть здесь не замёрзнешь, сломаешь ногу? Ну и что? Когда-нибудь, может быть, кто-нибудь вызовет скорую. Если, конечно, найдут… А не найдут? Ну, так это судьба такая!.. С ней не поспоришь.

Помню, однажды мы гуляли в одном достаточно уединённом месте, спуск к морю возле ботанического сада, что напротив санатория (бывшего санатория) «Россия». Крутейший, булыжниковый, исковерканный годами и оползнями, спуск. И вот именно здесь, совершенно случайно, хоть и говорят, что случайностей не бывает, встретилась нам женщина, которая рассказала, как она однажды возвращалась с работы как раз по этой самой дороге. Поскользнулась на одном из булыжников, сломала ногу. Подняться не могла, ничего под руками не было, ни единой палки. Мобильника тоже ещё не было. Случилось это где-то в конце прошлого тысячелетия. Мобильники уже были, но слишком дорогие и не для всякого смертного. Вот она бедняга и лежала почти сутки, пока соседи по квартире не забеспокоились. Жутко об этом говорить, но беспокойство их было вызвано не столько пропажей соседки, сколько судьбой коммунальной комнаты. Как говорил один герой Михаила Булгакова: «Ну что же, они — люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было… Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота. Ну,

легкомысленны… ну, что ж… и милосердие иногда стучится в их сердца… обыкновенные люди… в общем, напоминают прежних… квартирный вопрос только испортил их…».

(Михаил Афанасьевич Булгаков — «Мастер и Маргарита».

Мы жили в бараке, и ни кому в голову не приходило завидовать тем, кто жил в больших, тёплых домах. Родители работали, и мечтали получить квартиру. Мы ходили в гости, мы ездили на юг, мы жили так, как требовала от нас Антарктика.

Теперь осталась лишь память да легенды с анекдотами.

Шахтёрские байки

— Был на шахте «Юр-Шор» мужичок, который никогда не имел своих сигарет, потому что, типа бросал, и всегда у всех «стрелял»… На шахте проходили каждые полгода флюорографию, ну, так вот, у этого шахтёра находят небольшое затемнение в лёгких, врач у него спрашивает:

— Курите?

— Да…

— Надо бросать.

— Не могу, доктор, пытался…

— Ну а какие сигареты курите?

— Да разные, какие придётся…

— Ну, тогда хотя бы перейдите на одни сигареты, и курите меньше.

— Доктор, ну как вы себе это представляете, что я, за одним и тем же человеком, по всей шахте бегать буду?..

Современный анекдот.

— К одному моему приятелю приехала бабушка из глухой деревни. Укатил приятель на работу. Приезжает, а бабушка на кухне чай пьёт из блюдечка.

— Садись, — говорит, — внучек, попей чайку! — Приятель хвать чайник, а он холодный…

— Ты чего, — говорит. — Бабушка, чайник-то не согрела???

— Да чего его греть? — Отвечает. — В кране и так кипяток….

Истинная правда! Хотя лично мне никогда не приходилось пользоваться горячей водой, кроме, как в гостях (об этом уже я рассказывал раньше), и в общественной бане, куда мы ходили мыться. Кстати, бани у нас были разные: шахтёрская — это для шахтёров, поднявшихся нагара из шахты, и общественные. Была и женская баня, правда, где именно, не скажу. Сначала она была недалеко от моего дома, по левой стороне улицы за мостом. Потом её перенесли. Ещё одна баня была не налево, как бывшая, а направо в самый конец улицы, мимо профилактория, детского садика, стадиона. Я там был однажды, но в памяти не отложилось ничегошеньки. Примечание, что от неё осталось можно посмотреть Фото № 9 — Шахтинская, дверь в баньку. Возможно, были ещё бани, но я о них ничего не знаю.

— В шахте. На исходящей струе устраивались ниши для трансформаторов. Там тепло и уютно. Некоторые несознательные горняки пользовались этим для облегчения организма — это дерьмо покрывалось плесенью, и становилось белым и пушистым. Практиканты и другие неискушённые парни спрашивали, что это

такое? Коварные наставники в один голос уверяли, что это зайцы, некоторые бежали гладить бедных животных!!!

Девяностые года… Все замотанные жизнью… Зима… Темно… Шахта Воргашорская переходит от одного собственника к другому… Бухгалтерия допоздна сверяется с покупателями. А потом нужно архивировать данные, где-то минут пятнадцать. Подошёл автобус для третьей смены, около двадцати одного часа. Следующий очень поздно будет. Все рванули на него. Я же должна ещё заархивировать. Задержалась. Уже и не надеялась, что ждут. Когда забежала в автобус, народ дремал, девчонки мои:

— Ну что так долго?

Я громко на весь автобус на своём профессиональном сленге:

— Да так долго вводил, что еле-еле смог кончить!..

Народ ржал до самого Воргашора. Все проснулись и чему-то радовались.

— Шахта «Воргашорская». Участок. «ГКР» — проходка 2 горизонта 1980 год. Был у нас Вася Плоскодняк, из посёлка Юршор, легендарная личность, о котором ходили невероятные истории. Его можно охарактеризовать женским взглядом, то есть если у мужчины огромный нос, значит, и остальное тоже тех размеров. Нос у Васи был ОГРОМНЫЙ! В шахте, в душевой отдельных кабин не было, так что про Васю знали всё! И был у нас в смене горняк Витя Никонов — приколист ещё тот. Возвращается как-то из забоя и говорит мне, мол, Вася травмировался, и его нужно выдать нагора. Спрашиваю:

— Что случилось?

— Да пошёл в туалет (в шахте туалетов нет), присел, да и наступил себе… Перевязку сделали, да, видимо, надо к врачу, иначе не сохраним такое достоинство Васи, гордость нашего участка!.. — В шахте случаи разные бывают, и я почти поверил. Но тут Витя не выдержал, и заржал….

— Третий район, улица Матвеева, двухэтажные деревянные дома. Жила там семья Юра, Наташа и два сына Вовка и Женька. Пацаны такие сорванцы были, на месте ни минуты не могли усидеть. Смастерил Юрка в их комнате качели, лестницы, канаты, в общем, не комната, а спортзал.

— Юрок-то мой, как отличился, — начала свой рассказ Наташка. — Зашла ко мне соседка. Сидим, болтаем. Вдруг она подозрительно прислушивается к шуму, доносящемуся из детской. Затем смотрит на меня, и так загадочно спрашивает:

— Кто это там?!

Показала ей комнату, где Женька со всей дури раскачивается на качелях, при этом отталкивается ногами от стенки. Увидела это соседка, и разобрал её смех. Когда успокоилась, говорит:

— Мы то думали, что у вас там спальня! Своему говорю, что сосед какой, ночи не хватает, ещё и днём… да так, что стена дрожит!

— Ушла она от меня радостная, а ведь раньше, как-то подозрительно всё на меня смотрела! — Закончила свой рассказ Наташка.

Юмор какой-то у нас пошёл!.. Всё ниже пояса. Неужели больше ничего не осталось? Или нам смеяться нет над чем, либо мы разучились различать качество юмора — хороший от низкосортного.

— Случай из жизни, произошло это буквально месяц назад. Учился я в ГПТУ-12, а тут ко мне обещался заехать друг из Воркуты по училищу. На работе отпрашиваюсь на пару дней, что бы встретить друга с семьёй, и говорю своим коллегам, дружок с Воркуты приезжает, сидели вместе… (После не большой паузы продолжаю) За одной партой. Видели бы вы их глаза, один посмотрел даже с опаской какой-то, ну, а потом вместе посмеялись. Друга я встретил, посидели и отдохнули хорошо.

Это точно. Сам не раз шутил подобным образом. Народ шугался, а когда находился какой-нибудь умник, то всё становилось на свои места.

— История, произошедшая непосредственно со мной, вашим покорным слугой. Сидим мы в забое шахты «Заполярная». Участок проходка, развернули тормоски, «тормозим»… А нам дали чудака с «химии». Он пальцы растопырил, хипишится, ну, в общем, как у горняков не полагается. Вдруг горный удар… Прояснять или сами догадались? В общем, АХНУЛО так, что наш «химик» со стрелы комбайна оказался в «ЧАЧЕ», так называется угольная крошка в одинаковой пропорции с водой. Вылез он, оправдывается: «Думал хана!» А мы переглянулись, и улыбнулись. Хана она — под комбайном Хана!

Мало ли чего в шахтах случается. Просто горняки чаще всего не болтливы, а то б мы таких историй наслушались бы!!! К примеру, вот несколько подобных историй.

— У нас на участке ВШТ был Миша Каримов. Дали ему ученика. Стояли, пропускали в околоствольном дворе порожняк (70 вагонов), а при движении состава надо стоять лицом к составу и ждать до полного прохождения его. Миша устал ждать, и решил поприкалываться над акселератом. Носил он сапоги сорок второго размера, а в бане свои не нашёл, и одел сорок шестого. Стоял, смотрел на проносившиеся мимо скаты, взял да и положил кончик своего сапога на рельс. У малого глаза — полтинники! Спрашивает: «Дядя Миша не больно?». Миша ему: «Ты шо? Это ж порожняк, совсем не больно». Акселерат лишился пальца на ноге,

Мишу уволили…

— Было мне лет 12. После смены к отцу пришёл приятель. Посидели… Выпили бутылку… Мало… Отец даёт мне 5 рублей и записку в магазин в штучный отдел, типа: «Люся, дай этому сопляку водки… Максимыч». Заодно, попросил на сдачу купить пол хлеба и 300 грамм колбаски… Пришёл, объяснил тёте Люсе ситуацию, отдал деньги и записку. Люся дала бутылку и консервы «Печень трески», сказала, мол, обязательная нагрузка. В итоге на колбасу мне не хватило, а хлеба купил. Дома батя открыл консервы: «Гады, уже рыбьи кишки продают». Попробовали… Плюнули… Выкинули в мусор. Закусывали борщом.

— Своему другу москвичу рассказал о крайнем севере. Не поверил!

«Давай, полетели! На всю жизнь в памяти останется!» — Уговаривал его я. Было это в декабре, в девяностом году, когда он отважился. Самолёт сделал посадку в Сыктывкаре. Рейс отложили по метеоусловиям Воркуты. Предложил Сергею пройтись по городу, увидеть Столицу КОМИ. Мороз минус сорок. Идём вдоль сугробов, я в дублёнке, Сергей в кожаной куртке, которая стояла колом, правда, под курткой 2 свитера. Спрашивает дрожащим голосом: «Что за метеоусловия, что самолёт не может приземлиться?»

Отвечаю: «Туман».

«А почему туман?»

«При сильном морозе, появляется туман».

«Это ещё при каком-таком сильном морозе, если здесь минус сорок, сколько же там тогда?!».

«Да там за минус пятьдесят!»

Остановился, подумал, догнал, и говорит, замёрзшим голосом: «Я верю всем твоим байкам, но, пожалуйста, полетели обратно!!!».

Это было только начало моих издевательств над другом, который жил в доме ЦК и каждое лето отдыхал в соцстранах.

Вечером приземлились в Воркуте. Как всегда — встреча с друзьями, ресторан, далее прогулка по ночному городу. Надо же было показать «Северное сияние». Время за полночь. После выпитой водки, для согрева, не очень то и жарко было. Возвращаемся в гостиницу «Воркута». Сергей, так задубел, что за несколько метров побежал к дверям гостиницы. А дверь-то и не открылась. Образовавшаяся наледь препятствовала открытию оной.

«Я забыл тебе сказать, что гостиница закрывается после двадцати трёх часов до утра!» — Пришлось мне так пошутить.

«Да мы же здесь умрём!» — Истерически заорал Сергей, и

принялся колотить в дверь. Колоти не колоти, за дверью дубовой, шумно работали калориферы. Бедолага все руки поотбивал. Я лишь приговаривал: «Ты что так тихо стучишь?» Минут через 30 нас услышали…

В гостинице утром, проснулся от душераздирающего вопля, доносящегося из ванной комнаты: «Да они что? Совсем охренели?!» Захожу, и вижу красные от ожогов руки Сергея.

«Ты куда их сунул?» — Спрашиваю.

«Куда? Куда? Под кран с горячей водой. В Москве как: открываешь кран с горячей водой, поначалу течёт холодная, потом тёплая, а тут сразу кипяток! — Подул на обожжённые руки и добавил: — Да, в общем-то, можно и чай попить из-под крана!».

Быть в Воркуте и не показать шахту!.. Привёз Сергея на шахту «Воргашорская». Многие работали в шахте и знают, что путь к клети идёт по коридору с двумя перемычками. Если одновременно откроются двери, тебя подхватывает поток воздуха и несёт несколько метров, как пушинку, если ты не тащишь с собой хомуты, стяжки или детали от комбайна.

«Покажи мне клеть, где шахтёры спускаются?» — Попросил Сергей.

Когда мы открыли первую дверь, в этот момент вторую открыла смена выезжающая нагора. Откуда знать человеку из Москвы, куда несёт его этот поток воздуха, и что там впереди?!

«Сейчас я почувствовал себя „соплёй“, летящей к своей смерти!» — откровенно признался мне Сергей.

А мне стало его жалко! С тех пор он с уважением относиться к шахтёрам и к суровому климату крайнего севера!

Ещё один забавный случай произошёл с моим другом Сергеем. Идём как-то, по сторонам глазеем.

— «А что это за дом, без окон, и кто в нём живёт?» — Спрашивает Сергей.

«А никто там не живёт. — Отвечаю, — Это помойка».

«Помойка в два этажа? У вас, что столько мусора?» — С удивлением переспросил он.

«Помойка, которая в пургу летать не сможет!». Пришлось пояснить, что такое пурга на примере экскурсии на шахту, где он сравнил себя с соплёй….

— Двухэтажные мусоросборники тоже были воркутинской достопримечательностью. Мне, во всяком случае, таких колоритных строений больше видеть не приходилось.

— Что правда, то правда, я даже своего дворика без помойки не узнал.

Разруха

— Я помню, как ездила во второй район к своей сестре, туда ходил автобус под номером 12 или 8 через тиман. Около магазина во втором районе продавали бабки семечки. Приехав в отпуск в мае месяце этого года, я увидела таких же бабок, торгующими семечками около магазина «Воркута», и сердце кровью так облилось!..

— Да от неё (Северной) говорят мало что осталось. Мой дом стоит Северная 11.

— 2 года назад был в Воркуте, родная улица Северная (между Парковой и Ленинградской) снесена — тоска!!! — там дом, где я провёл всё своё детство!

— Скажу про себя. После долгой разлуки с городом, приехала, пошла по своим памятным местам. Как я хотела и рвалась, посмотреть на тропинки, школу, дома, и, в итоге, увидела разруху. Подходя к дому, я ревела в голос, и не замечала, что ещё и разговариваю, если нервы крепкие, то поезжайте. А я придерживаюсь мнения: пусть Воркута останется в памяти.

Согласен. У нас ностальгия по нашему детству и туда уже невозможно вернуться.

— Тоже согласна. Мы помним Воркуту из нашего обеспеченного детства, зарплаты наших родителей позволяли нам ни в чём не отказывать, в городе появлялись новые развлекательные заведения, в общем, житуха была… А сейчас смотрю на фотографии города, то закрыто, то развалилось… Обидно, досадно, такая тоска на душе… Я думаю, если это увидеть воочию, одно расстройство будет.

— Я работала в магазине на Гоголя. Когда же приезжала в Воркуту в 2008-ом году, магазина не было уже. И Воркута уже не та. Так жалко юности и прошлой жизни.

— Воркута снится до сих пор, хоть и прошло уже 15 лет… Во сне возвращаюсь в свой родной посёлок Октябрьский. Эти воспоминания останутся со мной на всю жизнь.

— Мы уехали из Воркуты 42 года назад, но до сих пор этот город самый любимый мой город-город моего детства. Родная 31-ая школа, самая любимая, первая учительница Любовь Ивановна Попова, ребята из нашего сумасшедшего 8-го «а», детский театр при Воркутинской студии телевидения, наш режиссёр Мери Михайловна Медведева, наши студийцы… Какое это было счастье!!!

— Читаешь то, что помнят другие, а вроде как всё о себе. Последний раз была в Воркуте на 10 окончание школы в 91 году.

И больше наверно никогда не буду… Жаль…

— Друзья разъехались, родственники тоже, ехать не к кому, а побродить по местам детства и юности, не ближний свет.

— Я уехала в школьном возрасте и все воспоминания остались на уровне ощущений и отдельных картинок, волшебный запах пирожных в кафе Лакомка (интересно, сохранилось ли оно?), огромные фиалки на клумбах, тарелка Орбиты, хлебные автоматы в булочной на Ленина. Город детства навсегда останется самым любимым!..

— Так странно, что помним почти одно и тоже, далёкое и родное детство, из которого тоже ушли навсегда…

«Хорошо знаю, что тепло души на много важнее, той же красоты! Особенно на крайнем севере. Желаю всем девчонкам-северянкам оставаться красивыми! Оберегайте любимых своим теплом, теплом своей души!».

Как-то раз после окончания новогодних праздников, старшие ребята решили устроить костёр. Мы, малыши, принялись им активно помогать. Таскали бесхозные коробки, поломанные ящики, доски, фанерки, картон, бумагу… В общем, всё, что горит. Получилась такая огромная пирамида!!! На её вершину водрузили выброшенную кем-то облезлую ёлку.

Принялись поджигать. Ан, не выходит!.. Не горит и всё! Тогда мы пошли добыть бензина. А где его взять? Конечно же, в гараже.

Автопарк находился рядом с промтоварным магазином, что напротив автобусной остановки. Между стеной и забором имелся проход. Вот в этом промежутке и была небольшая дыра, через которую мы проникли на территорию стоянки. Здесь машины стояли ровными рядами. Пацаны открутили крышку бака одного из близстоящих грузовиков, и, при помощи резиновой трубки, наточили бутылку бензина. Не могу сказать, сколько нас там было, но не меньше шести человек.

Добыв нужное, вернулись к нашей куче мусора. Ребята основательно полили ящики нижнего яруса, остатки вылили на кучу бумаги под дощечками. Поднесли спичку!.. Как полыхнуло!!! Всё загорелось как-то сразу, только ёлка не заполыхала. До неё было высоко, и бензином её никто не поливал.

Сначала мы любовались огнём. Потом стали водить хоровод. А когда снег подразмяк, принялись играть в снежки. После кто-то предложил сделать снеговика. И все взялись катать шары!!!

Я не скажу, как долго горел наш костёр, но время пролетело так быстро… И вот уже последние язычки пламени растворились в остатках кострища.

Мы довольные и счастливые отправились по домам. Уже на самой границе посёлка я оглянулся, и увидел следы нашего

пиршества. И это зрелище запечатлелось в памяти навсегда.

Берёт он факелы дрожащими руками
И поднимает их над головой.
Букет огня — трепещущее пламя
Взмывает вверх под купол цирковой.
И на мгновенье вспыхнув облачком прозрачным
Сорвавшись падает в густую черноту.
Старик-жонглёр и вечный неудачник
Горящий дождь хватает на лету.

Но вдруг светящаяся капля отделилась
И промелькнула мимо, как стрела.
До тла сгорела. В пепел превратилась
И умерла как будто не жила.
Но не заметил зритель этого момента.
Он смотрит радостно на яркий фейерверк.
И снова факелы под гром аплодисментов
Седой циркач подбрасывает вверх.
Вот так же просто и легко играет нами
Жонглёр, которого мы все зовём судьбой.
И наших душ трепещущее пламя
Взмывает вверх под купол голубой.

На белом саване тундры траурным пятном выделялось чёрное пепелище прогоревшего костра; поубавившийся слой снега вокруг; и, как страж всего этого безобразия, у кромки границы стоял громадный снеговик с дырявым ведром на круглой голове, чёрными глазами-угольками, черенком лопаты вместо носа и дряхлой метлой какого-то дворника, чудом не попавшей в огонь.

Тогда мы были детьми, а теперь?.. Результатом детских шалостей когда-то!.. Нынче стало… Из действующих девяти шахт в далёком прошлом осталось только четыре… вот он результат вдумчивого освоения заполярья!..

Кто я, и откуда?

Я родился так давно, что и не помню, когда именно, а главное моя память совершенно не сохранила сей знаменательный момент. Помню только, что спустя два года, будучи ещё карапузом, рвал арбузы на бахче у бабушки. Да не просто так, а помощи ради взрослым, не желавшим угостить меня таким лакомством. А, сорвав, тащил в летнюю кухню, поминутно останавливаясь для отдыха, ведь арбуз был так велик!.. С небольшой кулак взрослого человека. Но не забывайте, я же был маленький.

Потом помню маму в каком-то доме, демонстрирующую из окна четвёртого этажа нам с папой какой-то тряпочный кулёк. Потом была школа. Но почему-то в неё ходили не так, как обычно, а в зимнем пальто, в шапке и в валенках. Цветов, на первое сентября, не помню. Да и где им было взяться за полярным кругом-то. Первого урока не помню, зато очень хорошо помню, что никак у меня не выходило написать красивую двойку. Она получалась какая-то кривоголовая и с длиннющим, волнистым хвостом, напоминающим волны разбушевавшегося моря. А вот у учительницы эта же двойка получалась великолепно! Красная, жирная, с хорошо посаженной маленькой, аккуратной головкой на изящно изогнутой шейке, а главное совершенно ровная!

А вот пятёрки у меня получались отменные не то, что у преподавателя, худые, тонкие, жалкие, с хвостиком, далеко отстоящим от пузатого, рахитичного корпуса.

Очень хорошо помню серебристо-голубую и громадную луну, изрезанную тёмно-синими прожилками морей, очень похожую на небольшой глобус с лампочкой внутри, светившую мне, когда я возвращался домой со школы. Огромные сугробы снега и чёрное-причёрное небо со светящимися точками звёзд. Чёрную кошку Мурку, с огромными зелёными глазами. Собаку Мухтара — помесь овчарки с лайкой, с удивительным хвостом-бубликом. Соседа шофёра, но почему-то не жившего со своей семьёй. Очень любившего детей. Он не раз катал меня на своём самосвале. Загоревшуюся ёлку на утреннике. Дымящегося деда-мороза, пытающегося палкой сбить пламя с лап лесной красавицы. Плачущую девочку, потерявшую свою корону снежной королевы. А корона-то оказалась на моей ноге. Я её осторожно снял, хотя и гнали меня из горящего зала, и выталкивали взрослые, но мне удалось-таки уберечь, не повредив это украшение, и вернуть счастливой хозяйке. Гонки на великах по тундре. Походы за

голубикой. Сову, с переломанным крылом. Девочку-шефа, пытавшуюся меня научить уму-разуму. Катание на аэросанях. Первый в жизни спуск в шахту. Добывание из отработанных машинных аккумуляторов свинца и выплавка из него всяких фигурок. Первый поцелуй в сарае. Бревенчатые дома. Вышки с колючей проволокой. Машины-клетки с людьми за решёткой. Деревянный туалет над чистым, прозрачным ручейком посреди тундры.

Потом что-то произошло. Наверное, очень нехорошее, потому что пошли сплошные больницы, больницы, больницы… Замелькали города, как кадры кинофильмов. Потом новая школа. Высокая, злая и толстая воспитательница с массивным золотым обручальным кольцом на безымянном пальце правой руки. Дети, ходившие по коридорам с вытянутыми руками и совершенно белыми глазами без зрачков. Два голубоглазых мальчика блондина. Оба с постоянно шмыгающими носами. Один, правда, в толстенных очках. А на мой вопрос «зачем ему очки ведь он не видит всё равно», неизменный ответ «так сказали». Бедняга, он протаскал их ещё довольно долго. А вот совсем недавно его не стало. Второй ныне профессор математических наук или как там… Вот что вышло из сопливого мальчугана.

Особенно меня поразила церковь на территории школы. Под нею подвал, в котором когда-то хоронили живших и работавших здесь людей. Прекрасный фруктовый сад, где мы подкармливались яблоками, орехами и другими дарами матушки-природы. Огромный стадион, маленькую спортивную площадку с бюстом Ленина в кустах и отбитым носом. Пионерские линейки. Повальная эпидемия какой-то болячки. Пустая школа и только нас пятеро не заболевших. Съёмки фильма. Противный учитель музыки. Воспитатель, бывший футболист. Побег из школы за газированной водой. Переезд в новое здание школы. Первое разбитое там окно. Повара Аурику Ивановну, выбросившуюся позже из окна толи второго, толи третьего этажа. Нового учителя музыки и отвратительную учительницу пения. Ненависть к немецкому языку. Учителя истории — капитана третьего ранга, подводника. Любовь к философии. Стремление научиться играть на гитаре.

Потом Российская глубинка и старый город. Отвратительный самогон, противное пиво и жуткая водка с гадким вином. Первая любовь. Нет, вру, вторая, а может и третья, но то, что другая, так это точно. Не похожая ни на одну прошлую. Золотая Пушкинская осень. Гонки на лодках по реке. Соловьи и много-много музыки!

Потом опять что-то произошло… Вновь больницы выстроились в ряд. И, как следствие, предприятие… Разговоры в

раздевалке только о пьянке да сплошные маты… Однако душа требовала творчества, а какое творчество за отупевающе гудящим станком?! Постоянный «план, план, план». Тогда я придумал станок для облегчения работы. И получил по шапке. Однако сей урок не пошёл мне впрок, и я вновь придумал. И опять получил по шапке. Вот тогда-то я и ушёл.

И замелькали города, вокзалы, гостиницы, поезда, самолёты, автобусы, такси… Концерты, концерты, концерты… Радио, телевидение, газеты, журналы, интервью. Много новых и очень интересных людей, судеб, знакомств, музыка, гитара, песни в лесу у костра, на берегах рек Рось и Дон, Днестра и Днепра, фанерные домики баз отдыха, брезентовые палатки, всегда прекрасные звёзды!..

И вдруг снова что-то произошло. Карусель жизни замерла. За окном застыли две шестнадцатиэтажки, да мелькающий меж ними, то в одну, то в другую сторону, трамвай. Рвущий динамики современный музон, грохочущий из распахнутых окон несущихся куда-то машин. Раздражённые голоса людей. Шарящий ежедневно в альтфатере один и тот же нищий. Крыса, удирающая от него, успевшая утащить из-под носа корку хлеба и ныряющая в нору под крыльцом. Два наркомана, стерегущих свою жертву день изо дня. Тупые рожи ментов, метущихся мимо — их не интересуют мальки, им нужна рыба покрупнее. Девчонка-красавица, как одинокая берёзонька, обречённо ожидающая своего клиента. И тут снова что-то произошло…

Но что на этот раз?!

А дальше была война…

Примечание

В книге использованы воспоминания Ольги Нику, Тамары Скибы, Ольги Якушевой (Дёминой), Валерия Кузёмы, Владимира Забродина (Корзунова), Анны Кузиной, Алексея Акимова, Димы Зачаренкова, Елены Бояриновой (Акуловой), Андрея Бондаренко, Сергея Залесова, Лилии Корженковой Владимира Бондаренко, Виктора Ермилова, Николая Пичугова, Андрея Ермакова, Якова Кухаренко, Ольги Волжской (Илкова-Моисеенко) и многих, многих других.

12 августа 2014 г. Вторник